

**Материалы
Международной научной конференции,
посвященной 150-летию со дня рождения
академика А.А. Шахматова**

Санкт-Петербург
Нестор-История
2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виноградов В.В. Алексей Александрович Шахматов</i>	10
Амелина Л.В. Аналогия в лингвистической концепции А.А. Шахматова.....	56
Андреева С.Л. Уроки коммуникативной грамматики А.А. Шахматова при сопоставлении словаря концептов.....	58
Анищенко О.А. Лексикографические принципы А.А. Шахматова при создании современных словарей.....	60
Астахина Л.Ю. Роль А.А. Шахматова в развитии лингвистического источниковедения.....	62
Баженова Т.Е. Региональная стратификация русского языка на картах лексического атласа самарских говоров.....	65
Байдуж Л.М. Безличные причастные предложения с субъектным и объектным инфинитивом в свете теории семантического синтаксиса.....	67
Басаргина Е.Ю. Несколько замечаний о личности А.А. Шахматова.....	69
Бекасова Е.Н. А.А. Шахматов о происхождении русского литературного языка: многообразие классики.....	72
Бондарко А.В. Соотношение «грамматические — психологические категории» в истолковании А. А. Шахматова и современные исследования в сфере функциональной грамматики.....	74
Бубнова Н.В. Учебный лингвокраеведческий словарь имён собственных как особый тип современного ономастического словаря.....	77
Бурыкин А.А. Мог ли переводчик «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве»? (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века)....	79
Ваганова К.Р. Идеи А.А. Шахматова в аспекте изучения системы розыскного делового языка XVIII века.....	82
Васильев Н.Л. Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии.....	84

Вовина-Лебедева В.Г. А.А. Шахматов и Ф.Ф. Фортунатов.....	86
Воейкова М.Д. Субстантивированные прилагательные в современном русском языке.....	89
Волков С.С. А.А. Шахматов и проблемы авторской лексикографии.....	91
Волинская А.В. «Словарь особенных слова, употребляемых жителями Архангельской губернии» П.Ф. Кузмищева 1847 г.....	93
Газиева Н. Наследие А.А. Шахматова и проблема диалектной вариативности в современной диалектологии.....	95
Гайдамашко Р.В. О микроареальном диалектном членении в свете идей А.А. Шахматова: по данным «Диалектологической карты русского языка» и современных русских говоров Верхнего Прикамья	97
Галиуллин К.Р. Пути оптимизации лингвографической деятельности: сводные электронные фонды.....	99
Гилязетдинова Г.Х. О грамматической вариативности восточных заимствований в русском языке эпохи Московского государства.....	101
Глинкина Л.А. Грамматическое учение академика А.А. Шахматова и современная лингвистика о субстантивации.....	103
Григораш А.М. Словарь индивидуально-авторской интерпретации устойчивых сочетаний-названий классических и современных литературных произведений (на материале газетных заголовков в русскоязычной прессе Украины): состав и структура.....	105
Громыко С.А. А.А. Шахматов – политический оратор (об одной речи, произнесенной в Государственном совете)....	107
Гурбанова И.М. Актуальность концепции А.А. Шахматова в изучении фонетических особенностей азербайджанских диалектов.....	109
Гусейнов Г.-Р.А.-К., Мугумова А.Л. Некоторые концептуальные и иные проблемы истории русского языка древнейшего периода в трудах А.А. Шахматова: аспекты интерпретации в ареальном и историко-этимологическом аспектах	111

Долгова Е.Ю. К проблеме картографирования многочисленных лексических оппозиций в переселенческих говорах..	113
Дубровина С.Ю. Эмпирическая база народного православия и особенности его языкового воплощения в русских диалектах.....	115
Дымарский М.Я. Понятие вокативного предложения в концепции А.А. Шахматова и в современных синтаксических теориях.....	117
Дягилева И.Б. Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века.....	119
Зиборов В.К. Наследие академика А.А.Шахматова в изучении русского летописания.....	121
Ивашко Л.А. Описание фразеологии в «Псковском областном словаре с историческими данными».....	123
Илиади А.И. Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А.А. Шахматова «К истории звуков русского языка».....	125
Ильенко С.Г. О значении синтаксической теории А.А. Шахматова на современном этапе развития русистики...	128
Иорданиди С.И. Проблемы истории русского языка в критическом и эпистолярном наследии А.А. Шахматова.....	130
Кайгородова И.Н. Синтаксические идиомы в свете учения А.А. Шахматова о коммуникации.....	132
Калиновская В.Н., Эзериня С.А. Лексика с корневыми компонентами <i>аква-</i> / <i>гидро-</i> / <i>водо-</i> как часть тезауруса и динамическое звено лексико-семантической системы русского языка.....	134
Кирикова О.А. По ступеням академических степеней: избрание А.А. Шахматова в действительные члены Императорской академии наук.....	138
Козловская Н.В. Авторская философская терминология Н.Ф. Федорова: лексикографический аспект.....	141
Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная русская лексикография: традиции и новации.....	144
Колгушкина Н.В. Рукописный листок А.А. Шахматова в университетском музее академика И.И. Срезневского.....	146
Колесова И.Е. Проблемы создания электронной вер-	

сии «Диалектного словаря строения слов».....	148
Коркина Т.Д. Кеврольская таможенная книга 1721 г. .	150
Костючук Л.Я. Роль «Лекций по русской диалектологии» академика А.А. Шахматова в современной диалектологии и диалектной лексикографии (содружество идей и результатов).....	152
Красовская Н.А. Судьба тульских говоров и западные языковые черты.....	156
Кругликова Л.Е. Дескриптивный словарь versus пре-скриптивный словарь.....	159
Кулева А.С. К вопросу о месте усеченных прилагательных в системе кратких и полных форм.....	161
Кустова Г.И. Уроки А.А. Шахматова: синтаксические явления на уровне предложения.....	163
Левенталь И.В. О новой типологии толкований для учебного словаря русского языка.....	166
Левина И.Н. Стилистическое маркирование моделей изъяснительных предложений в словаре.....	168
Литвинюк О.И. «Возраст» языка: концепция А.А. Шахматова и изменения ядра.....	170
Лукин О.В. Германия и Австрия в жизни и творчестве А.А. Шахматова.....	172
Лутовинова И.С. Академик А.А. Шахматов и его лекции по диалектологии.....	174
Макаров В.И. Предназначение человека – «увеличивать сумму добра на земле».....	176
Малышева И.А. Исследование рукописных памятников XVIII века: варьирование в параллельных текстах.....	178
Мартьянов Д.А. Словарно-текстовая база данных русских пословиц и поговорок XVIII века.....	180
Милютенко Н.И. Начальный свод и «Повесть временных лет – новые аргументы в пользу текстологии А.А. Шахматова.....	182
Мингазова Л.С. К вопросу периодизации в авторской лингвографии.....	185
Михайлова Л.П. Лексика заонежских сказок в записях	

А.А. Шахматова и материалы Словаря русских народных говоров (сходство и различие).....	187
Михайлова В.Д., Захаров В.П. Концепция генеральной лексикографической базы.....	189
Мызников С.А. О некоторых аспектах собирательской и издательской деятельности А.А. Шахматова.....	191
Немыка А.А., Пешков А.Н. Особенности реализации системных отношений терминологии синтаксиса на уровне парадигматики (от А.А. Шахматова до наших дней).....	194
Никитин О.В. «Филология – это наша жизнь» (малоизвестные факты из биографии А.А. Шахматова).....	196
Николаев Г.А., Николаева Н.Г. Вопросы теории и истории русского словообразования в трудах А.А. Шахматова.....	198
Николина Н.А. Концепция наречия в трудах А.А. Шахматова и современная морфологическая теория.....	200
Поцепня Д.М. Семантическое пространство слова и его лексикографическое членение.....	203
Приёмышева М.Н. Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова: pro et contra.....	205
Прохоренко Н.С. Обзорение фонда А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.....	207
Пурицкая Е.В. «Большой академический словарь русского языка»: шахматовские идеи и литературный язык нашего времени.....	211
Рогова К.А. Односоставные предложения в системе синтаксического описания.....	213
Рогожникова Р.П. А.А. Шахматов и Большая картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН.....	215
Рогожникова Р.П. Эквиваленты слова как часть лексико-морфологического состава русского языка.....	216
Романов Д.А. «Первая русская книга для чтения» Л.Н. Толстого как источник лексикографической работы (к	

идее А.А. Шахматова о расширении лексической базы толкового словаря).....	217
Рябушкина С.В. А.А. Шахматов о средствах грамматического маркирования количественных смыслов.....	220
Сатюкова Д.Н. Ряды прилагательных в устной и письменной речи носителей русского языка.....	222
Силина В.Б. Гипотеза А.А. Шахматова о происхождении славянского глагольного вида и ее развитие в русской лингвистике.....	224
Сиренов А.В. Шахматов и изучение русского средневекового летописания.....	226
Соколов А.И. Явления вариативности в русской химической терминологии XVIII – начала XIX веков.....	229
Судаков Г.В. А.А. Шахматов об историческом словаре русского языка и современная лексикографическая практика.....	231
Тот С.Ф./Szilárd TÓTH. Датировка как обязательная предпосылка этимологической лексикографии (на примере этимологизации регионализмов и интернационализмов финно-угорского происхождения).....	234
Франчук В.Ю. А.А. Шахматов и А.А. Потембня.....	235
Храковский В.С. Эволюция представлений о семантике несовершенного вида от академика А.А. Шахматова до наших дней.....	238
Чуглов В.И. Вклад А.А. Шахматова в развитие теории осложненного предложения: предикативно-атрибутивные и атрибутивно-предикативные отношения и определения.....	240
Шестакова Л.Л. «Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века»: общая структура и возможности использования».....	242
Ширшаков Р.В. О некоторых фонетических особенностях говора села Поим Белинского района Пензенской области.....	244
Шулежкова С.Г. Позиция А.А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирово Евангелия...	246
Шульгач В.П. Русское диалектное <i>ва'рзать</i> и этимологическое гнездо с корнем * <i>vъrz</i>	248

Щеглова Е.А. Идея А.А. Шахматова о словаре тезаурусного типа и авторская лексикография (на примере лексического материала очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»)	250
Щёкин А.С. Конструкции со значением цели в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы»	252
Яковлев В.В. А.А. Шахматов глазами земляков	254

В.В. Виноградов**Алексей Александрович Шахматов¹**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общей характеристикой путей творчества А. А. Шахматова ограничивается мой краткий очерк. Если по нему можно составить хоть бледное и грубое (но, надеюсь, не ошибочное) представление о величии научного подвига А. А., моя цель — достигнута. От попытки обрисовать духовный облик А. А., как человека и ученого, в его внутреннем развитии я заранее отказался. Лишь о его научном наследстве говорил я — и главным образом о лингвистических трудах.

Проф. Д. И. Абрамовича я должен поблагодарить за то необычное участие, с которым он предоставил в мое распоряжение имевшиеся у него копии с писем А. А. и ак. И. В. Ягича к А. Ф. Бычкову. Е. А. Масальская любезно разрешила мне ознакомиться с ее записками о детских годах А. А. и с некоторыми из его юношеских писем.

Викт. Виноградов

1922 г., марта 30.

В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова. Биография его — гениального языковеда и исключительно прекрасного человека — неизбежно должна превратиться в повесть о строительстве «молодой еще науки о русском языке». Научный подвиг А. А. состоял не только в неутомимом исследовательском одиноком труде, но и в разносторонней организаторской работе и в самоотверженном служении общим интересам науки. Духовная личность этого ученого являлась тем центром,

---

¹ Очерк печатается по изданию: **В.В. Виноградов. Алексей Александрович Шахматов. Петербург, «Колос», 1922. 80 с.** — с сохранением всех особенностей текста (сокращения, сноски, библиографические ссылки) в современной орфографии.

из которого исходили широкие замыслы коллективных начинаний в области славяно-русской филологии, и в котором находили себе приют и поддержку научные и культурные устремления всех знакомых ему людей. Еще в 1894 году, когда возник вопрос о привлечении А. А. Шахматова в Академию Наук, ак. И. В. Ягич 13–25 апреля писал ак. А. Ф. Бычкову: «На всю Россию вы не найдете более способного по славяно-русской филологии, ни более даровитого, ни более энергичного, ни более трудолюбивого». И с тех пор в течение четверти века, вплоть до безвременной смерти своей, акад. А. А. Шахматов был признанным вождем русской филологии, который не только с изумительной широтой и талантливостью переносил на необозримое поле русской диалектологии итоги западной лингвистической мысли и методологические достижения своего учителя — Ф. Ф. Фортунатова, но являл собою оригинального мирового лингвиста, основателя научной школы в славяно-русском языкознании, блестящего исследователя русской литературы, русской истории и исторической этнографии восточной Европы.

Вполне понятно, что ныне, когда еще не приведено в полную известность все научное наследство А. А., и еще не собрано достаточного материала для освещения всех сторон его деятельности, не настало время для его биографии. Можно отметить лишь те внешние вехи его жизненного пути, на которые указал сам он в своей «автобиографической записке».

I.

А. А. Шахматов родился 5 июня 1864 г. в Нарве. Рано лишившись родителей, он перешел вместе с сестрами в семью своего дяди — Алексея Алексеевича Шахматова («моих к великому делу побудителей», по словам детского письма Алексея А.). В культурной тиши старой усадьбы, Губаревки, недалеко от Саратова, складывалась и крепла духовная личность А. А. Шахматова.

С 1876 г. начинается упорная и непрерывная исследовательская деятельность мальчика, который с ранних детских лет увлекался историей русского народа (под влиянием книг — Петрушевского А. Ф. «Откуда пошла русская земля» и Карамзина

«История Государства Российского»). В этом году А. А. Шахматов попадает за границу с дядей и в Мюнхенской и Лейпцигской университетских библиотеках извлекает из сочинений Страбона, Помпония Мэлы, Птоломея материалы для освещения «древнейших судеб русского племени». «Я теперь не буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона, — писал двенадцатилетний мальчик, проникший к первоисточникам, — я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, не трудами Карамзина и Соловьева» (письмо от 1876 г. из Лейпцига).

И тогда намечается центр его изучений, к которому он будет подходить в разные эпохи своей жизни с разных сторон и разными путями: «История, начиная со Скифов до самого Рюрика, всем надоела (исключая меня, потому что я дальше не двигаюсь)» (24 дек. 1876 г.). О скифах А. А. Шахматов в том же году пишет сочинение в Лейпцигской Nikolai-Gymnasium, которую он покидает в декабре 1876 г., вернувшись, через Париж, в Россию, в Московскую частную гимназию Креймана. Здесь продолжают те же напряженные научные искания любознательного мальчика: он мечтает о решении широких проблем методологии истории, критикуя исторические концепции Грановского, Карамзина и Соловьева. И в то же время ему открывается новый путь историко-культурных разысканий, намеки на который он еще раньше усмотрел в книге А. С. Хомякова о родстве славянских языков с санскритом: пред ним рассыпает свои сокровища «милая филология». С страстным одушевлением отдается А. А. собиранию слов — арабских, еврейских, египетских, финских, грузинских, армянских, санскритских, персидских, кельтских, литовских, готских, исландских и других. Параллельно идет изучение соответствующих грамматик и чтение общих лингвистических трудов. Это не было изменой истории культуры. «Филология» рисуется А. А., как основа всех исторических дисциплин и неисчерпаемый источник интеллектуально-морального развития. «Она облагораживает историю, и религию, и литературу, — пишет А. А. Шахматов 26 февраля 1879 года. — Филология — это наша жизнь, жизнь древнего нашего предка Ария, жизнь и наша, идеалистов XIX в.». И расширение круга своих филологических по-

знаний А. А. называет своим «моральным развитием», противопоставляя его «гимнастике», «физическому развитию», которое связано с усвоением учебников школьной премудрости. В 1879 году изменяется обстановка, среди которой происходит «гимнастика»: с этого года А. А. учится в IV московской гимназии. Но «моральное развитие» идет тем же стремительным темпом: мысль А. А. теперь отрывается от почвы русской народности и направляется на изучение отдаленной культуры человечества, которую он стремится постичь через проникновение во внутреннюю форму разноязычных слов. Юный лингвист продолжает свои разыскания «по части органов звуков», начало которым им было положено еще в Креймановской гимназии, и пишет сочинение «о человеке» и «о земле». Филология поглощает у А. А. весь досуг от гимназических занятий, но дает ему полное удовлетворение. «Что открыла мне филология?» — спрашивает он в письме от 4-го марта 1879 г., — и отвечает: «мне теперь много и много ясно, много и много стало понятно, я проследил за древнейшею жизнью человека, и я часто переношусь во блаженные времена Адама, идеального Ходжетцова (такова была фамилия учителя англ. яз.) человека»...

Было необходимо, чтобы гениальный мальчик, который, по его собственному сравнению, «мчался по обширной равнине филологии, подобно необузданному коню», нашел себе в своих научных занятиях опытного руководителя. «Давнишнею мечтою» Шахматова был Ф. И. Буслаев, который навсегда остался для него «основателем русской филологии»¹. И ясно, что влекло к этому ученому мечту мальчика-лингвиста: «он I-й из русских составил историческую грамматику» (письмо от 2-го февраля 1879 г.). А. А. Шахматов, двадцать лет спустя, так вспоминал о своем юношеском влечении к Буслаеву: «Из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливого этого ядра Исторической грамматики Буслаева (второй части книги «О преподавании отечественного языка» — «Материалы грамматики и стилистики»). Целостное отдавание себя науке, «сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза»...

¹ См. «Четыре речи о Буслаеве». СПб., 1898 г., 7 стр.

теза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия», а главное — «живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к истине» — поразили Шахматова в Буслаеве. Но не суждено было, чтобы этот художник, созерцавший сквозь внутреннюю форму слов культурную жизнь и поэзию прошлых веков, сделался учителем А. А. Он нашел себе руководителя в кругу более молодого поколения — учеников Буслаева. Это случилось в 1879–1880 гг.

Эти годы — чрезвычайно важный момент в жизни А. А. Шахматова. К этому времени относятся его первые знакомства с московскими профессорами-филологами. Желая выяснить, имеет ли какой-нибудь научный интерес его «сочинение о происхождении различных слов, навеянное отчасти чтением Макса Мюллера», А. А. при посредстве любителя лингвистики — учителя английского языка Годжеца — знакомится с проф. Н. И. Стороженко. Тот, пораженный лингвистическими познаниями юного гимназиста, направляет его к В. Ф. Миллеру, который, помимо университетских курсов истории древнего востока, санскрита и древнеперсидского языка, «на высших женских курсах предлагал тогда чтения по истории русского языка и истории древнерусской литературы»¹. В. Ф. Миллер сначала не совсем приветливо встретил молодого лингвиста, не желая его признать за «свыше одаренное существо», и подверг суровой критике развитую им фонетическую теорию. Но скоро убедился в беззаветной преданности филологии необыкновенного мальчика и предложил ему *Compendium* Шлейхера и самостоятельную научную работу — изучение языка жития Феодосия по рукописи Успенского собора. Тогда же — с рекомендательным письмом того же Стороженко — является Шахматов к проф. Ф. Ф. Фортунатову, который «отнесся к нему с отеческой любовью и принял его всецело под свое руководство». Этот замечательный лингвист, учиться у которого приезжали иностранные языковеды, был представителем иного научного течения и диаметрально-противоположного интеллектуального уклада, чем Буслаев; это — философ-математик, с поразительной силой абстрактно-логического мышления. «Фортунатов был воплощением чистого научного творчества», — вспоминал один из его талант-

---

¹ Шахматов, А. А. В. Ф. Миллер. Некролог. Изв. Аккад. Наук 1914 г., № 2, 75 стр.

ливейших учеников — проф. В. Н. Щепкин. «Атмосфера бескорыстной пытливости и незыблемой логики была разлита в его аудитории»¹).

И для Шахматова также, по его признанию, Фортунатов стал «воплощением той самой науки, около которой сосредоточились все его симпатии и интересы». И в научном образе Шахматова с тех пор как бы сочетались два лика — Буслаевский и Фортунатовский: необычайной силы художественная интуиция, особенно в историко-культурных воспроизведениях, и математическая четкость дедуктивных лингвистических построений — при строгой точности сложных индуктивных операций.

У Фортунатова А. А. знакомится с его ближайшим другом — Ф. Е. Коршем. Разносторонний ученый, удивительный знаток множества языков — не только индоевропейских, блестящий филолог–классик, исследователь метрики, любитель литературы и поэт, поразительно остроумный и общительный собеседник — Ф. Е. Корш, по словам А. А. Шахматова, имел немалое влияние на дальнейшее развитие его научных интересов. В беседах с этими светилами филологии «поле науки, — как пишет А. А., — шире развернулось перед ним», и бесповоротно установилась собственная «запашка» его в этом поле. От дерзновенных юношеских мечтаний об озарении светом филологии судеб вселенной А. А. возвращается к той задаче, которая пленила его в раннем детстве, — к исследованию судеб истории русской народности, и прежде всего одной из важнейших сторон ее — истории русского языка. Бедность русской лингвистики сразу же раскрылась пред А. А. Шахматовым, когда он, работая над языком жития Феодосия, стал искать и спрашивать у своих руководителей указаний на предшествующие исследования. По их словам, «у нас положительно ничего нет по древнерусскому языку, которое могло бы служить элементарным пособием для его изучения» (9-го. марта 1880 г.) — сообщает А. А. Ему казалось прискорбным, что даже Несторова Летопись — «этот величественный и самый дорогой памятник старины» — не имеет грамматики. И он с жаром отдается исследованию рукописи жития Феодосия и сопоставлению

---

¹ В. Н. Щепкин. Фортунатов Ф. Ф. Некролог. Русск. Фил. Вестн. 1914 г. № 3-4, 417 стр.

ее с печатными изданиями, потому что «житие Феодосия имеет большое значение при попытке определить характер первоначального языка Нестора и его манеры письма»¹).

Так, параллельно с усвоением лингвистических взглядов учителя — Фортунатова и с широкой общей филологической подготовкой начались практические занятия А. А. историей русского языка. Они велись под руководством Фортунатова, а результаты их, по словам А. А., «проверялись» в беседах с Ф. Е. Коршем. Они первоначально сводились к детальному палеографическому описанию древнейших рукописей и сверке с ними изданий. Результаты этих наблюдений по отношению к двум рукописям — жития Феодосия и Изборника Святослава 1073 г. — были в течение 1881–1882 г. напечатаны в *Archiv'e* славянской филологии, издаваемой акад. Ягичем (V, VI B.).

В связи с этим в 1881 г. состоялось знакомство А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем. Между ними завязывается деятельная переписка, и акад. Ягич, по его собственному признанию, дорожит письмами юного своего корреспондента, полными новых и глубоких соображений по вопросам истории древнерусского языка, изучает их. В лице акад. Ягича А. А. Шахматов нашел друга из старой школы славистов, без отчетливой и строгой филологической методологии, но с чрезвычайно широким общеславянским кругозором, привязанного к драгоценным свидетельствам текста.

В этом ученом содружестве с самыми видными представителями филологической науки в России гимназист Шахматов играл не пассивную роль воспринимающего ученика, но сразу же выступил сотрудником в научной работе своих учителей. Для Фортунатова он наводит в архивах нужные ему справки о литовских изданиях и санскритских рукописях; в письмах к Ягичу он сообщает ряд своих новых наблюдений над языком и графикой рукописных текстов, и академик признает их значительность.

Так естественно и быстро непосредственное, вдумчивое изучение древнерусских оригиналов дает А. А. надежный материал для критики чужих концепций и для самостоятельных язы-

---

¹ Zur Kritik der altrussischen Texte. *Archiv für Sl. Phil.*, V B, 613.

ковых построений. Способность критической оценки и дар творческих достижений А. А. сделались явны уже широкому кругу филологов в 1882 г. — после диспута А. И. Соболевского, когда, при защите им магистерской диссертации («Исследования в области русской грамматики»), вслед за Тихонравовым, Фортунатовым, Дювернуа, оппонентом выступил юноша — гимназист Шахматов. Возражения были так серьезны, и собственные мнения А. А. по спорным вопросам так убедительны, что Ягич охотно предложил им место на страницах своего *Archiv'a* (*Beiträge zur Russischen grammatik*, В. VII). И теперь еще в них ярко бросается в глаза прекрасное и точное знание рукописей, чем рецензия Шахматова выгодно отличается от диссертации Соболевского, опиравшейся на печатные тексты.

В 1883 г. А. А. — по окончании гимназии — «с радостью» поступает в Московский университет. Его занятия русским языком теперь выливаются в форму большого самостоятельного «исследования о языке новгородских грамот», которое принимается для печатания в академическое издание («Исследования по русскому языку, т. I). В процессе этой работы пред А. А. Шахматовым встает ряд чрезвычайно острых методологических проблем, от решения которых в значительной степени зависела плодотворность фонетических построений, основанных на изучении рукописей. Широкий размах творческой фантазии Шахматова смущает редактора «Исследований по русскому языку» — акад. Ягича, который сначала предостерегает его от «искусственных построек», но затем сам соглашается с ними.

Тогда же — в связи с раскрывшимися А. А. «затруднениями», которые ставит на пути историку языка искусственная графика памятника, в нем пробуждается тяга к непосредственному изучению живых народных говоров. И он в 1884 г. совершает диалектологическую поездку в Олонецкую губ., которую повторяет в 1886 г. Результатом ее, помимо интересных языковых наблюдений, были многочисленные записи народных сказок.

Диалектологические сведения стекаются к А. А. в ответах на разосланную им в 1887 г. программу для собирания особенностей живой речи.

Так скопляется у него свежий и значительный материал по народной диалектологии.

1887 год — год окончания А. А. университета и оставления при нем для подготовки к профессорскому званию. Научные замыслы А. А. в это время чрезвычайно обширны. Являясь вдохновителем молодого кружка московских филологов, он стремится организовать собрание материалов для исторического словаря русского языка. Вместе с тем его творчество, выходя за пределы русской диалектологии на широкое поле славяноведения, влечется к самым запутанным и сложным проблемам акцентологии (статьи о сербо-хорватском ударении в «Русск. Фил. Вестн.» за 1888, 1889, 1890 гг.).

В 1890 г. А. А. сдает магистерский экзамен и с осени приступает к чтению лекций в Московском университете по истории русского языка. В своем курсе он переносит уроки Фортунатова в неисследованную область русской диалектологии, подчеркивая неразрывность научной связи своей с учителем.

Но «сложные душевные переживания» заставили А. А. неожиданно для всех оставить преподавание в университете и принять на себя обязанности земского начальника в родных краях в трудные годы неурожая и холеры. Здесь в самоотверженной работе он ближе знакомится с «живой народной струей». В нем вспыхивает та горячая любовь к деревне, к русскому крестьянству, вера в него, которую сохранил он до смерти, развивается то интимное понимание народной психики, которое создавало А. А. множество деревенских друзей в его многообразных соприкосновениях с русским крестьянством.

Установление живой связи с народом А. А. считает необходимым условием и для успешного несения «тяжелого бремени профессуры» по истории русского языка, которая «предполагает знакомство с историей русского народа, с нравственным и умственным состоянием его в прошедшем и настоящем» (письмо к Фортунатову, 1890 г.).

А. А. «с увлечением» изучает «крестьянский быт и формы крестьянского землевладения.

Зовы московских друзей и лестные предложения университетского начальства не могли поколебать решимости А. А. —

отдать несколько лет на непосредственное служение простому народу. Но «в камере своей, между делом», он писал диссертацию «Исследования в области русской фонетики». Она была основана не только на прежде воздвигнутом из материала письменности и живой диалектической речи фундаменте, но и на непосредственных наблюдениях «земского начальника».

Явившиеся, как ее завершение, «мысли об образовании современных нам народностей», излагаются А. А. в особой статье «К вопросу об образовании русских наречий» (Р. Ф. В. 1894, № 3–4), которая еще не свободна от влияния гипотезы Погодина и А. И. Соболевского о великорусском типе обитателей древнекиевской земли. «Фонетика» А. А. Шахматова начинала новую эпоху в построении истории звуков русского языка. Вполне понятно, что, когда он — в 1894 году — представил ее в качестве магистерской диссертации, она завоевала ему степень доктора.

Жизнь Шахматова в полюбившейся ему деревенской обстановке продолжалась. Но уже с начала 1894 г. — начинаются переговоры о привлечении А. А. в Академию Наук, по инициативе председателя отделения русского языка и словесности А. Ф. Бычкова. Ак. И. В. Ягич горячо приветствует эту мысль: «Когда уже мне не было суждено посвятить все свои силы вам..., то я хотел бы, по крайней мере, видеть в среде вашей человека, который мог бы продолжать (и успешнее, великолепнее, чем я сам) начатое мною. Таким я считаю только Шахматова» (письмо к А. Ф. Бычкову от 13 (25) апр. 1894 г.). В нем Ягич прозревал «труженика», одушевленного «стремлением поднять уровень нашей интеллигенции в смысле истинного славянского сознания» (письмо от 18 (30) авг. 1894 г.).

В мае 1894 года Шахматов получил официальное предложение занять место адъюнкта Академии Наук. Его манила перспектива великого общественного служения — «возможность быть полезным не для одного себя, а для всех вообще». 24 мая 1894 г. он пишет А. Ф. Бычкову: «Любовь к русской науке и живой интерес к ней заставляют меня волноваться при одной мысли работать в Академии Наук». В декабре 1894 г. состоялся переезд А. А. Шахматова в Петербург, который с тех пор стал главной ареной его культурно-просветительной и научной деятельности.

Сразу же «молодой избранник» с кипучей энергией принимается за осуществление неотложной задачи русского языковедения, которая манила его еще в Москве, — за составление словаря русского языка.

И под его редакцией академический словарь отказывается от ограничения литературными источниками и становится общерусским, стремясь включить в себя все «сокровища живого слова» с лексическими параллелями из других славянских языков. Это расширение задания, продиктованное ясным пониманием методов науки о русском языке, как исторической диалектологии, вызвало с некоторых сторон, напр. ак. Ягича, возражения. Но А. А. Шахматов неуклонно держался намеченного пути.

С момента избрания в Академию Наук (с 1897 г. А. А. — экстраординарный, с 1899 — ординарный академик) Шахматов становится инициатором и вдохновителем ряда широко задуманных научных начинаний, лишь благодаря которым сделались возможными быстрые и прочные успехи русской, отчасти даже общеславянской филологии за последнюю четверть века. Воскреситель периодических ученых изданий Отделения русского языка и словесности, редактор его Известий, директор Академической библиотеки, председатель и деятельнейший член бесчисленных совещаний и комиссий, выработывавших и осуществлявших планы изданий памятников русского, старославянского языков, произведений русских классиков и других ученых предприятий, вождь Академии в деле культурного единения славянства, собиратель вокруг Академии всех свежих научно-филологических сил; с 1907 г. руководитель всей деятельностью отделения русского языка и словесности; автор важных записок по разным вопросам науки и просвещения, которыми Академия Наук откликалась на общественные события начала XX в., — ак. А. А. Шахматов в этой сфере может быть всесторонне освещен и оценен лишь на фоне общего обзора деятельности Академии Наук.

В этой упорной организационной работе, направленной на создание деятельных учено-филологических ассоциаций, поражала в А. А. не только страсть к науке, но и рационалистическое убеждение в ее морально преобразующей власти.

Отдаваясь науке весь, А. А. Шахматов не был индифферентным созерцателем общественных событий: он шел в передовых рядах русской интеллигенции, откликаясь на явления общественной жизни, как «один из немногих русских гуманистов», защитник истинной свободы, всегда покорный «велениям нравственного закона, начертанного в сердце каждого гражданина» (из обращения А. А. в Совет Петр. Университета — 1917 г.).

Но эта кипучая общественная деятельность поистине удивительным образом не мешала его великому научному творчеству, которое — с вступлением в Академию Наук — чрезвычайно интенсивно движется сразу по нескольким направлениям. Изучение живой народной речи — теперь сильнее всего влечет А. А. С его именем связана организация планомерного собирания особенностей современных диалектов. Он вырабатывает для этого программы, редактирует и издает присылаемые на них ответы. Сам предпринимает ряд диалектологических поездок в глубь деревень, обычно в те места, где сталкивалось на путях колониционных движений несколько диалектических групп. Новизна и богатство открытого таким образом материала дали возможность А. А. в серии исследований решить ряд наиболее сложных вопросов исторической фонетики русского языка (об аканье, полногласии и других явлениях).

Параллельно с этим идет изучение рукописей и оценка надежности извлекаемого из них материала. Особенно замечательны «исследование о двинских грамотах» (1903) и «несколько заметок о языке псковских памятников XV в.» (Ж. М. Н. Пр., 1909 г., № 7).

Но история русского языка строилась А. А. Шахматовым как одна из глав в системе славяноведения. Исследовательский интерес к славянским языкам манит А. А. в юго-славянские земли. Там он в 1896 г. изучает посавские и черногорские говоры. Письма его оттуда проникнуты глубоким внутренним влечением к славянству. Так, из Брода в Славонии А. А. от 30 мая 1896 г. пишет А. Ф. Бычкову: «Своею поездкою я очень доволен: как будто устанавливается у меня нравственная связь со славянством, к которому мы так близки, и которое в лучшей своей части возлагает столько надежд на Россию. В Сараеве мне удалось отметить

некоторые местные особенности произношения, а также получить запись одной интересной сербской народной песни о крещении Руси... Брод, который меня особенно интересовал еще в России, даст мне, вероятно, возможность написать обстоятельную статью о славонском наречии». Это была единственная поездка А. А. в славянские страны. Непосредственных диалектологических наблюдений в этой области ему больше не пришлось производить. Но добытый другими исследователями материал ему прекрасно был известен и, оживая в его интуитивном воспроизведении, располагался в неожиданно новые и стройные ряды. И А. А. был не только компетентным судьей выдающихся работ по славистике (Решетара, Гебауэра, Щербы), который всегда вносил в них новое слово, но и одним из наиболее оригинальных реставраторов славянских «праязыков».

Лингвистические вопросы сплетались в творчестве А. А. с историко-культурными проблемами. На пути к их решению он встречается с историей древнерусской литературы. Его первый печатный труд из этой сферы, явившийся в 1897 г., был посвящен сочинению преп. Нестора — житию Феодосия, с именем которого была связана и первая лингвистическая работа А. А. И с тех пор стройным рядом идут историко-литературные труды его, сосредоточившиеся вокруг сложных вопросов о летописных сводах и их источниках.

Летопись не была исключительно объектом филологического анализа А. А.: она давала ему новый материал для освещения «древнейших судеб русского племени». И уже в 1899 г. А. А. вновь возвращается «к вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., № 3–4). Эта проблема волнует его до конца дней. Она вставала пред А. А. все в более и более ясном и отчетливом очертании, и в ответах своих он стремился исчерпать ее без остатка. Для того, чтобы восстановить этот сложный и длительный процесс распада славянства на отдельные группы и древнейших разветвлений одной из них — восточной, процесс, в котором языковые явления шли параллельно с изменением этнических группировок, с реорганизацией культурно-экономических связей и политических отношений, А. А. Шахматову приходилось совещать в себе археолога, эт-

нолога, историка-социолога и лингвиста. Ему покорно служила не только славистика: базисом его историко-культурных построений были свидетельства и других языковых групп, которые соприкасались со славянами на путях своих передвижений — и не только индоевропейских — балтийской, германской, кельтской, но и чужих — финской, тюркской. Поразительна целостность научного облика А. А.: те великие задания, над решением которых с таким успехом и силою неутомимо трудился он всю свою жизнь, были намечены им в юношеские, гимназические годы.

Все пути творчества А. А. Шахматова сходятся у одного величественного здания, которое возводил он с отделкой мельчайших деталей, — истории русского языка как основного отдела истории русской культуры. Сначала он работал над уяснением отдельных проблем науки о русском языке — наиболее запутанных, подготавливая материал для общего синтеза. Внешний толчок к такому объединяющему предприятию дала возобновившаяся с 1908 г. профессорская деятельность А. А., теперь уже в Петербургском университете. С этих пор он каждый год приносил с собою новый, тщательно проработанный курс, которым создавалась та или иная часть здания науки о русском языке. То были курсы введения в историю русского языка, где излагался процесс образования русских наречий и народностей, исторической фонетики его — от доисторических времен до современных диалектических разветвлений, и исторической морфологии. В 1911–1912 г. А. А. предложил чтения по живому литературному языку, давши блестящее описание его звукового строя и форм — с историческими комментариями. В последние годы особенно увлекали А. А. курсы синтаксиса народного и литературного языка.

Однако лишь историческая фонетика русского языка в завершенном виде построена им; его учение об историческом движении форм слов охватило только древнейшие эпохи и не дошло до систематики глагольных образований; курс синтаксиса сохранился в рукописном виде и дает необычайно стройную и полную классификацию синтаксических схем литературного языка, без далеких исторических экскурсов.

И вот вся эта грандиозная работа гениального исследователя — на лекциях воспроизводилась перед аудиторией. А. А.

раскрывал перед своими слушателями оригинальную, им самим созданную систему исторического развития русского языка, вводя их в самый процесс своей творческой работы, уча их острому и четкому анализу сложного лингвистического материала и на их глазах освобождая его от противоречий силою широких дедукций. Стиль его курсов был чрезвычайно точен, меток и лаконичен. Мысль двигалась, не останавливаясь. Не всем по силам было, особенно в начале, следить за этим планомерным, неустанным движением открывающей новые горизонты мысли. И наука А. А. Шахматова не была наукой для всех. Но те, кто с усилием подымался на такую высоту, чтобы деятельно созерцать эту воспроизводимую пред ним непрестанную победу гениального творящего ума над хаосом фактов, с неотрывным вниманием следили за ней и посильно усваивали не только содержание, но и самые приемы лингвистических исследований А. А.

Все здание истории русского языка А. А. оставил недостроенным, потому что эту сверхчеловеческую работу — уже на путях ее завершения — прервала смерть трагическая и неожиданная — одно из самых печальных следствий «смутного» времени. В годы культурного распада А. А. Шахматову приходилось совмещать с разносторонней научно-исследовательской и организаторской работой непосильные физические труды. Организм, надломленный нуждой и голодом, не выдержал. Развивалась тяжелая болезнь, и 16 августа 1920 г. после операции А. А. умер.

В лице его сошел в могилу не только гениальный ученый, но и великий русский человек необычайной высоты духа и гражданской честности, самоотверженный покровитель всякого научного дарования, «один из немногих русских гуманистов».

II.

Для того чтобы понять значение трудов А. А. Шахматова в области истории русского языка, полезно оглянуться на его предшественников.

Начало научно-историческому изучению русского языка положил Востоков. Это — блестящий классификатор явлений литературной речи и проницательный палеограф.

Он идет к истории языка от палеографии, которая всего более отвечала его холодному, аналитически-упорному уму и помогла ему установить исконные отличия между языком русским и древне-церковно-славянским.

Рядом Надеждин и Даль по-дилетантски закладывают основы диалектологии живой народной речи. Отсюда начинается странное, противоестественное разобщение двух дисциплин — истории русского языка (понимаемой почти как палеография) и описательной диалектологии.

За Востоковым идут его медлительные эпигоны. Их не смущают фантастические взлеты русской лингвистической мысли, безуспешно торопившейся нагнать быстро развивавшееся в Зап. Европе сравнительное языкознание.

Интерес к вопросам истории русского языка становится чрезвычайно напряженным: они дебатировались усиленно в журнальной полемике и отдельных монографиях. Протоиерей Павский (1841) сравнивает явления современного ему литературного языка с другими языками индоевропейского семейства, не стесняясь хронологией, охваченный патриотическим желанием найти место русского языка «в порядке родственных языков». Катков (1845) идет по тому же пути, но робко привлекает и издания старых памятников. Конст. Аксаков старается и в сфере лингвистики сохранить лик мечтательно-философствующего славянофила. Но материал из изданий, привлеченный им, значительнее, а некоторые его стилистические замечания, синтаксические указания и общие методологические соображения (напр., о значении грамот как памятников живой народной речи) положительно интересны и ценны. Ряд других исследователей (ботаник и литератор Максимович, Костырь, Зеленецкий и т. д.) с большей или меньшей дозой остроумия и вероятности рассуждают о явлениях русского языка.

И лишь Буслаев пытается систематически изложить задачи науки о русском языке. В оценке А. А. Шахматова он — первый историк русского языка: его предшественники лишь толпились у преддверия молодой, неопытной науки. Буслаев (О преподавании отечественного языка, 1844 г., 2 ч.) доказывает органическую связь между древнерусским языком и современным лите-

ратурным; выдвигает значение народных говоров как «основной стихии литературного языка», сплетает тесно историю языка с историей словесности и историей культуры, к фонетическому, грамматическому и лексическому изучению языка присоединяет стилистику, разрабатывая план объединения способов сравнительной и исторической лингвистики.

Это была поэтически изложенная широкая программа будущих построений истории русского языка с некоторым количеством живых иллюстраций. Но в ней был существенный пробел: не было достаточно разъяснено отношение русского языка к языкам славянским.

И как дополнение к поэтическим картинам Буслаева явились «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского (1849 г.).

Здесь сделана попытка наметить основные моменты в процессе распада общеславянского праязыка и главные эпохи в диалектической эволюции русского языка. Талант Срезневского был ярче и смелее в постановке задач, чем в их выполнении.

По намеченному Срезневским пути медленно двигались его ученики — Лавровский и Колосов. Их труды являлись под знаменем «собирания и предварительной разработки материала». Но этот план осуществлялся ими неумело, хоть и старательно. Материал извлекался из недоброкачественных изданий. Буква отождествлялась со звуком. Изучение старинного памятника и живой народной речи было почти в полном разобщении. Описание народных говоров велось бессистемно — путем спешной регистрации особенностей, на большом участке, с нивелировкой диалектических отличий и без точного физиологического и акустического очерка звукового строя. Эта характеристика приложима и к трудам других историков языка — предшественников Соболевского и Шахматова (напр., Житецкого), исключая Потебни.

Потебня настойчиво учил, что история русского языка и диалектология — одно и то же: «разделение русского языка древнее XI в., и вся история его, основанная на свидетельстве памятников, имеет диалектологический характер» (К истории звуков, т. I, 2).

Но удаленный от рукописных хранилищ, Потебня принужден был уделять свое внимание исконным, праязыковым отличиям русской ветви и открытию связи между живыми говорами и письменными свидетельствами прошлого, пока интерес к синтаксису, семантике и поэтической символической не увлек его целиком в другие области.

В таком положении находилась наука о русском языке в то время, когда гимназист Шахматов, руководимый В. Ф. Миллером, Ф. Ф. Фортунатовым и Ф. Е. Коршем, избирает ее своею специальностью: была гора недоброкачественного материала, из которого надо было с опаской извлекать ценные крупы; методы лингвистических исследований не были установлены ни по отношению к памятникам, ни к живой речи; палеография подавляла историю языка; изучение народных говоров не было оценено в достаточной мере (Бетлинг и Грот говорили лишь о литературном произношении); путь исторического развития русского языка в его разветвлениях не был обозначен четко. Словом, был хаос — не упорядоченный исторически, и неизвестен был подход к созданию из него научной системы. Лишь одиноко стояли синтаксические вехи, водруженные Потебней.

В Казани тогда — по почину Бодуэна де Куртенэ — началось подробное описание живой литературной и народной речи, преимущественно фонетическое. Там создавалась оригинальная языковедная школа. Правда, отдавшись исследованию общелингвистических проблем, психологическим и экспериментально-фонетическим наблюдениям, она стала в стороне от разработки вопросов истории русского языка. Но влияние ее было сильно, тем более что основные ее принципы вначале не расходились резко с тем обоснованием, которое получала лингвистика в трудах другого гениального русского языковеда — Ф. Ф. Фортунатова. Точность фонетических определений, стремление к открытию законов языка, интерес к психологическим факторам его развития, указание социальных основ его эволюции, признание языковых и историко-культурных взаимодействий — общие черты обоих школ (ср. «Очерк науки о языке» Н. В. Крушевского — 1883 г. и «Сравнительное языковедение» Ф. Фортунатова). Но тяготение к историзму, к детальному разграничению эпох в явле-

ниях языка и к отчетливой классификации на этой почве последовательных диалектических дроблений, стремление к гипотетическому воссозданию «праязыков» с определением всех их звуковых оттенков — характерные особенности лингвистических методов Фортунатова. И не случайно, что из его слушателей вышли те два исследователя, которым больше всего обязана история русского языка, — Шахматов и Соболевский.

А. А. Шахматов в полной мере усвоил методы своего учителя. Правда, Фортунатов не стремился к объединению и взаимоосвещению языковых и историко-культурных построений.

Но в необъятной и часто ему впервые открывавшейся сфере сравнительно-исторического анализа явлений балтийско-славянских и — даже шире — индоевропейских языков это было и невозможно. Не было еще твердой лингвистической основы для таких широких историко-культурных сопоставлений. Фортунатов лишь трудился над ее созданием. Но он настойчиво подчеркивал, что «диалектическое развитие языка происходит параллельно с дифференциацией общественных союзов, параллельно с их распадом на новые общества», и что «образование новых союзов влечет за собою борьбу соприкоснувшихся языков, которая может закончиться их слиянием или победой одного» (Сравнительное языковедение, лекции 1899–1900 г., 78–79 стр.). Само собою разумеется, что мимо этого методологического указания нельзя было пройти при работах над построением истории одной языковой ветви. А А. влек на этот путь еще и образ Ф. И. Буслаева.

Под такими влияниями и с такими заветами приступает А. А. Шахматов к занятиям историей русского языка. Ему пришлось самому ткать тонкую сеть, прежде всего, конечно, фонетическую, перекрещивающихся и развивающихся языковых явлений с момента начала самостоятельной жизни русского языка вплоть до современных его диалектических делений, определить ее узлы. На лицо были лишь ее обрывки.

И А. А. начинает подготовительные работы по собиранию надежного диалектологического материала, ища его в древних рукописях и живой народной речи. Но скоро он убеждается, что памятники — не очень надежный источник для истории русского языка. Прежде всего, он открывает, что в процессе приспособле-

ния древне-церковно-славянской письменности к русским потребностям создалось особое, искусственное, церковное произношение, которое представляло собою своеобразный компромисс между «старославянским» и южнорусским звуковым строем. Оно-то, главным образом, и отражается в древних рукописных текстах, по крайней мере, до XIV века. Под его влиянием стирались черты живой речи, которую можно воссоздать, лишь отделивши искусственно-книжный, церковный слой.

Конечно, рядом с церковными книгами и благочестивыми литературными упражнениями шли от древности и светские, деловые памятники. Но и в них — учил А. А. — отвлечение фонетических явлений в высшей степени затруднено окаменелостью юридических формул и традиционной передачей графических приемов, которые и возникали-то далеко не всегда — в целях условного воспроизведения живого русского произношения.

И А. А. Шахматов вскрывает, как устойчиво хранились графические системы, в которые лишь медленно просачивались вновь развивающиеся черты живой речи. Поэтому А. А. грубым заблуждением признает определение хронологии языковых процессов по времени их обнаружения в памятнике.

Ему ясны были и другие причины, которые чрезвычайно осложняют процесс отвлечения фонетических явлений от графики рукописи. Русская орфография явилась, как чужое платье, приспособленное к другому языку. Уже в начальный период русской письменности одна и та же графема ассоциировалась с представлением о различных звуках, и, наоборот, несколько графем служили символами одного акустического представления.

В дальнейшей истории это несоответствие становится еще ощутительнее в виду консервативности письма, которая представляет резкий контраст с изменчивостью языковых форм. Поэтому, как непереносимую задачу всякого исследования языка по рукописи, А. А. выдвигает требование раскрытия всех ассоциаций между буквенными изображениями и звуками, так, чтобы было ясно звуковое значение любой буквы во всех положениях в данном памятнике.

Но для А. А. и история орфографии не была только той первой ступенью, через которую лингвист должен подняться к

своим целям; она оживала в его изучении как глава истории русской культуры, определяющая направление культурных влияний. Прежде всего, на Русь проникали искусственные графические системы, созданные в юго-славянских странах. Усвоенные книжниками господствующих культурных центров, — они кое в чем приспособлялись ими к передаче особенностей их говора, но все же были очень далеки от его воспроизведения. При поверхностном отношении исследователя к таким искусственным графическим приемам, которые полюбились грамотеям того или иного центра, — ему грозит опасность составить совершенно превратное представление о скрытых под ними языковых явлениях. Вопрос о взаимоотношении древнерусского письма и языка становится еще запутаннее оттого, что воспринятая влиятельным культурным центром искусственная орфография — отсюда могла распространяться по всей периферии тянувшей к нему территории, переходя затем в соседние культурно-политические центры и здесь подвергаясь новым наслоениям.

И на анализе графики древнепсковских памятников А. А. чрезвычайно ярко показал, к каким широким откровениям культурных связей может привести путь тщательных графических сопоставлений.

Стараясь совлечь графическую шелуху с псковских рукописей, он не только выявлял живую диалектическую речь, но и устанавливал все те этапы, через которые из юго-славянских стран постепенно — через Волынь и Белоруссию — искусственные графические приемы проникли в Псков. А их путь — был путем и иных, более глубоких культурных и литературных влияний.

Но изучение истории орфографии и в другом отношении укрепило А. А. в новых отправных точках при реконструкции языковой эволюции. Именно он здесь особенно ошутительно осознал роль культурно-политических центров как в выработке и распространении известных школ письма, так и в процессе языковой нивелировки. Изучение древнекиевских памятников, графика которых, чуждая южнорусских провинциализмов, вызвала у ак. А. И. Соболевского гипотезу о великорусском типе первоначальных насельников киевской земли, подсказало А. А. Шахматову, что однообразием орфографического шаблона в них при-

крывались устойчивые черты литературного языка, выработавшегося в г. Киеве как главном культурно-политическом и экономическом центре страны. Роль столичных и вообще городских центров в образовании диалектических отличий, в нивелировке говоров интеллигенции, в выработке литературного языка с небольшой амплитудой разноместных колебаний, до А. А. Шахматова совершенно не учитывалась, по крайней мере, по отношению к прошлой истории языка. А. А. Шахматов, ища выхода из тех противоречий, которые создавались обычным отождествлением воссоздаваемого по рукописям языка с народным говором широкого района, пришел к выводу, что в древнерусских городских центрах господствующие классы пользовались не просторечием, а своеобразными разветвлениями того литературного языка, который сложился в стольном городе, с ослабленным налетом диалектизмов.

Если во всем этом красивом построении и была некоторая доля модернизации прошлого, все же чрезвычайно плодотворна была ясная постановка вопроса о роли культурно-политических и социально-экономических факторов в ходе развития русского языка. Так преодоление трудностей, связанных с воссозданием прошлой жизни языка по рукописным текстам, не только помогло А. А. разрушить тот примитивизм, который царил до него в пользовании свидетельствами памятника, но и раскрыло ему ряд новых методологических принципов построения истории языка.

Придя в результате своих занятий над древними рукописями к выводу о ненадежности и ограниченности их языковых показаний, А. А. не закрывал глаз на важность их изучения, особенно для реконструкции процесса обогащения русского языка в лексическом его составе.

Усваивая принципы А. А. Шахматова, всегда надо иметь в виду, что художественная и вообще оригинальная русская литература с XVII в. была использована им позднее, и то лишь как материал для синтаксических наблюдений, и что вопросы семантики в широком смысле этого слова в круг его систематических изучений не входили.

А. А. первоначально увлечен был всецело исследованием тех видоизменений языка, которые обуславливают его деления на

диалекты в этнографическом смысле, — т.-е. фонетического и морфологического строя. И вот с этой точки зрения он оценивает значение рукописей как источников. И, конечно, он допускает, что в изучении развития языка интеллигенции, скованного в своей эволюции традициями письменности, роль памятников особенно велика. Но и здесь, по его мнению, исходным пунктом языковых построений должна служить живая речь.

«Письменные памятники, — пишет А. А. (в рецензии на *Historická mluvnice jazyka českého Gebauer'a*), — не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших эпох; действительно, преобладание письма, книжного языка, да и самой литературы неминуемо ведет за собой перенесение из одной литературной эпохи в другую звуков и форм, давно исчезнувших в языке, чуждых живому произношению... Главный источник, откуда извлекается надежнейший и важнейший материал для исторической грамматики — это, конечно, современные живые говоры».

Эта точка зрения, шедшая с запада от *die junggrammatische Schule*, была диаметрально противоположна тем, которые царили раньше в русском языкознании. С ней были связаны у А. А. новые методы лингвистических исследований. Они до гениальности просты. В них поразительна лишь четкость и острота его мысли, которая в планомерном восхождении своем от современности к отдаленным доисторическим эпохам зорко следила за всеми деталями исследуемого вопроса, охватывая «историю языка и самый язык во всем их объеме». Путь исследований А. А. — главным образом, фонетических, которым он больше всего предавался, — можно описать так. Его конечной целью было восстановить общерусский праязык подробно и точно, как живой, и сделать ясным весь процесс его диалектических дроблений и скрещений во всех частях и во все эпохи. Этот праязык воссоздается на основе сравнительного изучения современных русских языков — великорусского, белорусского и малорусского — и их истории. На пути к его воспроизведению исследователь должен определить состав этих трех языков в эпоху их первоначального сложения. Кроме того, он не вправе отстранить от себя вопрос, произошли ли они непосредственно из общерусского праязыка или

их образованию предшествовала иная группировка наречий. Ключ к решению этой проблемы открывается в тщательном изучении говоров, входящих в состав трех современных русских языков, и в анализе их явлений.

Эта сложная проблема не сразу нашла устойчивый ответ у А. А. Но уже с 1899 г. взгляды его по этому вопросу в существе своем определились и с временным колебанием остались неизменны. В изучении говоров великорусского языка А. А. открылось исконное различие между двумя его группами — северной и южной, которое некоторыми своими чертами (аканье и оканье), без сомнения, восходит к отдаленнейшей исторической эпохе. В самом деле, аканье известно и белорусскому языку, и южно-великорусскому наречию. Нет возможности считать его возникновение в одном из них результатом позднего воздействия другого. Вывод ясен: это явление развилось в тот период, когда южно-великорусское наречие составляло одно языковое целое не с северно-великорусским наречием, а с прилегающей группой говоров белорусского языка. Это предположение о первоначальной раздельности северного и южного поднаречий великорусского языка подтверждается тем, что черты их сходства немногочисленны и могли возникнуть, как это следует из их сравнительного анализа, не раньше XII в.

Таким образом, мысль о выделении великорусского языка непосредственно из общерусского праязыка отвергается: она противоречит показаниям современной диалектологии, которые говорят, что великорусский язык сложился в результате взаимодействия двух обособленных раньше диалектических групп — северной и южной, которая включала в свой состав часть говоров, отошедшую затем к белорусскому языку. Но ведь эта последняя группа лежала к югу лишь от севернорусского наречия. В общей же сфере древнерусского языка ее положение было среднее или восточное. Ее А. А. так и называет. Если она частично вмещала в себе современные белорусские говоры, то естественно рождается сомнение в непосредственном выделении из праязыка и белорусского наречия. Анализ его говоров с несомненностью устанавливает первоначальное различие в них двух типов — одного, близкого к малорусскому, другого — к южно-

великорусскому (иначе — среднерусскому). Ясно, что и белорусское наречие — продукт более поздней формации, сложившийся путем объединения разнородных диалектических групп, одна из которых ведет к малорусскому языку. Следовательно, и этот последний — первоначальной своей истории — развивался в иных условиях, включая в себя и позднее отколовшиеся к белорусскому языку говоры. Удобнее этот первоначальный тип затем распавшегося наречия назвать южнорусским. Так диалектологические наблюдения с логической неизбежностью ведут А. А. к гипотезе, что современному делению русского языка на три ветви — великорусскую, белорусскую и малорусскую — предшествовало другое, которое сменило непосредственно период единства праязыка, — деление тоже на три группы, не совпадающие с существующими — северную, среднюю (или восточную) и южную.

Историк русского языка, прежде всего, должен определить те черты, которыми характеризовались каждое из этих трех ранних разветвлений русского языка. Правда, их уже в значительной степени раскрыл тот предварительный анализ элементов живой речи, который привел к этой гипотезе о первоначальной диалектической группировке в сфере русского языка. Но с полной четкостью особенности древнейших диалектических групп, определяются, конечно, лишь после выяснения, — по крайней мере, предположительно, — границ и состава живых их потомков. Для этой цели особенно важно изучение говоров переходных, т.-е. таких, которые в своем строе хранят указания на взаимодействие различных диалектических типов. И А. А. проявляет необыкновенный интерес к таким говорам. В 1896 г. в своем исследовании «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» он мотивирует свои устремления к изучению их так: «ни Калужские, ни Смоленские говоры в большей их половине не могут быть отнесены к белорусской семье; это — промежуточные говоры между обоими великими семьями — южно-великорусской и белорусской, причем типичные, наиболее характерные особенности той и другой сложились на окраинах: на западе — в центрах литовско-русского государства, на востоке — в Москве (Р. Ф. В., 1896 г., № 3–4, 62 стр.).»

Через наблюдения над такими говорами, которые силою исторических обстоятельств выработали своеобразный языковой компромисс между разделившимися членами некогда одной семьи, А. А. Шахматов стремился определить среди них направления современных влияний и характер бывших раньше взаимоотношений.

И в предисловии к другому своему диалектологическому описанию — Лекинского говора, Егор. у., Рязанской губ., А. А. — настойчиво подчеркивал «тот особенный интерес, который говоры подобные Лекинскому, представляют для истории образования великорусского наречия. Здесь слились в одно стройное целое особенности севернорусские с особенностями среднерусскими или восточнорусскими» (Описание Лек. гов. Спб. 1914 г., 6 стр.).

Так параллельно с описанием группировок современных говоров и наречий, с определением границ распространения тех или иных явлений в их пределах раскрывается не только характер предшествовавшего им деления языковой территории, но и фонетический, формальный строй древнейших диалектических групп.

При том детальном и изумительно тонком анализе, которому А. А. Шахматов подвергал явления живой речи, они располагались в стройные хронологические ряды: одна черта цеплялась за другую, от нее завися или ее обуславливая. Свидетельствами памятников проверялись выводы, подсказанные изучением современных говоров. Ведь этими-то коррективами и ценны рукописи. Но часто и без них показания живой речи достаточно полны: они помогают определить не только хронологию языкового явления, но и его первоначальный тип. Решение этих задач облегчено тем, что говоры разных мест не идут в своей эволюции одинаковым темпом, а как бы намечают разные этапы в развитии языковых форм. Таким образом, по мнению А. А. Шахматова, в особенностях живой литературной и народной речи заложены ценнейшие указания на ход предшествующих языковых изменений. Историческая грамматика может быть целиком создана на их основе. Только надо обеспечить условия правильности умозаключений — полноту диалектологического материала, точность его описания и четкость его географического членения. Работая в области исторической фонетики русского языка, А. А. всячески испытывал пра-

вильность своих методологических принципов, особенно при решении наиболее сложных вопросов о судьбе гласных звуков. Сюда, к области вокализма, влек его интерес к проблемам славянского ударения и количества, но также ясное сознание, что лишь в детальном раскрытии судьбы гласных звуков определяются точно характер и условия скрытых от письменности, но не менее важных качественных изменений согласных.

И вот, в воссоздании истории гласных звуков А. А. Шахматов особенно ярко обнаружил алгебраическую отточенность своих фонетических построений, которые покоились на убеждении в законосообразной и неуклонной медленности языковых изменений, проектируемых в форме планомерно расщепляющихся и сплетающихся ветвей одного дерева.

Не очень охотно в фонетических вопросах прибегая к фактору аналогии, А. А. выдвигал, главным образом, принцип органической связи и преемственной последовательности звуковых изменений, относя зародыши звуковых явлений в отдаленные эпохи. Поэтому вслед за Ф. Ф. Фортунатовым он находил возможным говорить не о типах звуков в праязыках, а об их тончайших оттенках. Эта детализация в описаниях далеких языковых эпох смущала представителей иных языковедных школ, особенно старого типа. «Как будто общеславянский праязык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит», — недоумевал А. И. Соболевский («Ж. М. Н. П.» 1894 г., № 4, 424).

С помощью таких приемов исследования А. А. Шахматов воспроизводил русский праязык как живой говор со всей сложностью и тонкостью его фонетического строя. Через воссоздание явлений трех древнейших диалектических групп шел к этой цели он. Но некоторые черты праязыков обнаруживаются и непосредственно в процессе описания живой диалектической речи в ее многообразии. К ним могут быть отнесены те особенности, которые встречаются на всей языковой русской территории, если только возведение их к общерусской эпохе не опровергается показаниями рукописей и не вносит противоречий в объяснение других языковых процессов, с ними связанных.

Но, помимо сопоставлений данных современной диалектологии, к восстановлению русского праязыка был другой подход, которым охотно пользовался А. А., трудный, но неизбежный, — от праязыка общеславянского. Отправляясь от общеславянского праязыка, следя за процессом его распада, А. А. Шахматов определял те черты, которые русский язык получил от него в наследство. Но чтобы применять этот метод, исследователь должен отнестись самостоятельно к вопросу об общеславянском праязыке и к нему приложить свои разыскания. Вот как сам А. А. Шахматов говорит об этом: «Общеславянский язык для исследователя языка не дается, как нечто готовое; полагаясь, конечно, на выводы сравнительной грамматики славянских языков, исследователь все-таки не может уклониться от проверки и критического отношения к ним уже потому самому, что, в числе прочих данных, данные также русского языка служат к восстановлению искомого общеславянского прошлого» (Курс истории русского языка, 1908–1909 г., 341 стр.). И, верный себе, А. А. стремился в деталях воссоздать звуковой строй общеславянского праязыка, наметить основные моменты его членения, определить их хронологию и тем внести свет в истории отдельных славянских языков, в том числе и русского, создавши прочный базис для их всестороннего построения. Так русский праязык вырисовывался перед А. А. на широком фоне его проникновений в глубь языковой истории всего славянства.

Все эти разыскания в течении своем направлялись теми общелингвистическими воззрениями, которые выработал себе А. А. В сфере теоретической лингвистики А. А. не отступил от принципов Фортунатова, но развил их в сторону сближения с методологией других культурно-исторических дисциплин и психологией «языкового сознания»¹.

Рассматривая язык как явление социальной жизни и его эволюцию как результат взаимодействия индивидуального момента и социальной среды, А. А. Шахматов изменение языка ста-

¹ Лишь синтаксические построения А. А. Шахматова знаменуют преодоление системы Ф. Ф. Фортунатова на путях искания нового синтеза, в котором своеобразно переработаны взгляды Потебни, Вундта, Сведелиуса и других мыслителей-лингвистов, касавшихся синтаксических вопросов, и философов, освещавших с психологической точки зрения процессы суждения.

вил в зависимость от тех психических факторов, которые помимо сознания говорящего преобразуют его говоренье.

Стройные ряды грамматических категорий, переплетенных нитями психических ассоциаций, устанавливались А. А. не только для настоящей, но и прошлой жизни языка. И он с изумительным чутьем выяснял цепь причин, повлекших видоизменение или устранение известной категории или обусловивших взаимодействие различных морфологических рядов. А. А. был настолько тонок и убедителен в своей трактовке тех психических процессов, которыми определяются пассивные и активные состояния звуковых представлений, что лингвисты Бодуэновской школы, напр., Л. В. Щерба, готовы в области морфологии находить наиболее яркие проявления его лингвистического гения. Но А. А., в отличие от сторонников этого направления, отрицал существование в сознании говорящего представлений звуков самих по себе, независимо от слов и частей слов, как таковых. По его мнению, «звук в сознании говорящего — это неотделимая от звукового представления часть его». Поэтому изменения звуков в языке происходят независимо от изменений звуковых представлений, — напротив, сами влияют на них. Однако и причины изменений звуков самих по себе — характера психологического, а не физиологического. К ним А. А. относил: экономию сил — «этот общий психический закон, руководящий действиями человека»; антиципацию мускульных ощущений; фактор аналогии и влияние одного языка на другой.

На основе этих общих принципов психологии языка, которые, конечно, создавались не без влияния западных теоретиков лингвистики, особенно Вундта, Пауля и Дельбрюка, А. А. осветил материалы для исторической грамматики русского языка. Восхождение к праязыку было лишь предисловием к той цельной и всесторонней конструкции истории русского языка, о которой мечтал А. А. с детских лет. По мысли его, чисто лингвистические построения, направленные на воссоздание прошлых эпох в жизни языка, должны получить опору в истории народа, им говорившего. «Жизнь языка протекает параллельно с другими явлениями в жизни народной» и зиждется на основах — историко-культурных, этнологических и социальных. «Эти соображения, с одной стороны,

позволяют проверять факты из жизни языка фактами из жизни народа». С другой стороны, факты, извлеченные из жизни языка, являются непререкаемыми показателями фактов из жизни народной, «почему-либо не засвидетельствованных, оставшихся не отмеченными, как, впрочем, остались не отмечены древними летописцами и наивными летописаниями большая часть внутренних явлений народной жизни». Отсюда вытекает требование излагать историю языка в связи с общей историей народности. Строя историю языка как часть, и притом главнейшую, истории русской культуры, А. А. не ограничился примирением схем, вытекающих из анализа диалектических явлений, с господствующими историко-культурными концепциями. Он новыми путями шел к решению основных проблем исторической жизни русской народности, вооруженный теми «непререкаемыми» свидетельствами, которые дала ему история языка. И понятно, что особенно силен должен быть интерес А. А. к древнейшим, доисторическим судьбам русского племени. Здесь, по его словам, «историк языка находится в более счастливом положении, чем историк народа, который основывает свои заключения об эпохах доисторических на скудных внешних свидетельствах, случайных упоминаниях имен у древних писателей, случайных вещественных находках, позднейших переживаниях в обычаях и верованиях».

И А. А. до конца дней волновал вопрос о «древнейших судьбах русского племени». К его освещению в трудах его и следует теперь обратиться.

III

Доисторические судьбы русского племени тесно связаны с процессом распада всей славянской семьи, которая, в свою очередь, образовалась в результате длительных и сложных изменений в составе индоевропейской народности. И А. А. Шахматов коротко и четко намечает направление движений, предшествовавших образованию славянства. Не в Азии и не в южнорусских степях, а в Средней Европе он предполагает родину индоевропейцев, где-нибудь в Южной Германии или западных областях Австрии (близко к гипотезе М. Муха). К такому взгляду приводит

А. А. устанавливаемая им последовательность в отделении от индоевропейского пранарода племен, неудержимо влекшихся к средиземноморской культуре. Ее средоточия и очаги были обетованной землей для насельников территории, служившей периферией тому базису, которым было Средиземное море. Славяне приобщились к этой культуре после германцев. Поэтому-то они лишь вслед за германскими народами выступили на историческую сцену. «Германская стена» отделяла славян от цивилизации, и через нее просачивается к ним средиземноморская культура. Об этом говорят следы сильного влияния германского языка на праславянский.

Но ведь этими соображениями — с точки зрения А. А. — в корне подрывается господствующая в науке гипотеза, которая определяет территорию славянской прародины бассейнами Вислы и Днепра. В самом деле, в Поднепровьи славяне через посредство Черного моря были бы раньше германцев втянуты в сферу средиземноморской культуры. Но этого не случилось. В Повислиньи они могли бы непосредственно познакомиться с греками и романцами, но доводы лингвистической палеонтологии решительно указывают на германское посредство. Следовательно, прародину славян надо искать севернее Днепра и восточнее Вислы. Это — бассейн Западной Двины. К этой территории ведут сохранившиеся во всех славянских языках от времен праязыка — слова *тис* и *плющ*. Соответствующие виды растительного царства известны Балтийскому побережью, но они не могли быть на склонах Карпат, где со времен Шафарика находили исконную родину славянского племени.

Новое определение территории славянской прародины могло быть оправдано лишь подробно начерченной этнографической картой восточной Европы в соответствующие эпохи.

И А. А. Шахматов без колебаний отдался этому величественному замыслу. «Язык земли», история заимствованных слов, свидетельства древних писателей, археологические находки — сложный агрегат исторических, географических, этнографических, археологических, лингвистических фактов, подчиняясь гениальной интуиции, располагался новыми рядами.

Картина эта оставлена А. А. не в законченном вполне виде: некоторые части ее он переделывал. Так, в венедах Плиния и Тацита А. А. одно время признавал кельтов, которые появились сперва в Повислинье, затем готами были раздвинуты на две группы — сев.-восточную, покорившую славян, и юго-восточную, занявшую северные склоны Карпат (Archiv für Sl. Phil. XXXIII B. Zu den ältesten Slavisch-Keltischen Beziehungen). Впоследствии А. А. вернулся к отождествлению венедов-венетов со славянами. (Введение в историю русск. языка, 39; Древнейшие судьбы русского племени, 42).

Но основные черты созданной этнографической картины А. А. неизменно охранял до конца своего. Южными соседями славян, от которых они отпали вследствие иного устремления культурно-экономических интересов, были, по мнению А. А., ближайшие их сородичи, балтийское племя; к востоку, юго-востоку или югу от него обитали финны, которые, в свою очередь, как показывают наблюдения над их лексическими заимствованиями, на юге соприкасались с иранцами.

Таким образом, славяне на территории своей первой прародины оказывались в сфере балтийской культуры, оторванные от черноморского юга и находясь в непосредственном соседстве лишь с балтийцами, германцами и лопарями. Праславянский период был длительным. Многообразие языковых явлений, развившихся в ту эпоху, требует такого признания. Но само единство языковой жизни славян — говорит А. А. Шахматов — «зависело, конечно, от обособленности их территории, а также от возникновения среди них такого культурно-экономического центра, который поддерживал единство племенной их жизни». Так от лингвистики — в концепциях А. А. — излучается свет на общую историю.

Однако изменения в группировке соседей увлекают славянство на новые места. В удалении готов из Повислинья А. А. видел причину последующих передвижений славян, которым посчастливилось вслед за прусами овладеть местностями, покинутыми германцами. Повислинье — вторая общеславянская прародина. О ней говорит германское слово — *бук*, хранящееся в славянских языках. Здесь славяне познакомились с ним и приняли германское его обозначение. Здесь же начинается распад славян-

ства на отдельные племена. Данными славистики А. А. подкрепил дуалистическую теорию¹⁾ о разделении славян первоначально на две племенные группы — юго-восточную и западную, которая, пользуясь разрежением германского населения, направилась в бассейн Одера и Эльбы. Юго-восточная же ветвь, охваченная тягой северных варваров к землям богатой добычи и яркой культуры, движется в области Дуная. Но в борьбе за добычу произошло разделение юго-восточной ветви на два племени, словен и антов. В этих антах, о которых с VI в. по Рожд. Хр. начинается ряд исторических свидетельств, узнаются восточные славяне. Мирное сожителство их с словенами завершается кровавой борьбой. Отброшенные ими от дунайской равнины восточные славяне заняли лесистые местности между Днестром и Днепром (Волынь и северные части Подолья и Киевщины). Это — прародина Русского племени. Здесь, в тесном сожителстве, у восточного славянства, сжатого аварской силой, развивались те звуковые и морфологические черты, которые характеризуют эпоху общерусского праязыка. Сложность и богатство возникших в этот период общерусских языковых особенностей вызывают у А. А. предположение о длительности этой эпохи, которая определяется, по крайней мере, двумя столетиями — VII и VIII, и об этнографическом единстве восточного славянства, сплотившегося тогда вокруг одного племенного центра. И А. А. видит этот культурно-экономический центр в Волыни (ср. известие араба Масуди о племени Валинана).

Но центробежные факторы ведут к разъединению восточного славянства. По предположению А. А., оно вызвано «тем ударом, который был нанесен с запада аварами, отступавшими перед войсками Карла Великого».

Это движение на восток разгромленных аварских полчищ произвело глубокое потрясение в жизни славянства, и в связь с ним А. А. ставит далекое внедрение ляхских поселений в пределы восточной Европы (радимичи и вятичи — от рода ляхов).

---

¹⁾ Впрочем, в курсе истории русского языка, читанном в 1908–1909 г., заметны некоторые колебания А. А. в решении вопроса о первоначальных делениях славянства (стр. 375 и предш.).

Гипотеза о влиянии ляшской ветви на русский язык сложилась у А. А. на почве углубленных исканий разъяснения тем своеобразным особенностям, которые ярко отражаются в некоторых говорах белорусского и северно-великорусского наречий.

Но он долго колебался в ответе на вопрос, видеть ли этих ляшских потомков в одних радимичах или присоединить к ним — в согласии с летописью — и вятичей.

В своем предсмертном труде «Древнейшие судьбы русского племени» Шахматов окончательно склоняется к мнению о ляшском происхождении вятичей (в виду их названия у Гардизи Vantit с носовым звуком).

Рисуя процесс распада восточного славянства, А. А. основывается на извлеченных из русской диалектологии выводах о трех древнейших языковых ветвях. И в них ищет он опоры для выяснения этнографической и политической группировки восточного славянства в ту эпоху. Она восстанавливается им в таком виде. Та племенная группа, которая сосредоточилась в северном Поднепровье, получает толчок от двигавшихся на восток ляшских племен и усваивает от них много языковых особенностей. Здесь — объяснение характерной севернорусской шепелявости. Но еще у истоков Днепра, эти северноруссы разделились на две ветви: кривичей, которые направились к западу, по течению Зап. Двины, и словен, которые сконцентрировались в озерной области и верхнем Поволжье. Колонизационные волны ляхов сильнее захватили кривичей, и это повело к их лингвистическому обособлению. Однако эти северо-западные племенные организации совместно вовлекаются в сферу скандинавского влияния.

Другая группа, «восточная», этнографический состав которой А. А. в последнем труде своем отказался точно определить¹⁾, осаживается в области Донца и Дона, тяготея к хазарской

---

¹⁾ Об этнографическом составе восточной группы А. А. в ранних трудах своих высказывал такие гипотезы: в исследовании «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» (1899) он относил к ней радимичей, вятичей, северян и дреговичей; в статье «Южные поселения вятичей» (Изв. Акад. Наук, 1907) он пришел к выводу, что она исчерпывалась вятичами; этот взгляд он неизменно развивал до своего предсмертного труда «Древнейшие судьбы русского племени», где признал вятичей ляшским племенем.

цивилизации. О раннем обособлении этой племенной ветви неопровержимо говорят ее языковые черты (аканье).

Так от первоначального ядра восточного славянства откалываются две группы — севернорусская и восточнорусская. Оставшаяся на юге часть его широко распространяется в силу естественных условий занятой ею местности. Она охватывает полян, древлян, северян, дреговичей, бужан, которые позже назывались волянянами; дулебов, которые выселились в VIII–IX в. в землю дреговичей за Припять, и смешанный тип уличей — тиверцев¹.

Так при свете данных языка, подкрепленных общеисторическими соображениями, делаются явны первоначальные моменты в жизни русского народа.

Но этот процесс этнографической и политической дифференциации сдерживается образованием нового мощного культурно-политического центра. К уяснению вопроса о создании новых концентраций народной жизни побуждали А. А. прежде всего факты языка. Оказывалось, что, несмотря на распад начального общерусского единства, в XI–XII вв. на всем протяжении русской языковой территории переживался целый ряд общих явлений в области звуков и форм. Это замедление начавшейся дифференциации было обусловлено тем политическим объединением русских племен, в котором сыграли свою роль варяги.

И А. А., поставивши проблему во всей ее широте, дает оригинальное решение варяго-русскому вопросу (с гипотезой о «русском» разбойном острове в окрестностях Старой Руссы, — гипотезой, подтвержденной затем ак. Ф. Платоновым), указывая пути для объяснения таких исторически-значительных слов, как *Русь* и *варяги*.

---

¹ Состав южнорусской группы А. А. установлен не сразу: сначала он к ней относил полян, древлян, дулебов, бужан, волянян, тиверцев, уличей и хорватов («К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей»); затем в «Очерке древнейшего периода истории русского языка (XIII стр.) А. А. сюда присоединил северян, но высказал предположение, что дулебы, бужане и воляняне — это постепенно сменявшиеся насельники Буга; ранние обитатели — дулебы — могли расселиться среди других племен, когда их сменили бужане, которые позже стали называться волянянами. В «Очерке истории украинского языка» А. А. признал сомнительной принадлежность вообще к восточнославянской семье хорватов. После этого у него установилась более прочная схема. В «Древнейших судьбах русского племени» он дополнил ее указанием на смешанный тип уличей и тиверцев.

Движение Руси на юг, создание первой русской державы в Киеве, отпадение северных городов и возникновение там варяжского государства со средоточием в Новгороде, борьба варяжского севера с русским югом и победа варяжского государства, с которым была земля, и образование новой единой государственной организации — Киевской Руси, название которой стало национально-политическим именем — все эти важнейшие вопросы были вовлечены А. А. Шахматовым в круг исследования и получили новое освещение.

Выяснивши, каким образом Киев сделался проводником особой культуры, которую можно назвать южнорусской, А. А. описывает процесс образования на церковно-болгарской основе литературного языка, которому предстоял долгий путь национализации на русской почве. Его влияние он видел и в общих языковых переживаниях, охвативших все диалектические группы в эпоху XI–XII в. «Пути единения в области языка ясны и определены: правящие классы, интеллигенция, духовенство получают из центра и просвещение, и язык и проводят их дальше в народные массы» (Очерк, XL). Так опять обнаруживается неразрывная связь явлений языковых с фактами социально-политической и культурно-экономической жизни.

Но в недрах этого киевского государства закладываются основы новой этнографической и языковой группировки. Разрушение хазарского царства открывает путь азиатским кочевым ордам в пределы восточнославянского мира.

И прежде всего, ими сдвинут был восточный форпост славянских поселений в бассейне Дона. Русское население юго-востока, гонимое набегами степных варваров-печенегов, затем сменивших их половцев, отхлынуло с насиженных мест в двух направлениях: часть его двинулась к северу, к Рязани, в бассейн Оки и влила в себя западнославянских вятичей, а другая потянулась на северо-запад, к пределам Белоруссии, где столкнулась с дреговичами, кривичами и радимичами.

Средняя Россия, где раньше из русских племен господствовали севернорусы, захватившие верхнее течение Волги и продвинувшиеся к Оке, становится ареной оживленных колони-

зационных движений и привлекает к себе густое население с юго-востока.

Экстенсивные движения сменяются интенсивными, и начинается стремительно быстрый рост центров окского бассейна и верхнего Поволжья. Он стоит в причинной связи с запустением центров среднего и южного Поднепровья.

Социально-экономические и культурно-политические устои Киевской Руси обнаруживают свою шаткость в борьбе со степью. И в XII в. Киев должен был передать свое значение суздальским центрам, которые стали наследниками его своеобразной культуры и политических традиций. Южнорусское племя было обезглавлено. Ее западная часть — галицко-русское государство, когда была порвана связь его с «колыбелью русской государственности и гражданственности», связывает свои судьбы с Польшей.

Но южнорусское племя, которое перед кочевниками принуждено было отодвинуться к северу, все же сохранило свою древнюю территорию. В новом аспекте А. А. Шахматову стали ясны слабые стороны «великорусской» гипотезы А. И. Соболевского. «Прямых потомков полян, древлян, северян, — говорит он, — можно признать в населении современных северных уездов Киевской губ., современной Волыни и южных уездов Черниговщины и северной Полтавщины» (Очерк, XLVI). Это — вывод прочный из исторической диалектологии малорусского языка. Лишь в южных местностях осели позднее хлынувшие с юго-запада колонизационные волны галичан.

Но южнорусские поселения верхнего Поднепровья и Заприпятья, которые в значительной степени ассимилировали себе укрепившиеся здесь ляхские племена (радимичей), втягивались в новую жизнь. Они должны были вступить во взаимодействие с той частью восточноруссов, которые залили своей колонизационной волной Белоруссию. К ним же тянули кривичи с бассейна Западной Двины. Здесь закладываются основания литовско-русского государства. Здесь вырабатывается тип народности белорусской: она создалась, как результат слияния старых насельников белорусской территории — южноруссов, впитавших в себя

ляшские элементы, с пришедшими сюда восточноруссами. Так говорят факты языка и общеисторические соображения.

И тогда южнорусская племенная группа, от которой оторвалась часть сородичей, замыкается на более ограниченной территории и вступает в новый фазис своего существования — малорусский. В области языка тогда создается ряд общемалорусских явлений, резко обособивших ее от остальных русских племенных групп.

И в то время, как старые южные центры падают, и медленно организуются новые устойчивые формы политических отношений, упорно идет созидательная работа на северо-востоке, который «подбирал осколки старой киевской культуры». Суздальская земля, населенная северноруссами, как только к ней примкнули с юга восточноруссы, создает могущественную политическую организацию. Столкнувшись на путях колонизационных движений и с медленным ростом национальных стремлений преодолевая этнографический и культурно-экономический сепаратизм, восточно-русские и севернорусские племена слагаются в великорусскую народность и вступают в период общей языковой жизни. Эта новая великорусская нация создает Московское царство.

Так блестяще А. А. Шахматов разрешил одну из самых сложных проблем истории русской культуры — в частности и истории русского языка — о связи процесса образования русских наречий с общим ходом жизни русской народности.

Дальше — периоду средневековья А. А. не уделял такого пристально-настороженного, исследующего внимания и не вскрывал детально взаимной обусловленности в направлении диалектических связей и делений с социально-экономическими, культурно-политическими и этнографическими факторами. Но он горячо приветствовал диссертацию Д. К. Зеленина «Великорусские говоры»), ценную методологическим устремлением именно в эту сторону.

И был основной нерв русской языковой жизни — литературный язык, язык интеллигенции, в истории которого А. А., правда, в общих линиях, удалось проследить до конца непрерывную культурную преемственность интеллигентских масс. Сложившись в Киеве в кругах интеллигенции на церковно-

болгарской основе, литературный язык впервые испытал здесь благотворное влияние народной среды. Отсюда он вместе с киевской интеллигенцией переходит в центры Руси северо-восточной, постепенно национализируясь и становясь все ближе и доступнее живой речи народной. Окончательно развился он в Москве — новом оплоте русской интеллигенции, где в звуковом строе своем слился с живой речью великорусского народа. И А. А. был уверен, что «созданному, таким образом, литературному языку обеспечено будущее: момент общения интеллигенции с родным народом оживит его развитие, если он заглохнет; воскресит его, если он замрет» (Очерк истории малорусского языка. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II, 705 стр.).

Так А. А. Шахматов выполнил завет пленившего его еще в детстве Ф. И. Буслаева: им создана стройная и полная картина звукового и морфологического развития русского языка с момента его выделения из недр языка праславянского. И картина эта помогла ему «постигнуть дух создавшего язык народа, понять его культурную историю, его сложное и великое прошлое».

Пусть некоторые из смелых языковых и культурно-исторических интуиций А. А. не выдержат нападений грядущей научной силы. В частности, его гипотеза о прибалтийской прародине славянства встречает сильные затруднения и едва ли преодолет их.

Но все построения А. А., уже победившие скептическое сознание ученых, и те, которым суждено или не суждено этого сделать, — одинаково поражают необычайной широтой мысли и богатством сконцентрированных знаний. И среди этого разностороннего научного материала, из которого А. А. строил величественное здание истории русской народности, им, конечно, не могли быть обойдены литературные памятники древнерусской письменности. И работа его в области истории древнерусской литературы образует третий приток, который вливался в его историко-культурные концепции.

IV

В истории литературы А. А. Шахматов видел «историю развития духовного творчества, воплощающегося в письменных памятниках». И задачей исследователя литературного памятника ставил он: восстановить процесс творческой работы, на него положенной; определить приемы творчества, выяснить тот общественно-исторический фон, среди которого сложилось литературное произведение; установить круг его источников, способы их художественной обработки и проследить последующую литературную историю памятника. «Замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможности определить его состав и происхождение («Обозрение летописных сводов. Руси северо-восточной» И. А. Тихомирова. Критич. отзыв акад. А. Шахматова. 1899 г., 16 стр.).

Методы литературных изучений, по мнению А. А., не отличаются от лингвистических; единственно надежный путь их — сравнительно-исторический.

«Подобно тому, как исследование языка, — пишет он, — не может оставаться на почве одного языка и довольствоваться случайным и несистематическим сравнением фактов этого языка с фактами других языков; подобно тому, как это исследование становится научным только после привлечения к систематическому сравнению данных нескольких родственных языков, при чем это сравнение прежде всего приводит к восстановлению древнейших эпох в жизни исследуемых языков, а затем и к восстановлению того общего языка, из которого они произошли, — так же точно исследователь литературного памятника должен, прежде всего, подвергнуть этот памятник сравнительному изучению с ближайшими, наиболее сходными, для того, чтобы определить последовательный ход в развитии исследуемого памятника и восстановить тот первоначальный вид, к которому он восходит» (*ibid.*, 16 стр.).

Таким образом, только сравнительное изучение различных списков и редакций литературного памятника может привести к восстановлению первичного, надежного его текста. Только оно может размотать «сложный клубок» позднейших наслоений,

образовавшийся вокруг оригинала. А когда восстановлен текст, то для определения его внутреннего облика, всегда носящего отпечаток индивидуальности творца, исследователь его изучение должен начать с выяснения личности автора-составителя (если он неизвестен), времени, места, обстоятельств, при которых он работал. Так осветится та «литературная среда» и та общественно-бытовая и культурно-политическая атмосфера, в которой памятник возникал. А в связи с характеристикой литературных приемов его творца или составителя всплывают новые проблемы о литературных связях и сцеплениях данного памятника с его предшественниками и современниками.

Подобно тому, как явления языка находятся в живом взаимодействии одно с другим, образуя цепь то сплетающихся, то расходящихся процессов, так и «в истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений».

Понятно, что в этой сложной сети внимание А. А. должны были привлечь наиболее трудно разрешимые узлы, центры многообразных сплетений. И был в ней один такой необыкновенно сложный и перепутанный «литературный клубок», нити которого тянулись на многовековом пространстве, сталкиваясь со множеством памятников древней письменности, то в них влетаясь, то вкручивая их в себя. И часто следы тех памятников, части которых замкнул в себе этот клубок, лишь в нем и сохранялись. Клубок этот, которым с особенным усердием интересовались до А. А. историки русского народа, видя в нем груды разнородного исторического материала, — было русское летописание. Оно сделалось центром изучений А. А. Шахматова. Это и понятно. К нему должно было влечь А. А. основное устремление его к разрешению проблем о первоначальных судьбах русской народности: для их воспроизведения, как один из основных источников, служила летопись.

Это тяготение к летописи обнаружилось у А. А. еще в детстве, когда летопись Нестора была одной из его излюбленных книг. Тогда же, как видно из писем А. А., в нем сложилось противоположное господствовавшему в то время представлению о летописце как страстном и одушевленном участнике политиче-

ской борьбы, и о летописи — как о литературном произведении, отражающем ярко общественные и политические симпатии ее составителей.

Но можно еще конкретнее обозначить ту цель, к которой направлялся А. А. Шахматов в области летописания. Литературная деятельность Нестора Летописца — центральная тема его в истории древнерусской литературы.

Восстановление «Повести временных лет» в ее составе и подлинном тексте было, по словам проф. М. Д. Приселкова, заданием жизни А. А. А составителем ее А. А. — вопреки господствующему в истории литературы взгляду — неизменно считал Нестора-Летописца.

Процесс восстановления подлинного, очищенного Нестора — по характеру своему был аналогичен реконструкции «русского праязыка». И в приемах этой работы А. А. остался верен себе: он обратился непосредственно к рукописям, стремясь к проверке печатных текстов, и привлек летописные списки во всем их разнообразии. Утончение приемов и полнота материала привели к тому же результату, как в исследованиях диалектологических фактов. Четкий анализ многочисленных редакций и списков летописных сводов (их около 200), при интуитивном созерцании синтетического единства в комбинировании отдельных частей, открыл А. А. новый взгляд на существо летописания.

Всегда прозревая за окаменелым памятником живую индивидуальность, А. А. и в летописях увидел целостные литературные произведения, объединенные общей тенденцией их составителя и — вследствие своеобразных приемов компилятивного сращиванья литературных кусков — выдающие свои источники. Идя, как и в исследованиях языковых, от поздних списков к «протографам», А. А. сразу же оценил роль преемственной связи, литературной традиции в летописном жанре.

При таком подходе источниками летописных сводов оказывались не разноместные погодные записи, сплетенные с выписками из древнерусских памятников других типов, а те же своды — ранние, из которых один или даже несколько ложились в основу последующих, подвергаясь переработке — соответственно личным вкусам и общественно-политическим убеждениям

продолжателя — и вбирая в свой круг осколки и мотивы соприкасавшихся по темам литературных произведений и легенд.

Создавалась сложная сеть летописных сводов, которые, начиная от восстановленного А. А. древнейшего Киевского 1039 г., в непрерывном и сложном развитии тянулись, то расходясь, то вновь скрещиваясь, влияя на другие литературные жанры и сами испытывая воздействие их и народной поэзии, разнообразясь, в зависимости от индивидуальных склонностей летописцев, до обширных московских сводов XVI <в.>, завершенных в украшенном акварельными иллюстрациями-миниатюрами лицевом своде времен Ивана Грозного (А. Е. Пресняков). Вскрывая те литературные источники, которые ложились в основу летописной компиляции или, наоборот, отыскивая памятники, включившие в себя летописные заметки, А. А. исследовал и их, тем более, что часто открытие связи и взаимоотношения их с летописными сводами пролиvalo новый свет как на их историю, так и на историю летописания.

Напр., произведенный им анализ «Памяти и похвалы Владимира» мниха Иакова не только устанавливает несколько литературных слоев в этом памятнике, но и открывает в нем следы летописного влияния. Между тем воссоздаваемые, таким образом, отрывки летописи, использованной составителем «Памяти и похвалы», содержат существенные отличия от дошедших до нас Сводов. Сравнение их с однородными летописными известиями обнаруживает большую точность их сообщений. Отсюда А. А. заключает, что автор «Памяти и Похвалы» пользовался сводом более древним, который до нас не сохранился. Ряд побочных соображений, вытекающий из анализа других, соприкасавшихся с летописью, памятников, помогает восстановить и характер этого древнего свода, и условия и хронологию его возникновения.

Приемы сравнительно-исторического изучения летописных сводов приводили А. А. не только к обнаружению внедрений в текст их отрывков из других популярных памятников древнерусской письменности, но и к реконструкции исчезнувших литературных источников. В его трудах истории древнерусской литературы открылись впервые темы и характер множества литературных произведений, о существовании которых она и не подо-

зревала, напр., корсунской легенды о крещении Владимира, и было восстановлено общее содержание тех, о пропаже которых она знала, напр., жития Антония. Все эти разыскания освещали ярко не только взаимодействия литературных памятников и приемы творчества древнерусских книжников, но и одушевлявшую их идеологию и тот широкий культурно-бытовой фон, на котором выростала личность летописца. В процессе анализа содержания памятников и отыскания тех тенденций, которые руководили их авторами, влияя на характер обработки доступного им литературного материала и на способ восприятия и обрисовки современных событий, раскрывалась смена и эволюция идей — церковных и общественно-политических — в правящих кругах с XI по XVI век; раскрывалась история древнерусской интеллигенции.

Как всегда, в интуитивном созерцании А. А. ожил не только книжник-летописец среди его напряженной, компилятивно-научной и творческой работы, но и тот круг лиц, который за ним стоял, и та среда, которая его окружала.

Вместе с тем — в этой работе восстановления протографов и сравнительного анализа руководящих тенденций в литературных памятниках — А. А. освещал характер и реальные основы тех исторических событий, отголоски которых в своеобразном преломлении находились в летописных сводах. В виде иллюстрации достаточно указать на анализ А. А. «Сказания о первых русских князьях» (А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С.П.Б. 1908, 289–340 стр.).

Таким образом в литературных работах А. А. сочетались точность филологического анализа, которой он обязан самому себе, как лингвисту, и тщательность историко-культурного комментария. Недаром его учителями были Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер.

Филологический анализ, которому подвергал А. А. памятник, обычно шел в трех направлениях. То он был узко лингвистическим: непоследовательности языка и нарушения синтаксических конструкций являли литературные вставки. В иных случаях филологический анализ облакался в форму стилистического сопоставления общих фраз и выражений в двух памятниках, что служило симптомом их литературного взаимодействия или происхождения

от общего источника. Но чаще всего анализ был логически смысловым: оценивалось соответствие всех композиционных частей памятника тому идейному замыслу, той тенденции, которая руководила его автором. В этой работе выявления самопротиворечий составителя обнаруживалась неотразимая сила логики А. А. Открытый путем глубокого проникновения в содержание памятника — идейный замысел его творца продумывался А. А. до конца, и все, что воспринималось как некоторое логическое его нарушение или даже замедление, торможение его осуществления, он считал литературной вставкой или результатом разнообразных переделок, наблюдая за их направлением и причинами.

Может быть, этим отточенным анализом обострялось иногда значение мелких уклонений и случайных несоответствий.

Но этот логически смысловой анализ, всегда выходя за узкие пределы одной рукописи и подвергая сравнению ряды однородных по мотивам произведений, производил оценку целей и характера пропусков, вставок и переработок; объединял в одной праформе варианты списков; устанавливал взаимоотношения памятников и приводил к реконструкции первооригинала.

Таким образом А. А. были определены пути летописания с XI по XVI в., восстановлен в существенных чертах состав «Повести временных лет» и подготовлен материал для реконструкции подлинного текста Нестора.

Эти работы А. А. служат органическим дополнением к его лингвистическим и историко-культурным изучением. Там интуитивным постижением воспроизводил он последовательные изменения в социальных, этнографических и языковых группировках народных масс, обусловленные железной силой экономических и культурно-политических факторов. Там он имел дело с социальной группой, растворявшей в себе индивидуальность.

Здесь — в области литературы, может быть, с некоторой долей модернизации прошлого — А. А. Шахматов созерцал неустанное и разнообразное идейное творчество высоко одаренной индивидуальности¹⁾.

---

¹⁾ Библиография трудов А. А. Шахматова до 1914 г. дана в «Материалах для биографического словаря действ. Членов Имп. Акад. Наук» (ч. II 232-235 стр.) и с дополнениями, сделанными

В науке важнее всего — откровение новых путей, новых методов исследования. Новые пути пролагались А. А. Шахматовым во всех областях, в какие он входил. Он не оставил собранной, единой системы методологии лингвистических и шире — историко-культурных изучений. Он не рассуждал о методах, а создавал их в процессе работы. И эта сторона его трудов не умрет никогда: даже тогда, когда его смелые гипотезы будут заменены другими, истинные ученые будут искать в исследованиях А. А. Шахматова радости созерцания в прошлом великой творческой работы гениального ума.

Л.В. Амелина

*Брянский государственный университет
Россия, г. Брянск*

Аналогия в лингвистической концепции А.А. Шахматова

Лингвистическая аналогия – порождение психологического направления в языкознании. В. Гумбольдт считал, что действительное развитие языка происходит мало-помалу, и всякое явление образуется *аналогически*. Много позже В. Шерер рядом с физиологическим принципом изменения языка уверенно ставил психологический принцип такого изменения, то есть аналогию (*Zur Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin, 1868. С. 660). Наши отечественные ученые (И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов и др.) проявляли не менее пристальное внимание к аналогии и условиям ее действия.

Большой научный интерес представляет отношение А.А. Шахматова к процессу аналогии. Высказывалось мнение, что ученый недооценивал влияние аналогии в языке и речи (А.И. Соболевский, Н.М. Каринский). Однако уже в своей студенческой работе «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» (1886) первокурсник проявил к этому явлению серьезный интерес, сумев раскрыть целый ряд типов аналогии в изученных им памятниках письменности: звуковую, акцентологическую, грамматическую и др. Никак не меньший интерес А.А. Шахматова к аналогии обнаруживаем и в его магистерской диссертации. Здесь ученый высказал предположение, что уже в первые века истории нашего языка гортанные звуки соединялись с «мягкими гласными» (гласными переднего ряда – Л.А.), что было вызвано «разными звуковыми аналогиями», например, при склонении имен существительных появление звуков [г], [к], [х] вместо [ц], [з], [с] (в *городкъ*, *долгѣ* и др.). Появление -у в местном падеже вызвало появление в родительном и местном падежа форм *торѣшку*, *торѣжку*, *на торожѣ* и под. (указ. соч., с. 168). В диссертации многочисленны примеры на воздействие аналогии при выравнивании именных основ. При этом Шахматов подчеркивал, что «звуковые явления были причиной совершенного

изменения всего русского склонения», но собственно изменение звуков – фонетическое – не играло при этом такой большой роли, как изменение звуков под влиянием *звуковой аналогии* (курсив наш. – Л.А.)» (указ. соч., с. 185). Фактами аналогии ученый объяснял во 2-й главе диссертации, в частности, переход в народной речи гласного [е] в дифтонг [ие] не только перед твердыми, но и перед мягкими согласными; сохранение ь и ы в суффиксах (*истобья, девья и др.*) под влиянием *аналогического сближения* с формами *дъвокъ, истобокъ*; наличие форм *ропта* вместо *ропта* (из *роптъ*) и пр. (гл. 4).

Явления звуковой аналогии А.А. Шахматов подразделял на: 1) задерживающие фонетические изменения и сохраняющие старые звуки (при этом аналогии, «задерживающей изменение схемы имен, – писал Шахматов, – найти нельзя», можно говорить лишь о стремлении к единообразию: вм. *пришлецъ – пришельца* появились *пришлец-пришлеца, жнец-жнеца* и под.); 2) аналогии, вызывающие *новые* звуки, *новые* формы, *новые* окончания. Этот процесс А.А. Шахматов считал «гораздо значительнее»: влияние склонения твердых основ на мягкие (мест. пад. ед.ч. *козъ*, но *кнѣзи*, перешедшее в князе и под. (влияние мягких основ на твердые исследователь характеризовал как *редкое*) (указ. соч., с. 190).

По нашим наблюдениям, явления аналогии представлены у автора *очень детально и разнообразно*. При этом специфика явления нередко демонстрируется сопоставлением фактов в пределах как наречий русского языка, так даже и на инославянском фоне (в болг., серб., польск. и других языках).

Мы проанализировали только две работы А.А. Шахматова (юношескую первокурсника и диссертацию зрелого ученого) и можем отметить, что аналогия анализировалась ученым скрупулезно и на обильном фактическом материале не только памятников письменности, но и живых русских говоров, во главе системного изучения которых с конца XIX в. встал именно А.А. Шахматов. В ряде других исследований академика, посвященных особенно изучению говоров, аналогия представлена не менее широко. Все это дает основание считать, что ученый никак не преуменьшал влияния аналогии в истории русского языка, но и не преувеличивал ее.

С.Л. Андреева

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
Россия, г. Магнитогорск*

Уроки коммуникативной грамматики А.А. Шахматова при составлении словаря концептов

Лексикографическое описание концептов до сих пор, несмотря на обилие публикаций, составляет объективную сложность в силу разнородности и разноплановости способов объективации этих ментальных образований. Нами уже высказывалась идея создания комплексного словаря, описывающего концепты утопического сознания на материале романа Е. Замятина «Мы» и сочетающего в себе признаки сразу нескольких типов словарей – словаря языка писателя, идеографического словаря, словаря одного произведения, словаря-справочника, историко-литературного комментария и конкорданса (Андреева С.Л. О проблемах и возможностях лексикографического описания концептосферы художественного произведения. Магнитогорск, 2011).

Объективация концепта в языке не ограничивается лексическим уровнем и обнаруживается и, в том числе, на уровне грамматики, опираясь на «память» синтаксических конструкций, особенности их парадигмы. Художественный эффект от использования грамматического средства при объективации концепта часто значительно мощнее лексического. Синтаксическим средствам обозначения концептов в ходе составления словаря следует уделить повышенное внимание, поскольку синтаксис, по известному утверждению А.А. Шахматова, является именно той частью грамматики, «которая рассматривает способы обнаружения мышления в речи» (Шахматов А.А. Синтаксис русского языка, 2001).

Шахматов, исходя из интерпретационного характера языкового общения, назвал коммуникативную задачу главным фактором выбора грамматических средств. Отбор формы осуществляется носителем языка в зависимости от цели коммуникации. При обозначении концепта выбор, например, части речи для сло-

воформы (*стекло, стекленеть, стеклянно, стеклянный*), вводящей актуальное для романа «Мы» представление, является коммуникативно-опосредованным и культурно значимым; так же лексема *один*, в зависимости от синтаксической позиции то не включается в спектр средств обозначения утопических концептов, то в функции счетно-местоименного прилагательного представляет концепт «Личность», то в значении неопределенного местоимения с предлогом *из* вводит концепт «Равенство»: «*Это потому, что никто не "один", но "один из"*» (Е. Замятин «Мы»). Следуя коммуникативной грамматике А.А. Шахматова можно последовательно и непротиворечиво показать в комплексном словаре, как одна и та же лексема в одном тексте вводит разные концепты.

О.А. Анищенко

*Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова
Казахстан, г. Кокшетау*

Лексикографические принципы А.А. Шахматова в создании современных словарей

Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всем его богатстве закрепляется прежде всего в словаре. О фиксации «сокровищницы русского языка» мечтал А. Шахматов, очертив перспективы академического «Словаря русского языка», работу над которым он возглавил после смерти Я.К. Грота. Коренным образом перестроив словарь из нормативного в словарь-тезаурус, он собрал в нём с небывалой широтой лексику, представленную в языке русской нации, «без ограничений хронологического, нормативно-стилистического, ареального или узуального характера».

Развивая лексикографические принципы А. Шахматова, лучшие традиции словарного дела в России, современные составители словарей стремятся полно и всесторонне описать словарный состав русского языка в его истории и современном состоянии.

Особый интерес учёных-лексикографов вызывают территориальные и социальные диалекты, актуальным становится целенаправленное собирание и изучение диалектных фактов как элементов общенародной лексической системы. Развитие получает словарная обработка молодёжного жаргона. «Словарь московского арго» (Елистратов, 1994), «Словарь русского сленга» (Югановы, 1997), «Базарго. Жаргон уральских подростков» (Шинкаренко, 1998), «Большой словарь русского жаргона» (Мокиенко, Никитина 2000), «Словарь уфимского сленга» (Вахитов, 2001), «Словарь молодёжного сленга» (Никитина, 2003), «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона» (Вальтер, Мокиенко, Никитина, 2005), «Словарь современного молодёжного жаргона» (Грачёв, 2006), «Словарь русского школьного жаргона XIX века» (Анищенко, 2007) и другие словари ставят своей целью полное, системное описание молодёжного

лексикона во всём его многообразии. Зафиксированная в словарях лексика проливает свет на её происхождение и семантику, отражает основные тенденции в словообразовании того или иного периода в истории России, а также раскрывает секреты социально-группового словесного творчества.

Сегодня всё больше осознаётся роль словарей как уникального хранилища накопленного предшествующими поколениями опыта, как связующей нити между разными эпохами. Современная лексикография, в становлении которой важную роль сыграл А. Шахматов, во многом формирует современное состояние лингвистической науки, она открывает широкие возможности для решения задач, связанных с реконструкцией языкового сознания, культурно-национального мировидения. Её отличительной чертой является постоянный, неослабевающий интерес к слову, изучение его сущности.

Л.Ю. Астахина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, г. Москва*

Роль А.А. Шахматова в развитии лингвистического источниковедения

А.А. Шахматов охватывает своим взором
всю историю явлений языка,
от глубочайшей древности
до настоящего времени.

В.М. Истрин. 1920 г.

А.А. Шахматов считал, что историю языка нужно изучать как по говорам, так и по рукописным источникам. Правила издания деловых текстов им были сформулированы в «Исследовании о языке новгородских грамот XIII и XIV века» (1885–1886 гг., далее – Гр.новг.): “Правила, которым мы следовали, самые простые: передавать оригинал настолько, насколько это не затруднительно в печати; различные формы одной какой-нибудь буквы или одного значка передавать одинаково, одним печатным знаком; соблюдать всякие сокращённые написания подлинника, состоят ли они во введении одного знака титла или в выносе букв; вводить в текст отдельные буквы на место неразобранных в подлиннике, но тщательно отделяя их скобками и оговаривая, когда это важно, в подстрочных примечаниях; в тех же грамотах, где восстановить все стёршиеся и попорченные места невозможно, мы совсем не вводили кониектуральных чтений в текст и предлагали их в примечаниях. Наконец, в кратком описании при каждой грамоте, а также в подстрочных примечаниях мы делали указание на внешность грамоты, а иногда также на форму букв, где это может быть важно в каком-нибудь отношении; в примечаниях же мы отмечали случаи, где в Собрании госуд. грамот и договоров вместо буквы подлинника стоит другая” (Гр.новг., 288).

Новгородские грамоты издавались и ранее, но автору было важно отразить лингвистический аспект текстов, поэтому комментарии и примечания касались их лингвистической инфор-

мационности. Перед текстом он пишет, где находится грамота, каким способом и где была издана.

Характерны примечания, данные после текста: «К строке 1: няни в слове покланяние в подлиннике нет, на этом месте вырван кусочек пергамента; точка, может быть, бывшая над е в этом слове, была на вырванном кусочке; и в слове посадника трудно разобрать: видна только первая палочка, над ней, кажется, точка; К строке 49: и поставленное нами в скобки в слове (и)ной в подлиннике не видно под красножелтым пятном; К строке 55: Весьма любопытно, что после слова нашихъ стояло раньше трое- или четверточие, которое ставится обыкновенно на конце грамот; но эти точки были стертые и обрезаны, вероятно, после прибавления 56-й строки (грамота № 1).

Перед изданием Шахматов дает их фонетическое и морфологическое исследование (с. 131–226): «О звуковых особенностях», «О формальных особенностях», а в Дополнении исследуются рефлексы буквы “ять”. Часть, где помещаются тексты двадцати грамот, названа «Приложение».

В «Исследовании о двинских грамотах XV в. Ч. I и II» (1903 г.) помещены грамоты, большинство из которых не издавалось раньше. Своеобразна композиция книги: сначала – исследование (140 стр.), в Приложениях I–II с буквальной точностью переданы тексты 123 грамот. В Приложении III автор пишет: “Благодаря любезному содействию С.Л. Пташицкого... получил фотографический снимок с грамоты № 86. Нелишним считаю перепечатать текст её ещё раз по этому снимку”. Снимок дан в конце книги вместе со снимками грамот № 15 и 24 (для иллюстрации).

Публикацию двинских грамот А.А. Шахматов сопроводил Указателем личных имён, встречающихся в грамотах, и Указателем географическим. Состав справочного аппарата, как видим, он заимствовал у историков.

Издание рукописей, в котором наборный текст сопровождается фототипическим воспроизведением, признаётся лингвистами оптимальным, а из указателей им необходимы указатель слов или слов и форм.

А.А. Шахматов видел в издании текстов рукописей иллюстрацию для подтверждения выводов исследования, помещая их

в Приложении. Но лингвистическая чуткость подсказывала: нельзя ограничиваться выписками из грамот, нужно их публиковать полностью. “Конечно, такое издание заменить подлинников не может; палеографу оно даёт мало, но лингвисту достаточно и такое издание, если оно исполнено аккуратно” (Гр.новг., 288).

В публикациях деловых грамот Шахматов предначертал будущие параметры лингвистических изданий.

А.А. Шахматов не формулировал принципов, категорий и методов лингвистического источниковедения, не определял предмета этой науки, но его издательский опыт способствовал развитию лингвистического источниковедения и знаменовал важный этап на пути формирования промежуточной группы лингвистических источников.

Т.Е. Баженова

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Россия, г. Самара*

Региональная стратификация русского языка на картах Лексического атласа самарских говоров

Лингвогеографический ландшафт Самарской области образуют, с одной стороны, среднерусские окающие (владимирско-поволжские) и среднерусские акающие говоры, обнаруживающие признаки генетического единства, и, с другой стороны, разнообразные южнорусские и говоры среднерусские с южнорусской основой. На карте это напоминает миниатюрную проекцию диалектного членения русского языка в том виде, в каком оно представлено в говорах Центра России, однако данная проекция корректируется спецификой позднепереселенческих говоров нашего региона, для которых характерна известная пестрота.

С учетом вторичности и неоднородности переселенческих самарских говоров в диалектной лексике на территории Самарской области отмечены оппозиции, образованные лексемами, традиционно фиксирующимися в говорах основных диалектных группировок (*ухват – рогач, квашня – дежа, сковородник – чепельник, брезговать – гребовать* и др.). Так же регулярно, как в говорах исконно русских территорий, на лингвистических картах самарского атласа образуют изоглоссы лексические пары слов, отличающиеся от общерусских слов фонемным составом (*медведь – ведмедь*), набором морфем (*суягная – сукотная*), объемом лексического значения (*песни петь – песни играть*). Вторые члены в данных оппозициях образуют небольшие, но достаточно компактные ареалы в южных районах Самарской области, где бытуют преимущественно южнорусские говоры.

Изоглоссы лексем, входящих в двучленные оппозиции, соответствуют основным типологическим различиям между группировками окающих и акающих говоров, сложившимся на нашей территории. На уровне фонетики и морфологии к числу таких типологических различий относятся: в окающих говорах и в акающих среднерусских с севернорусской основой говорах –

сохранение «этимологического» *a* в предударном вокализме после мягких согласных, твердые *ч* и *шш*, стяжение, *e* в формах местоимений (*оне, моих, твоих*); в южнорусских и в образованных на их основе среднерусских говорах – системы неразличения гласных после мягких согласных (яканье с признаками диссимиляции в основе), рефлексy фрикативного *z* (*γ*), билабиального *v* (*w*) и др.

По характеру бытования основные фонетические, морфологические и лексические особенности самарских говоров подразделяются на строго приуроченные и характерные для определенного типа (но ещё не междиалектные).

Среди лексических оппозиций первого типа, имеющих полярную диалектную приуроченность, выделяются двучленные диалектные соответствия, многие из которых в самарских говорах составляют названия уже исчезнувших реалий: *крынка* – *махотка*, *кови* – *корец*, *сковородник* – *чпельник* и под.

Гораздо чаще лексические единицы отличаются лишь общей отнесенностью к говорам акающим или окающим, к среднерусским с окающей основой или к южнорусским говорам. Обычно такие лексемы образуют в говорах многочленное соответствие, в составе которого выделяются общерусские и диалектные слова (например, *ворок*, *плант*, *жерёбная*, *сужерёбая* лошадь в акающих говорах и *позьмо*, *карда*, *берёжая* лошадь – в окающих говорах).

Таким образом, среди изоглосс, позволяющих провести условную границу между оканьем и аканьем на нашей территории, можно видеть и изоглоссы отдельных лексических единиц.

Л.М. Байдуж
Тюменский государственный университет
Россия, г. Тюмень

Безличные причастные предложения с субъектным и объектным инфинитивом в свете теории семантического синтаксиса

Одной из актуальных задач семантического синтаксиса является исчисление и описание механизмов создания полипропозитивности в структуре простого предложения, к числу которых относятся конструкции с объектным инфинитивом. Его синтаксическую позицию принято квалифицировать как дополнение, хотя объектный инфинитив выражает второстепенную по отношению к сказуемостной (P₁) пропозицию (P₂), семантический субъект которой (S₂) обозначается формой дательного падежа, так что данная конструкция обычно легко трансформируется в сложноподчиненное предложение: «*А кто (S₁), любезный друг, велит (P₁) тебе (S₂) быть праздным (P₂)? – Кто велит, любезный друг, чтобы ты был праздным?* Предложения с субъектным инфинитивом, который квалифицируется как основной компонент сказуемого, являются монопропозитивными: *А он (S₁) робеет в это дело вступать (P₁)* (примеры из «Синтаксиса русского языка» А.А.Шахматова (Л., 1941, с. 396)).

Сферы употребления субъектного и объектного инфинитивов, т.е. наборы глаголов, к которым они примыкают, наиболее полно представлены в спрягаемо-глагольных предложениях, но эти две разновидности конструкций – моно- и полипропозитивная – наличествуют и в односоставных безличных причастных предложениях. Ср.: *Весной 1955 года Советское правительство решило вернуть картины в Дрезден. Перед тем как отправить картины обратно в Германию, было решено открыть девяностодневный доступ к ним* (В. Гроссман. Сикстинская мадонна).

Безличные причастные предложения каждой из этих групп имеют ряд семантических разновидностей. Монопропозитивны предложения с семантикой **намерения** (*задумано, запланировано, затеяно, намечено, предreshено, решено, спланировано,*

условлено), **привычки, правила, обыкновения** (*заведено, принято*), **предписания** (*положено* + инфинитив). Объектный же инфинитив употребляется при причастиях, которые выражают разные виды побуждений, соответствующих выделяемым в теории речевых актов **директивным** высказываниям (*велено, доверено, завещано, назначено, наказано, поручено, предложено, предписано, приказано, рекомендовано, сказано, указано*), запрещения (прохибитивы) – разрешения, дозволения (пермиссивы): (*дозволено, заказано, запрещено, позволено, разрешено*). Причастие *обещано* интересно и уникально тем, что оно может формировать и моно-, и полипропозитивную конструкцию, т.е. присоединять к себе и субъектный, и объектный инфинитив.

Особое место среди безличных предложений занимают предложения с семантикой **предопределенности**, выражающейся причастными словоформами *дано, предназначено, предначертано, предопределено, суждено*, не всегда имеющими параллельные формы в двусоставном предложении. Субъект, выраженный формой дательного падежа, всегда является пассивным носителем этой предначертанности, однако в тексте редко называется активный субъект, предопределяющий данное положение дел (он встречается главным образом в поэтических текстах). Предложения этого подтипа не имеют в лингвистической литературе однозначной трактовки.

Синтаксические функции инфинитива в безличных причастных предложениях пересекаются с картиной их употребления в двусоставных предложениях: можно заметить много общего, но списки глаголов, как модальных, так и волеизъявительных, различны, и различны смысловые нюансы, обусловленные формой предложения. Сопоставление безличных причастных и двусоставных спрягаемо-глагольных предложений, анализ эффектов безличного употребления модальных и волеизъявительных глаголов – актуальная задача дальнейших исследований.

Е.Ю. Басаргина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Несколько замечаний о личности А.А. Шахматова

В странах с устоявшимися культурными традициями, где жизнь протекает плавно, без особых социальных потрясений, и где, казалось бы, не возникает крайних ситуаций, где мог бы проявиться весь диапазон человеческих качеств, биография кабинетного филолога, как правило, укладывается в рамки библиографии его трудов. При таких условиях ученый целиком посвящает себя научному творчеству, замкнувшись, можно сказать, в лаборатории своей мысли, ведет жизнь среди книг и рукописей, в окружении небольшого числа учеников и последователей, пишет свои труды для немногих специалистов. Но биография А.А. Шахматова не укладывается в простую библиографию его трудов...

Обозревая жизненный и творческий путь Шахматова, мы сразу же видим, что это не только жизнь (пусть и великого) ученого, но далеко не в последнюю очередь это жизнь праведника, которая легко укладывается в традиционные рамки житийного канона. При этом в отличие от древних житий, подлинность изложения которых зачастую не поддается проверке и изобилует подчас фантастическими деталями, жизнь Шахматова такой проверке поддается: ведь в нашем распоряжении имеется большое количество достоверных источников (воспоминания близких, переписка, автобиографии и пр.).

Так, в рассказах современников о ранних годах жизни Шахматова мы находим многочисленные *loci communes* житийной литературы. Ранее сиротство, исключительная одаренность, гениальная интуиция, постоянная сосредоточенность, отрешенность от внешних удовольствий жизни, насмешки и непонимание товарищей.

По достижении 12 лет, т. е. времени перехода в качественно иное состояние сознания, от некритического детства к началу критического отношения к миру (возраст, который, заме-

тим, находит отражение и в житейной литературе) Шахматов ясно осознал свое предназначение.

Именно в этом возрасте, переступив порог Мюнхенской Королевской библиотеки, он понял, что сломал стену, отделявшую его от источников, и что отныне он сможет «собственным трудом достигнуть имени историка» (Масальская Е.А. Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М., 2012. С. 136. Из письма А.А. Шахматова от 8.08.1876 г.).

«К этому времени я отношу развившуюся страсть к сравнительному изучению языков», – пишет он и в автобиографии (СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 21. Автобиография. 1890 г. Копия). Теперь его всецело занимало исследование звуков речи, которое он мечтал показать какому-нибудь специалисту в Москве. Ответы на волновавшие его вопросы он нашел спустя год у профессоров Московского университета, которых он всю жизнь почитал как своих главных учителей: это Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер.

Подтверждением особого избранничества Шахматова является ходившая по Москве сказка о «легендарном мальчике», оказавшаяся былью: в 1882 г. гимназист Шахматов выступил на магистерском диспуте А.И. Соболевского. Вскоре Шахматов сам стал питомцем Московского университета.

По окончании университета Шахматов поддался искушению променять науку на другую, более живую деятельность. В поисках нового смысла и идеала в своей жизни, он удалился в Саратовскую глушь земским начальником. Свою новую службу он называл «отбыванием воинской повинности» в качестве рядового (СПФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. Д. 95. Письмо А.А. Шахматова Ф. Ф. Фортунатову 3.02.1891 г.). На его долю как земского начальника выпали тяжелые испытания: неурожай и холера. Исполненный самопожертвования, не зная отдыха, помогал он пострадавшим от неурожая крестьянам, доставлял лекарства в пораженные холерой деревни. Чудо сохранило его в самом очаге холеры; крестьяне даже говорили, что он заговоренный.

Тем не менее, пользуясь короткими досугами, он написал магистерскую диссертацию, которая в Московском университете была признана достойной докторской степени. Вскоре, в апреле

того же 1894 г., Шахматов получил приглашение баллотироваться в Академию наук. «Во мне является дерзость и решимость изъяснить свое полное согласие на приобщение к Академии», – писал он своему учителю Ф.Ф. Фортунатову (Там же. Л. 66 об.–67. Письмо А.А. Шахматова Ф.Ф. Фортунатову 7.04.1894 г.).

С этого времени его страсть к науке была удовлетворена с лихвой, и вся жизнь его до конца проходила в непрерывном труде, неустанном и неуклонном искании научной истины, которое понималось им как раз и навсегда возложенное служение.

Благодаря особым талантам Шахматова Отделение русского языка и словесности Академии наук превратилось в научно-общественный центр славяноведения. Со всех сторон стекались к Шахматову ученые за советом и поддержкой, всех согревал он словом ободрения и оказывал посильную помощь. Роль ученого пастыря давалась ему «совершенно естественно, умно и кротко». Современники отмечали его «прямо евангельскую простоту и смиренномудрие; Христос и тот, наверное, больше себя ценил» (ОР РНБ. Ф. 326. Д. 18. Л. 69 об. Казанович Е.П. Записки о виденном и слышанном).

В дошедших до нас свидетельствах современников, письмах самого А. А. Шахматова к друзьям и близким, воспоминаниях его домашних можно с избытком почерпнуть свидетельства того, что он вел исполненную самопожертвования жизнь во имя науки, нес в себе христианский идеал чистоты и кротости, нежной, деятельной любви к людям, подвижничества и безвинных страданий. Не забудем, наконец, и о том, что А.А. Шахматов жил в России в переломную историческую эпоху, и его «возмущенная совесть», используя его собственные слова, испытывала негодование, отчаяние, страх за будущее родины...

Одним словом, имеющиеся данные дают возможность составить своего рода «житие» Шахматова, и это «житие» будет не сухим и схематичным, а наполненным плотью и кровью. Ведь Шахматов, вне всякого сомнения, заслужил не только научной биографии (которой, впрочем, до сих пор нет), но и такого жизнеописания, как, например, написанные с удивительной теплотой и задушевностью «Соборяне» Лескова.

Е.Н. Бекасова

Оренбургский педагогический университет

Россия, г. Оренбург

А.А. Шахматов о происхождении русского литературного языка: многообразие классики

Установившееся мнение о старославянской генетической основы русского литературного языка теснейшим образом соединилось с именем А.А. Шахматова. При этом хрестоматийное восприятие научных взглядов XIX – начала XX вв. как традиционных и однородных является во многом кажущимся и в первую очередь потому, что для учёных того времени проблемы языковой природы как таковой не существовало, потому что они в основном осмысливали феномен сосуществования двух языковых стихий и свои впечатления по поводу их совмещения в отдельных памятниках древнерусской письменности. Именно поэтому в XX в. сторонники той или иной концепции, манипулируя высказываниями учёных XIX в., с одинаковой степенью убеждённости относят их к «своему лагерю» в качестве своих предшественников.

Феномен закрепления гипотезы южнославянской основы русского литературного языка за именем А.А. Шахматова объясняется прежде всего его авторитетом учёного энциклопедического типа, сыгравшего выдающуюся роль в развитии отечественной лингвистики и филологии вообще. К сожалению, строки из «Очерка современного русского литературного языка», оставшегося незавершённым и не отражающего динамичного развития взглядов истинного исследователя на историю языка, кочуют из одного учебного пособия в другое.

Однако для А.А. Шахматова был характерен постоянный исследовательский поиск. Целой ряд его работ представляет сложную историю русского литературного языка, где отмечается, что под оболочкой церковнославянского языка «рано стал пробивается» исконный, на протяжении многих веков успешно с ним соперничающий, а в XVIII в. литературный язык **оставался** (!) «в основе своей народным» и, «не покидая народной почвы», обогащается заимствованиями, в том числе и церковнославянскими.

Таким образом, судьбы «родоначальника» и русского литературного языка различны, при этом подчёркивается исконность литературного языка и до его формирования в единый язык и после, несмотря на возможные периоды, например в XVII в., искусственного обновления южнославянской стихии, «которою был некогда окружён книжный язык, с течением времени успевший, однако, заглушить её и затереть».

Как видно, исходный тезис о южнославянском происхождении русского языка не совсем вписывается в судьбу очевидно выделенных двух языков: филологическая эрудиция и чуткость А.А. Шахматова обуславливает противоречивость в описании и начал литературного языка, и степени сближения «народных» и «церковнославянских» элементов, а также специфики и времени «заглушения и затирания» южнославянской стихии, что, в частности, блестяще и со всей убедительностью было им показано в реконструкции древнейших летописных сводов.

А.В. Бондарко

*Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

Соотношение «грамматические – психологические категории» в истолковании А.А. Шахматова и современные исследования в сфере функциональной грамматики

1. В истории вопроса о соотношении грамматических значений и семантических категорий, а также в современной разработке этой проблемы важную роль играет синтаксическая концепция А. А. Шахматова. Эта концепция отличается глубоким истолкованием грамматических категорий и единиц в их связях с категориями мышления. Предполагается возможность анализа, проводимого в направлении от мыслительно-психологического процесса коммуникации к построению предложения, от семантических категорий к различным способам их языкового выражения.

2. Развиваемая А. А. Шахматовым теория включает признание семантического основания грамматических категорий. Обращается внимание на переходы от мыслительных психологических процессов к их языковому воплощению. Ср., в частности, следующий фрагмент из опубликованной в 1941 г. книги «Синтаксис русского языка»: «...из сложных комплексов, возникших в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это дает возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове» (с. 20). Мыслительно-психологическое понятие коммуникации и ее членов (субъекта и предиката) соотносится со значениями грамматических форм. Отмечается «тесная, внутренняя связь между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями» (с. 23). В обсуждаемой концепции представлено расширенное понимание состава грамматических категорий и средств их выражения: «Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтаксически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность,

единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность» (с. 436).

Теоретические суждения А.А. Шахматова (а также концепции Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.М. Пешковского, О. Есперсена и ряда других ученых) в полной мере учитывались при формировании разрабатываемой нами теории функциональной грамматики.

3. В системе анализа языкового представления семантических категорий в полной мере проявляется необходимость дифференцировать и соотносить элементы, связанные с понятиями «значение» и «смысл». Обращается внимание на то, что смысл (в отличие от значения) представляет собой содержание, не связанное лишь с определенными формами в данном языке. Это понятие включает то общее, что объединяет синонимичные высказывания и лежит в основе межъязыковых сопоставлений. Учитывается смысловая релевантность грамматических значений, возможность проявлений их связи с намерениями говорящего (пишущего). Разграничение языковых значений и передаваемого (а также воспринимаемого) смысла сочетается с особым вниманием к взаимосвязям этих аспектов выражаемой семантики.

4. При рассмотрении семантического содержания в сфере функциональной грамматики важную роль играют элементы системного анализа. Имеются в виду такие вопросы, как взаимодействие системы и среды, оппозиции и неоппозитивные различия, структурные типы языковых значений.

5. Семантические категории, с одной стороны, трактуются в связи с отражением внеязыковых субстанций, свойств и отношений, а с другой — при потенциальной и реализующейся опоре на всю совокупность возможных средств их выражения. Учитывается тот факт, что отношения между семантическими категориями как элементами смыслов, которые нужно выразить, и языковыми значениями постоянно актуализируются в конкретных высказываниях.

6. При анализе смысловой основы семантического содержания и его интерпретационного компонента выявляется соотношение универсальности и идиотничности. Интерпретацион-

ный компонент в его конкретных реализациях отражает специфику структуры того или иного языка и действующих в нем правил функционирования лексических и грамматических единиц.

7. Комплекс факторов, обуславливающих различные аспекты языковой интерпретации смыслового содержания, включает ряд компонентов: а) избирательность языковых значений по отношению к признакам обозначаемых явлений; так, разные языки по-разному «избирают» те или иные признаки в характере протекания действия во времени для определенных типов формального выражения: значения реального и потенциального предела, значения длительности, итеративности, начинательности и т. п., причем далеко не все признаки реальных действий оказываются «избранными»; б) избыточность значений; речь идет в особенности об избыточности, связанной с облигаторностью грамматических категорий в языках флективно-синтетического типа; в) возможность дискретного и недискретного выражения элементов смыслового содержания (ср. *Не могу понять* и *Не пойму*); г) соотношение эксплицитности и имплицитности (ср. выражение отнесенности действия к будущему времени специальными глагольными формами в высказываниях типа *Я буду читать* и вытекающую из категориального значения императива футуральную перспективу в семантике высказываний типа *Читайте!*); д) возможность различий в распределении того, что выражается специальными грамматическими средствами, и того, что приходится на долю лексики, контекста и речевой ситуации (ср. способы представления предельности / неопределенности действия в языках, характеризующихся различной степенью грамматикализации аспектуальных отношений).

8. В распоряжении говорящих и пишущих находятся сложившиеся системы форм и конструкций вместе с определенными способами представления смыслового содержания. Историческая обусловленность языковой интерпретации смыслового содержания сочетается с существующей в речевой деятельности носителей данного языка возможностью выбора того или иного способа представления смысла формирующегося высказывания.

Н.В. Бубнова

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооружённых Сил Российской Федерации
имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Россия, г. Смоленск*

**Учебный лингвокраеведческий словарь
имён собственных как особый тип
современного ономастического словаря**

На фоне приоритетного внимания лексикографии к терминологической и общеупотребительной лексике особенно заметно, что имена собственные недостаточно отражены в словарях. В работе «История русской лексикографии» представлен подробный анализ русских лексикографических источников XI–XX веков и сделан вывод о том, что собственные имена в целом «остались за пределами словарей». Следует отметить, что в «Словаре русского языка» Грота–Шахматова имена собственные частично включены. А.А. Шахматов с этой категорией лексики связывал свои представления о творческих потенциях национального языка, перспективах его развития и возможностях их отражения в процессе лексикографического описания языковых фактов.

В современной лингвистике круг имён, подвергшихся лексикографической фиксации, заметно расширяется: появляются словари, в которых имя рассматривается как своего рода «культурный знак». Имя собственное является носителем разноплановой информации, овладение которой можно рассматривать как продуктивный способ приобретения знаний. Из этого следует признать необходимым лексикографическое отражение ономастической лексики, особенно при описании языка, ориентированном на учебные цели.

Особым типом ономастических словарей можно считать *учебный лингвокраеведческий словарь имён собственных*. Разноплановая лингвокультурологическая информация, носителем которой является имя собственное, может относиться к одному из трёх уровней: *общечеловеческому, общенациональному, регио-*

нальному. При этом региональные онимы по причине своей непосредственной близости могут иметь большее значение для формирования конкретной языковой личности, чем имена собственные более высокого уровня. Такая постановка вопроса, ориентированная, помимо прочего, на изучение воспитательного потенциала русского языка, усиливает актуальность лексикографического описания фоновых знаний, заключённых в ономастике определённого региона.

Основу для определения состава словника разрабатываемого нами ономастического словаря Смоленского края составляют объективные показатели значимости имени собственного, т.е. включённость онима в состав региональных фоновых знаний смолян и частотность имени: данные показатели выявлены нами методом масштабного ассоциативного эксперимента и зафиксированы в Базе данных (1212 онимов, 13471 употребление). Особенностью структуры словарной статьи является выделение в ней нескольких словарных зон: зоны предметных сведений, зоны языковых сведений и зоны дополнительных сведений.

Подобный словарь может стать частью серии лингвокраеведческих словарей, предоставляющих объективный материал для достоверного описания общенационального ономастического пространства.

А.А. Бурыкин
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Мог ли переводчик «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» написать «Слово о полку Игореве»? (к сравнительному изучению лексики древнерусских памятников конца XII века)

Настоящая работа основывается на гипотезе о том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» – тех самых повестей, тексты которых находились в Мусин-Пушкинском сборнике, в котором было найдено «Слово». Автор данной работы высказал эту гипотезу во второй половине 1980-х годов, заметив, что словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются во всех четырех названных выше памятниках. Рассуждения скептиков (из которых значимой фигурой является только А.А. Зимин), согласно которым сходства в составе «Слова» и трех указанных повестей объясняются тем, что составитель «Слова» XVIII века пользовался указанными текстами для написания «Слова», лишены смысла – кстати, «Слово» уникально отсутствием мотивов смерти, столь типичных для русской воинской ментальности и присущих иным воинским повестям.

Для сопоставления были выбраны три текста «Слово о князьях», «Сказание о князьях Владимирских», и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» как произведения, соответствующие хотя бы в общих чертах «Слову» по тематике и жанру. Это позволит выделить в сравниваемых текстах ожидаемо общие элементы, обусловленные жанром и темой, и дифференцирующие элементы, в частности, здесь появятся отдельные слова и целые тематические группы, по тем или иным причинам отсутствующие в «Слове» или интересующей нас группе памятников. Яркий пример - в «Девгениевом деянии» есть слово *гусли*, а в повести об Акире – *гудец*, слово, которым автор «Задонщины» назвал Бояна – но ни того, ни другого нет в «Слове» даже при ме-

тафоризованном описании игры на гусях: таков авторский замысел оригинального текста.

Материал классифицируется следующим образом:

1) Совпадения лексики «Слова» и трех или двух памятников при отсутствии их в других текстах: *Ведати, гнездо, гора, девица, мыслити, поведати,птици, река, след, сребреньи, стар, творити, трава, чръленыи, ездити.*

2) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Повести об Акире»: *Беда, велми, веселие, вино, вода, волк, вступати, вежа, година, голова, дань, день, жесток, забыти, здрав, знаем, искусити, летети, лжа, метати, минути, мыслити, обед, одети, орел, печаль, плавати, побегоша, ползти, помянути, полетети, порох (с реинтерпретацией в СПИ), послушати, потечи, похоть, привести, проливати, ратаи, ратный, ржати, рог, рядити, сведати, стрела, утро, хула, черный, чюж.*

3) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Девгениева деяния»: *Бежати, битися, величие, вергнути, враны, вскочити, заднии, зверин, знаменье, издаличе, красный, крыло, летати, лисицы, милый, молния, обычей, поехти, пожрети, , плакати, покрыти, похитити приклонити, пудити, песнь, рыкати, седло, седлати, сидети, скочити, сабля, сапоги, сваты, сокол, сон, струна, темно. тьма, успе, хитр, хотети, христиане. худ, часто, человеческий,*

4) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Сказания об Индийском царстве»: *воскочити, гора, дуб, дети, емлють, искати, каменный, море, погаснути, столп, створити, устье.*

5) Лексические раритеты «Слова» и «Повести об Акире»: *бебер, вверже, всплакаться , въстонати, глядати, изронити, подкнутися, рядить.*

6) Лексические раритеты «Слова» и «Девгениева деяния»: *вскормити, златокванный, кмети, кожух, паволока, похытити, сабля, стрежаху.*

7) Лексические раритеты «Слова» и «Сказания об Индийском царстве»: *емлють, король, погаснути, свивати.*

8) Совпадения в лексике всех сравниваемых памятников, не имеющие доказательности: *Брат, братия, великий, видети,*

власть, вои, время, глаголати, глас, господин, един, живот, земля, златъ, злато, князь, мног, небо, нести, ночь, отец, очи, речи, святой, слава, слово, солнце, сын, человек, честь.

Предварительные выводы. Произведения, вошедшие в Мусин-Пушкинский сборник, имеют ряд общих черт не только среди редких слов, но и в фоновом лексическом массиве. Наряду с лексикой, общей для воинских повестей второй половины XII века, в них имеется довольно много специфических лексем, как мы полагаем, характеризующих ментальный лексикон и художественную картину мира автора и переводчика. В свете наблюдаемых соответствий лексики гипотеза о том, что «Слово» может принадлежать переводчику «Повести об Акире», «Девгениева Деяния» и «Сказания об Индийском царстве» выглядит вполне убедительной. Интригующими выглядят совпадения лексики «Слова» и «Повести об убиении Андрея Боголюбского»: *Вскладати, ветрило, глядати, дружина, златоверхий, мужество, оксамит, паволока, плакаться, пригвоздити, поткнутися, сабля, узорочье* – что, как представляется, закономерно при общности языковой основы памятников XII века и расширении круга текстов, привлекаемых к исследованию проблемы.

К.Р. Ваганова

Московский государственный областной университет
Россия, г. Москва

**Идеи А.А. Шахматова в аспекте изучения системы
розыскного делового языка XVIII века**

Изучение парадигмы розыскного делового языка XVIII века занимает важное место в определении направлений развития и функционирования системы русского литературного языка этого же периода. Обособление единой функционально-прагматической и лексико-семантической базы данного подстиля официально-делового стиля произошло столетие назад, было обусловлено рядом экстралингвистических факторов: усиление основ кабального холопства, ссылка на Урал и в Сибирь для освоения их территориального пространства, тяжёлые социальные условия жизни крестьян, солдат и иных менее защищённых слоёв населения.

Обращение к документам регионального розыскного делопроизводства необходимо для репрезентации картины становления русского литературного языка не только в данную историческую эпоху, но и на современном этапе. В этом случае верным нам кажется замечание А.А. Шахматова о введении в методологических целях принципа историзма: описание фактов языка статистическими и синхронными способами возможно, но не даёт их объяснения в полной мере.

Проиллюстрируем данное утверждение на конкретном примере. Так, именно в XVIII веке региональные деловые бумаги розыскного типа начали эксплицировать смену синтаксических конструкций при описании внешности беглого ссыльного: *волосомъ русь – волосы русы – волосы русые*. Изначально типичной для памятников письменности Западной и Восточной Сибири этого типа была атрибутивно-субстантивная модель терминологического типа, используемая составителями розыскного документа XVI–XVII вв. для парадигмизации ‘цвета кожи и волос’ и ‘особенностей телосложения’ – *волосомъ русь, волосомъ белъ*. В XVIII веке формы множественного числа – *волосы русы, глаза*

серы – фиксируют уже факт трансформации в самостоятельный языковой элемент описательных номинаций (ср.: в XIX веке будет доминировать форма *волосы русые*).

Таким образом, изучение явлений розыскного делового языка в диахронической перспективе, безусловно, необходимо в силу малоизученности этой системы. До сих пор не существует многомерного исследования, в котором бы освящались все вопросы, связанные с этапами его становления, развития и функционирования в том или ином регионе, начиная с XVII века. И поэтому именно научно-историческое описание «берёт язык во всём его целом; <...> открывает внутреннюю связь между явлениями в их последовательности и приходит таким образом к определению причин тех или иных изменений языка, законов, ими управляющих» (А.А. Шахматов. Курс истории русского языка. Ч. 1. СПб., 1910. С. 8). Следовательно, идеи А.А. Шахматова относительно особого подхода к проблемам языковой связанности и временной определённости остаются актуальными и на современном этапе языкознания при изучении ранее не исследованных памятников деловой письменности.

Н.Л. Васильев

*Мордовский государственный университет
Россия, г. Саранск*

Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии

С именем А.А. Шахматова связывается разработка «Словаря русского языка» тезаурусного типа: «...Академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее словарь должен содержать... надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ... в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени...» (Несколько слов по поводу записки И.Х. Пахмана <«План нового академического словаря с точки зрения иноязычного»> // Сб. ОРЯС. Т. 67. № 1. СПб., 1899. С. 33). И хотя данная идея не была воплощена, имела немало критиков, опора лексикографов на писательское словоупотребление не оспаривается. В этом плане чрезвычайно важны словари языка классиков, активная подготовка которых была инициирована выходом в свет «Словаря языка Пушкина».

Среди изданий такого рода можно назвать, в частности, словари языка М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, А.И. Полежаева, А.А. Дельвига, Ф.И. Тютчева, Н.П. Огарева, Н.М. Языкова, а также подготавливаемые новые лексикографические справочники (Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов и др.), дополняющие фактическим материалом существующие словарные картотеки и «электронные» базы данных.

Словари писателей позволяют выявлять редкие лексемы, их значения, учитывать системное использование тех или иных слов (например, поэтами «пушкинской плеяды»), проводить грань между окказиональным и узуальным, принимать во внимание диалектические переходы между этими явлениями в виде корпоративного (группового) писательского «жаргона» и т. д.

Приведем некоторые примеры. Пушкин однократно употребляет слово *двуххолмистый* (Новые материалы к словарю А.С. Пушкина. М., 1982. С. 61), воспринимающееся как окказиона-

лизм или потенциальная лексема. Между тем оно встречается в ф. *двухолмистый* еще у Державина («Любителю художеств», 1791), а в варианте *двухолмный* – в прозе Грибоедова (см.: БАС 1954). Дельвиг и Пушкин используют лексему *смех* в значении ‘боги радости и веселья в античной мифологии; символ радости, веселья [мн. ч.]’ (Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 213): «...Хор **смехов** и харит в приют певца слетится...» (Дельвиг. К А.С. Пушкину, 1816 или 1817); «...Из круга **смехов** и харит / Уж время скрыться мне велит...» (Пушкин. Стансы (из Вольтера), 1817). Сходное значение слова обнаруживается у того же Державина, напр.: «...вкруг вас радости и **смехи**...» («Капнисту», 1797); «...Неги, радости и **смехи** / Плетеницы из цветов на героев налагают...» («Аспазии», 1809). В поэзии Полежаева отмечен фразеологизированный диалектизм (?) *трембрень* («...Вздор, **трембрень** такой городит»), отсутствующий в известных нам словарях.

Словари языка писателей не только стимулируют разнообразные филологические исследования, но и могут быть использованы при подготовке «Словаря русского языка XIX века», составлении академических толковых словарей.

В.Г. Вовина-Лебедева

*Санкт-Петербургский институт истории РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

А.А. Шахматов и Ф.Ф. Фортунатов

В докладе проанализирована переписка А.А. Шахматова с его учителем Ф.Ф. Фортунатовым, хранящаяся в СПФ АРАН (машинописные копии части писем хранятся в фонде Б.И. и С.А. Коплан в ОР РНБ). Внимание сосредоточено на начальном периоде переписки, относящейся ко времени 1891–1894 гг., когда А.А. Шахматов сомневался в целесообразности продолжение научной карьеры в Москве, отказался оставаться для написания диссертации в Университете и сосредоточился на работе в деревне (в родной ему Саратовской губернии, где находилось поместье Шахматовых) как земский начальник.

Безусловно, это было связано с глубоким внутренним убеждением А.А. Шахматова в том, что интеллигенция должна активно включиться в дело помощи народу и дело строительства России. Эти идеи привели его позднее, как известно, в партию кадетов. В письмах этого периода, адресованных Фортунатову, Шахматов признается в том, что он сильно привязался к крестьянам, делами которых он ведал, «полюбил их», почувствовал себя полезным. А это желание – быть полезным другим людям, как он сам писал в одном из писем, вообще было ему глубоко свойственно. И вся переписка Шахматова (огромная по размеру) говорит о том, что он никогда не отказывался помогать тем, кто к нему обращался. И это не зависело от того, хорошо или плохо он знал человека, был ли этот человек известным ученым или начинающим исследователем, и были ли они согласны друг с другом по научным вопросам. Он, кажется, даже с особенным усердием помогал печатать те статьи, которые содержали его критику. Например, в его переписке с С.А. Бугославским обсуждается просьба последнего напечатать в Трудах ОРЯС статью Бугославского, направленную против Шахматова.

В тех письмах Шахматову Фортунатову, о которых идет речь, еще видна и удивительно сильная и искренняя любовь к

народу и России. Например, Шахматов обсуждал с Фортунатовым возможность получить место (в перспективе) в Варшавском университете, но собирался отказаться именно потому, что ему не хотелось уезжать из России. Тут была и прагматическая задача – Шахматов объяснял Фортунатову, что чувствует невозможным изучать русский язык, историю языка, не зная русского народа, который думал ближе понять, занимаясь решением его дел, деятельной помощью ему. Он рассматривал это как «командировку внутрь России», вместо традиционной командировки в Европу.

Очевидно, это осталось с ним на всю жизнь, хотя он в итоге понял, что желание работать в науке в нем пересиливает стремление к общественному поприщу. Шахматов уехал из деревни, связав жизнь затем с Академией наук и Университетом в Петербурге. Но в предсмертном письме дочери он сокрушался о том, что, как ему казалось, жил не достаточно гармонично, жил больше умственной жизнью в ущерб «деятельной любви».

Что касается писем Ф.Ф. Фортунатова, то он старался любыми средствами вытащить своего ученика из деревни, не потому, разумеется, что это (лермонтовским языком) было отъездом «в глушь, в Саратов!», но потому, что был убежден, что дело жизни Шахматова – научная и преподавательская деятельность. Фортунатов пытался беречь чувства любви и благодарности, которые, он знал это, испытывал к нему Шахматов. Шахматов, как известно, рано осиротел. К Фортунатову он относился как к отцу, видно, что заботу о себе со стороны Фортунатова и его жены чрезвычайно ценил. И тот писал: пусть даже Вы сейчас не уверены, что нужно бросить деревню и ехать в Москву принимать место в Университете, но сделайте это для меня, осчастливьте меня, я всегда жил мечтой о том, что Вы будете преподавателем Московского университета и займете потом мое место! Такие эмоциональные обращения даже странно читать на фоне других, более сдержанных писем, написанных в академической манере. Видимо, Фортунатов был уверен, что на самом деле тут интересы Шахматова и его собственные не расходятся. Хотя он, в общем, уважительно расспрашивал Шахматова о делах на его участке, но по всему видно, что считал весь «деревенский проект» Шахматова если не блажью, то самообманом.

Можно понять, как трудно было Шахматову отказывать в этом вопросе своему учителю. И у нас есть чрезвычайно длинное и трогательное письмо, где очень много раз повторяется личное обращение, как заклинание «Филипп Федорович!», где Шахматов признается в любви и уважении к Фортунатову, зародившихся в нем еще гимназистом. Тем ценнее его твердость, когда он писал, что не может пойти навстречу своим стремлениям к научной работе и горячему стремлению сделать так, чтобы Фортунатов был им доволен, поскольку пока не убежден, что он выполнил то, что должен сделать на своем поприще земского начальника. Он писал, что он не может бросить работу, только что начатую, которая ему была по душе и пр. Шахматов надеялся, что, отбив год в земских начальниках, сможет преодолеть эту «раздвоенность интересов», которую наблюдал в себе.

Что касается научных сюжетов, о которых идет речь в письмах, то это, в основном, наблюдения А.А. Шахматова (разрозненные) о различных вариантах славянских языковых форм, которые он выявлял в рукописях, а также в диалектологических материалах.

М.Д. Воейкова
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Субстантивированные прилагательные в современном русском языке

В грамматической концепции А.А. Шахматова нашлось место конкретным частным вопросам русской морфологии, которые он решал с функциональных позиций, учитывая особенности современного ему уровня развития русского языка и психолингвистические аспекты речепорождения. Именно поэтому ему удалось создать насыщенное и емкое нетривиальное описание. Существенным элементом этого описания являются наблюдения за функционированием различных частей речи. Так, о субстантивированных прилагательных он пишет, что в мужском роде они «в подавляющем большинстве случаев означают лицо мужского полу» (Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., Учпедгиз, 1941. С. 455), обращая внимание на то, что большинство из них является одушевленными. В примерах, приводимых А.А. Шахматовым, находим редкие слово- и формоупотребления, ср.: *И разумеется, больше говорил с дочерью, чем с управляющим и управляющей* (Чернышевский) (Там же. С. 450). В современном языке образование женского коррелята от субстантивированного причастия не представляется нейтральным.

Эти и другие наблюдения, касающиеся современного статуса субстантивированных прилагательных нуждаются в современной интерпретации, так как можно предположить, что их набор и статус в языке мог значительно измениться. Можно ожидать появления новых групп, особенно с учетом различных речевых регистров и стилистических особенностей. С одной стороны, за последнее столетие язык обогатился новыми существительными. Так, в научном стиле субстантиваты ж.р. образуют четко выделяемую группу со значением «величина», «линия» и т.д., ср. *постоянная, переменная, прямая, кривая, ломаная*. С другой стороны, многие субстантиваты были утрачены, например, те, которые образовались на базе определений к слову *грамота* (*духов-*

ная, отступная, купчая, мировая). Очевидно, что в этой области необходима ревизия.

В докладе русские субстантивные дериваты также рассматриваются с функциональной точки зрения: вслед за С.И. Богдановым и Ю.Б. Смирновым (Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация. СПб., 2004) мы различаем полную (узуюальную), окказиональную и эллиптическую субстантивацию. С этой точки зрения, перечисленные выше субстантиваты научного стиля речи относятся к разряду эллиптических, по-видимому, наиболее подверженных воздействию исторических изменений вследствие общей неустойчивости биграмм в строе языка. Эллиптические субстантиваты характерны не только для функциональных стилей, но и для профессиональных жаргонов, ср. такие образования как *балетные, коверный, комбезные* (из жаргона автостопщиков) и т.д. Окказиональная субстантивация в современном языке связана с контекстными условиями: например, глаголы определенных семантических групп могут быть более или менее склонны к присоединению субстантиватов, ср. *Я люблю белое, ему запрещено соленое*. Для таких субстантиватов характерна форма ср. рода. Так, *белое* в приведенном примере может относиться к пропущенному слову *вино*, а может обобщенно указывать на цвет одежды или отделки интерьера. В последнем случае условно восстанавливается пропущенное местоимение *всё*, лицензирующее ср.р. Таким образом, заданные А.А. Шахматовым параметры функционального анализа на многие годы определили современные тенденции в исследовании субстантиватов в русском и других языках.

С.С. Волков
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

А.А. Шахматов и проблемы авторской лексикографии

1. Призыв А.А. Шахматова расширить эмпирическую базу «Словаря русского языка» за счет фактов живого повседневного языка, явлений живой народной речи, и связанное с этим новаторское понимание им языковой нормы не означали полного отказа от исследования фактов словоупотребления «наилучших» носителей русского языка (*à la bon usage* К.Ф. де Вожла): русских писателей и поэтов, ученых, деятелей культуры. Как известно, для совершенствования эмпирической базы «Словаря» он предложил сделать сплошную выборку из текстов русских литераторов первого разряда, и выборочную – из текстов писателей второго «разряда», причем интерес представляет не столько сама идея стратификации источников, сколько персональный состав этих групп. Кроме этого, идея создания «цитатных» словарей писателей т.е. лемматизированных конкордансов была, несомненно, первым шагом в оформлении в русской лексикографии такого направления, как авторская лексикография (см. Шестакова 2011: 148).

2. Формулируя замысел «цитатных» авторских словарей для расширения эмпирической базы «Словаря русского языка» А.А. Шахматов, возможно, интериоризировал модель имевшегося в его распоряжении рукописного словаря текстов М.В. Ломоносова, подготовленного адъюнктом ОРЯС Академии наук Н.А. Смирновым в конце 80-х гг. Рукопись содержит не только лемматизированный конкорданс, но и материалы исследовательского характера: раздел «Особенности ломоносовского языка» (в который составитель, в частности, включил риторические термины *аллегория*, *автономазия*, *катахрисис* и др.), и раздел «Образные выражения» (*мгла страстей*, *мысленное зрение*, *дщерь весны*) и пр.

3. В апреле 1909 г. академик А.А. Шахматов выступил с докладом на Общем собрании Академии наук, в котором изложил свои предложения по поводу программы празднования двухсот-

летнего юбилея со дня рождения М.В. Ломоносова. Среди них содержалась идея подготовить словарь языка М.В. Ломоносова, языка «как литературного, так и научного». С одобрения акад. А.А. Шахматова за работу над словарем в 1911 году взялся И.М. Белоруссов, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1875), последователь известного русского педагога К.Н. Ушинского, в течение всей жизни работавший преподавателем русской словесности в гимназии. Пока шла работа, Шахматов и Белоруссов находились в активной переписке: эти письма – творческий научный диалог двух преданных своему делу лексикографов – сохранились в фонде Шахматова Санкт-Петербургского архива Академии наук. Словарь языка Ломоносова, благодаря рекомендациям Шахматова, приобрел много новых черт: были значительно расширены границы словника, включены не только «особенные», но и типичные словоупотребления Ломоносова, служебные слова, научная лексика (по доступным автору источникам), народные слова, имена собственные – топонимы и антропонимы, фразеология. Большое внимание уделялось тщательному описанию семантики заголовочных слов (resp. *семантизму* Шахматова). В 1914 году была завершена работа над словарными статьями на букву «П», эти материалы получили благожелательный отзыв Д.К. Зеленина и премию в 1000 рублей, что было по тем временам немалыми деньгами. К большому сожалению, проект не был закончен: Октябрьский переворот и гражданская война не дали возможности завершить и опубликовать словарь. Фрагменты архива И.М. Белоруссова были переданы его наследниками в Словарную комиссию Отделения литературы и языка АН СССР только в 1928 г. В настоящее время небольшая часть чудом сохранившихся материалов хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

А.В. Волынская
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Словарь особенных слов, употребляемых жителями
Архангельской губернии» П.Ф. Кузмищева 1847 г.**

Петр Федорович Кузмищев (1798–1850) – контр-адмирал, географ, кругосветный путешественник, исследователь Северного края. Окончив Санкт-Петербургский морской кадетский корпус, он служил командиром сначала на Камчатке, затем в Астраханском порту. В 1840 г. он был назначен капитаном над Архангельским портом. Где бы ни служил П.Ф. Кузмищев, везде он живо интересовался историей и культурой местного края, составлял исторические очерки и словари местных слов. Кузмищев состоял в переписке с В.И. Далем, из его писем очевиден его большой интерес к фольклору и народным говорам, к проблеме создания различных словарей.

В 1847 г. в Архангельских губернских ведомостях (Часть неоф. №№ 2-28) был опубликован «Словарь особенных слов, употребляемых жителями Архангельской губернии и мореходами на Белом море и Северном океане», собранный П.Ф. Кузмищевым за годы его службы в Архангельском порту.

Словарь состоит из более чем тысячи словарных статей, многие из которых включают по несколько лексических единиц, а также устойчивые сочетания. К Словарю было выпущено Дополнение (Архангельские губернские ведомости, 1849) их 224 словарных статей.

Словарь предваряется пространными «Замечаниями» автора, в которых он пишет о разнообразии русской народной речи, о «причинах особенностей в губернских наречиях и в новых словах», выделяя группы местных слов, вошедшие в Словарь, а также дает обзор «некоторых особенностей и отмен от общих правил Русской Грамматики» в поморских говорах.

В своем предисловии Кузмищев впервые отмечает наличие в архангельском наречии слов (прежде всего топонимов), оставленных на этой земле «племенами Финского происхожде-

ния». Далее автор пишет о присутствии в говоре Архангельской губернии большого количества узких диалектизмов, употребляемых жителями только одного или двух уездов. Ценно замечание Кузмищева о «великом сходстве» с сибирским наречием, он связывает это с постепенным освоением Сибири поморами, идущим с древних времен. Те лексемы, которые отмечаются в сибирских говорах, автор помечает *Сибир.*, либо добавляет в конце словарной статьи «Известно и в Сибири» (например, *бурдук*, *взглавы*, *куржевина*, *постель*, *пу'рга*, *рѣкостав* и др.).

Одной из главных особенностей архангельского наречия Кузмищев считает большое количество слов, тематически связанных с морским и судоходным промыслом. Такую лексику составитель отмечает *Морск.* (например, *погудáло* 'длинный румпель на шняке', *рычáг* 'открытое море между плавучими льдами', *бу́глин* 'веревка у паруса' и др.).

Работа П.Ф. Кузмищева во многом предвосхитила труды А.А. Шахматова по диалектологии и его интерес к истории северных говоров.

Словарь Кузмищева не переиздавался и в лексикографических работах детально не описывался.

Н. Газиева

*Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана
Азербайджан, г. Баку*

Наследие А.А. Шахматова и проблема диалектной вариативности в современной диалектологии

Составление диалектологического атласа важное событие и новый этап в изучении диалектов каждого языка. Поставленные задачи по составлению карты говоров русского языка впервые были в полной мере реализованы в начале XX века Московской диалектологической комиссией под руководством академика А.А. Шахматова. А. А. Шахматов составил программу для собирания сведений по русским говорам и использовал данные диалектологии для объяснения процессов в развитии русского языка. В Азербайджане «Диалектологический атлас Азербайджанского языка» был опубликован в 1990 году. Данные, изображенные в этих картах, чётко показывают основные черты изоглосс каждого говора.

Норма литературного языка может быть охарактеризована в соответствии с выбором вариантов, возникающих в языке под воздействием различных факторов, и их кодированием. Вариативность, появляющаяся под влиянием социальных, психологических и физиологических факторов, составляя основу изменений, происходящих во всех ярусах языковой системы, определяет общее направление развития языка. Вариативность, обусловленная социальными факторами, подразумевает собрание диалектных признаков, являющихся показателем ареальных примет (здесь следует учитывать историческое формирование, миграции и исторические процессы в целом).

Воплощение фонемных вариаций в различном, многообразном и нестабильном виде рождает проблемы, решение которых на современном уровне в отношениях норма-узус представляет немалую важность.

Вариативность в фонологической системе воплощается в виде «борьбы» вариаций фонем (аллофонов), происходящей в

результате конвергенции и дивергенции в различных фонемах, связанных, в основном, с историческим развитием.

Обращает на себя внимание интересный и сложный процесс, связанный с развитием и формированием звуковой системы языка: подобно тому, как в ходе происходящих в языке закономерных процессов появляются новые качества в фонологической системе языка, так, на основе правильной, образцовой, подразумеваемой нормой речи постепенно в системе языка происходит процесс «конкретизации» и «полирования». Отклонения же от нормы становятся причиной трансформаций в фонологической системе языка.

Р.В. Гайдамашко
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**О микроареальном диалектном членении в свете идей
А.А. Шахматова: по данным «Диалектологической карты
русского языка» и современных русских говоров Верхнего
Прикамья**

Инициированная А.А. Шахматовым и составленная ровно век назад Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым «Диалектологическая карта русского языка в Европе» является наглядным отражением позиций самого А.А. Шахматова. Так, вышедшая в 1916 г. первая часть «Введения в курс истории русского языка» А.А. Шахматова, в которой подробно разъясняется генезис наречий русского языка, может рассматриваться как историко-лингвистический комментарий к карте.

Кроме всего прочего, карта примечательна тем, что отражает ареалы нерусского населения среди русского и наоборот. В исследуемом нами Верхнем Прикамье в пределах Пермской губернии на русском «фоне» выделены три островка иноязычного населения. Очевидно, островок в Камско-Косинском поречье репрезентирует территорию распространения северного наречия коми-пермяцкого языка, островок в южной части бассейна Иньвы представляет собой ареал южных коми-пермяков, а участок к северо-востоку от Соликамска показывает нам область бывшего распространения коми-язьвинского наречия.

Любопытно проследить, как изменилась лингвоэтническая ситуация в указанном регионе за прошедшее столетие. Границы распространения северных и южных коми-пермяков практически остались неизменными, в то время как ареал коми-язьвинского этноса сильно сократился. Это подтверждается материалами лингвистики (В.И. Лыткин, Р.М. Баталова, Р. Бартенс и др.), этнографии (Г.Н. Чагин, А.В. Черных и др.), а также демографической статистики: если по данным переписи 1926 г. в пределах

---

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-34-01279(а2).

бассейна камской Вишеры «пермяками» по языку (т. е. носителями коми-язьвинского наречия) записались 3163 человека, то по переписи 2002 г. таковых осталось не более 900 человек.

В докладе сравниваются данные «Диалектологической карты русского языка» с данными современных русских говоров Верхнего Прикамья, а также предпринимается попытка микроареального диалектного членения указанных говоров на материале лексики. На основе лексических данных в Верхнем Прикамье возможно выделить внутрирегиональные микроареалы, сложившиеся в результате продолжительного заселения и освоения этого региона с XV в. носителями различных русских говоров, а также последующей ассимиляции ими автохтонного финно-угорского населения.

С одной стороны, выделяются микроареалы, обусловленные «точечным» заселением относительно изолированных территорий Верхнего Прикамья крестьянскими общинами, прибывавшими из отдельных регионов Северо-Запада, Подвинья, Поморья, Вятчины.

С другой стороны, несколько смежных микроареалов внутри Верхнего Прикамья образует финно-угорский лексический субстрат. Выделяются, например, такие субстратные типы, как северо-коми-пермяцкий, южно-коми-пермяцкий, мансийский, причём последний в свою очередь чётко дифференцируется на северный и южный. В отдельных случаях видны ареалы субстратных финно-угорских диалектов и точки пересечения их изоглосс.

К.Р. Галиуллин
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань

**Пути оптимизации лингвографической деятельности:
сводные электронные фонды**

Одним из перспективных путей оптимизации лингвографической деятельности является, как показывает отечественный и зарубежный опыт, формирование и использования сводных электронных фондов, объединяющих в своем составе данные различных источников.

Большинство преимуществ машиночитаемых информационных ресурсов перед традиционными (бумажными) обусловлено широким кругом возможностей, которые предоставляют пользователю современные технологии («третья / четвертая информационная революция»). Лингвографы уже оценили «плюсы» источников подобного типа, широкие возможности их использования в словарной деятельности.

В Казанском федеральном университете формируется ряд комплексных фондов, описывающих материалы русскоязычных текстов и словарей (некоторые из этих сводов размещены на сайте «Казанский лингвографический фонд» портала КФУ – <http://www.klf.kpfu.ru>).

А. Текстолописывающие фонды:

1) Словарно-текстовый фонд «Казанский край: язык памятников XVI – XVII веков». В настоящее время фонд включает материалы 883 русскоязычных документов общим объемом более 1 068 000 словоупотреблений (грант РГНФ, проект 08-04-012146в, <http://www.klf.kpfu.ru/kazan/>);

2) Словарно-текстовый фонд «Россия и Восток: язык документов по русско-восточным отношениям XV–XVII веков». Ведется работа по созданию комплексных подфондов источников по связям России с различными восточными странами. В настоящее время интернет-версия фонда содержит материалы 254 документов, связанных с русско-индийскими отношениями XVII

века, общим объемом около 140 000 словоупотреблений (<http://www.klf.kpfu.ru/ros-vost/>);

3) Словарно-текстовый фонд «Язык русских пословиц и поговорок конца XVII–XVIII веков». Сформированы подфонды, содержащие материалы рукописных и опубликованных сборников паремий указанного периода. В настоящее время интернет-версия фонда включает материалы Сборника пословиц бывшей Петровской галереи первой четверти XVIII века (http://www.klf.kpfu.ru/parem17_18/);

4) Словарно-текстовый фонд «Язык произведений Г.Р.Державина». Сформированы подфонды, описывающие материалы писем и прозы уроженца Казанского края;

5) Словарно-текстовый комплекс «Язык русской поэзии первой половины XIX века». Сформированы подфонды поэтических текстов более 20 русских авторов указанного периода.

Б. Словареописывающие фонды:

1) Сводный фонд словарей русского языка XVIII – первой половины XIX века. Включает материалы одноязычных словарей русского языка указанного периода (САР–1, САР–2, СЦРЯ 1847 года и др.; грант РГНФ, проект 11-04-12076в; <http://www.klf.kpfu.ru/russlovar18-19/>); ведется работа по подключению материалов двуязычных словарей;

2) Сводный фонд исторических словарей русского языка. В фонде представлены электронные версии словников 28 языковых справочников;

3) Сводный фонд словарей лингвистической терминологии. Содержит материалы более 60 терминографических справочников;

4) Сводный фонд учебных словарей русского языка. Включает материалы 36 языковых справочников.

Опыт разработки и эксплуатации электронных фондов наглядно демонстрирует их большие преимущества, значительный научно-информационный потенциал, свидетельствует о колоссальных возможностях эффективного использования на различных этапах лингвографической деятельности.

Г.Х. Гилязетдинова
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань

О грамматической вариативности восточных заимствований в русском языке эпохи Московского государства

Функционирование восточных заимствований в русском языке XV–XVII вв. отмечено вариативностью, что является закономерным процессом адаптации иноязычных слов. Формальное освоение заимствованной единицы связано с генетическим родством или типологической близостью контактирующих языков. Меньшее сходство языков обуславливает глубокие изменения в заимствуемом слове с целью включения его в принимающую систему. Восточные заимствования, отличающиеся отсутствием генетического родства с заимствующим русским языком и характеризующиеся типологическими различиями, подвергаются значительной грамматической адаптации в языке-реципиенте, дифференцируясь в русском языке по грамматическому роду, что особенно важно, поскольку в языке-источнике отсутствует данная категория (прежде всего мы имеем в виду тюркские языки).

Лингвисты подчеркивают, что в заимствованных словах, как правило, отражаются основные грамматические закономерности, существующие в языке-реципиенте. Восточные слова, как и вообще все иноязычные единицы, заимствуются русским языком в своей исходной форме, лишаясь исконных способов выражения грамматических категорий. С точки зрения своего структурно-морфологического состава восточное заимствование представляет собой нечленимую единицу. В основной массе заимствования из восточных языков – это имена существительные.

Часто родовое оформление неодушевленных заимствованных существительных получает зависимость от финали слова. Так, субстантивы с финалью на гласный *-а* приобретают грамматические характеристики женского рода (*алафа* ‘награда, жалование’, ‘оброк’, *бакча* ‘огород, сад’, *лебеда* и др.), а слова с финалью на согласный – категорию мужского рода (*арбуз*, *лагун*,

майдан и др.). Существительные, относящиеся к среднему роду, – явление довольно редкое (ср. сущ. *пуло* ‘мелкая медная монета’).

Выделяется группа заимствований восточного происхождения с конечным мягким согласным в русском языке. Это слова с невыраженным морфологически родом, которые, подвергаясь влиянию системы заимствующего языка, получают финаль на мягкую согласную и употребляются как существительные либо мужского (*ревень, чекмень*), либо женского рода (*десть* ‘единица счета писчей бумаги’, *елань* ‘ровное безлесное место’, ‘равнина’, *шерть* ‘клятва’).

У некоторых восточных заимствований на мягкий согласный сохраняется родовой параллелизм на протяжении длительного времени (ср. *харч*, муж. р. и *харчь*, жен. р.).

В отличие от неодушевленных существительных, род одушевленных существительных зависит от соотношенности с полом живого существа, ср.: *абдал* ‘персидский монах’, *абыз* ‘священнослужитель у мусульман (имам, мулла)’. Характерно, что у некоторых наименований лиц мужского пола отмечается вариативность форм: *бакша* и *бакши* ‘учитель, наставник’, *тайша* и *тайчи* ‘титул у некоторых местных народов Сибири’.

Вариантные формы существительных, относящихся к женскому роду и обозначающих лицо женского пола, немногочисленны (*катуна / катуня* ‘женщина; хозяйка, госпожа’). Ср. также отмеченные в памятниках Сибири XVII века варианты заимствования *катун / катуня* для обозначения титула в феодальной Монголии.

Л.А. Глинкина

*Челябинский государственный педагогический университет
Россия, г. Челябинск*

Грамматическое учение академика А.А. Шахматова и современная лингвистика о субстантивации

Впервые в лингвистической традиции академик А.А. Шахматов дал обстоятельное описание субстантивации как сложного и многомерного динамического процесса. Оно строится на основе его оригинальной грамматической концепции о содержании, объеме, грамматических значениях и формах в морфологии и синтаксисе, о частях речи как о явлении прежде всего синтаксическом, а не морфологическом. Отдавая синтаксису первенство в иерархии языковых уровней по значимости в системе языка, ученый классифицирует субстантиваты разной структуры в синтаксической позиции существительного как «выразителя независимого представления». Несмотря на широкие границы этого критерия, а также по оценке В. Виноградова, «неопределенность и неясность в понимании системы грамматических форм у разных частей речи», в практическом анализе А.А. Шахматов «показывал тесное взаимодействие морфологии с синтаксисом, с одной стороны, со словообразованием, с другой, с семасиологией и лексикологией, с третьей». Такой интегративный, или комплексный, подход стал перспективным в современной русистике.

Наиболее полно А.А. Шахматовым описана субстантивация прилагательных, которые при функционировании в роли существительного получили статус «независимого представления» (= предметности), потеряли категориальное значение призначности, закрепились в одной родовой форме и сохранили адъективное склонение. При этом выделились определенные ономастиологические блоки в сочетании с грамматическими формами рода и числа, например, для обозначения податей и поборов – форма ср. рода ед.ч.: *подушное, выводное*, для обозначения лица мужского пола – форма муж. р. – *городовой, половой* и др.

В современной русистике субстантивация рассматривается как одна из разновидностей морфолого-синтаксического спо-

соба словообразования в одном ряду с адъективацией, адвербиализацией, прономинализацией, конъюнктивацией и др. Названные типы переходности частей речи объединяет то, что «деривационное значение в производном выражается с помощью специфического преобразования парадигмы словоизменения производящего» (Е.А. Земская).

Опыт сочетания функционального, семантико-грамматического и словообразовательного подходов, реализованный А.А. Шахматовым при анализе субстантивации, стал одним из основных векторов развития грамматической теории и словообразования как самостоятельного объекта научного изучения. Отдельные замечания и наблюдения историко-лингвистического плана дали толчок новым исследованиям субстантивации в синхронно-диахронном (В.В. Лопатин, В.Л. Георгиева, Л.А. Глинкина) и в стилистическом аспектах. Так, были выявлены продуктивные и устаревшие модели переходности в современной живой разговорной речи (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев) и в некоторых профессиональных жаргонах (И.М. Полякова).

Развивая продуктивные идеи одного из русских классиков языкознания, современная лингвистика:

- расширила материальную базу субстантивации при сравнительно-сопоставительном, сравнительно-историческом изучении;
- приняла шахматовскую методику функционального и комплексного семантико-грамматического анализа субстантивации как одну из самых перспективных;
- определила современный статус переходности в рамках словообразования;
- наметила ряд новых направлений исследования частеречной переходности в аспекте языковой эволюции.

А.М. Григораиш
Национальный педагогический университет
им. М.П. Драгоманова
Украина, г. Киев

**Словарь индивидуально-авторской интерпретации
устойчивых сочетаний-названий классических
и современных литературных произведений (на материале
газетных заголовков в русскоязычной прессе Украины):
состав и структура**

В «Словаре» на обширном фактическом материале прослеживаются все виды окказионального употребления прецедентных названий, многие из которых стали принадлежностью фразеологии («Мертвые души», «Герой нашего времени» и т.д.), как на внутрифразеологическом уровне (приемы лексические, словообразовательные, формообразующие, синтаксические, так и на уровне контекстном (без изменения их семантики и с изменением последней). Рассматриваются синтезированные, комбинированные, комплексные приемы индивидуально-авторской интерпретации устойчивых сочетаний-названий классической и современных литературных произведений, функционирующих в современной русскоязычной прессе Украины в качестве газетных заголовков. «Словарь» охватывает временной период с 1991 года XX века до настоящего времени, то есть в определенном смысле его иллюстративный материал отражает историю развития Украины как самостоятельного государства.

Одно и то же заглавие литературного произведения предполагает бесконечное множество индивидуально-авторских интерпретаций (в данном случае – на лексическом уровне): «*Блеск и нищета лесного королевства*»; «*Блеск и нищета новостей*»; «*Блеск и нищета рейтинга*»; «*Блеск и нищета столичных тротуаров*» (О. де Бальзак), «*Блеск и нищета куртизанок*»). Каждый окказиональный заголовок снабжен газетным контекстом, обосновывающим, почему газетный материал назван именно так, а не иначе.

Структура «Словаря» обусловлена его содержанием: в начале приводится заглавие литературного произведения в его первоначальном виде, а затем по мере усложнения индивидуально-авторских приемов его преобразования приводятся видоизмененные варианты. В каждом отдельном случае фиксируются приемы окказионального употребления заглавий литературных произведений.

Пример словарной статьи:

«Отцы и дети» (И. С. Тургенев).

*«А сейчас выбирайте, что вы можете сделать, чтобы наладить отношения с детьми? Конечно, обидно, что не побывали на свадьбе, но будут и другие не менее яркие события и семейные торжества, в которых вы примете непосредственное участие» («Петровна», № 28 (659), 10.07.07, с. 3). **Заглавие литературного произведения в первоначальном виде.***

«Дети и отец». *«В некоторых организациях существует своеобразная «дедовщина»: на недавно пришедших коллег сваливают самые неприятные дела. Если вы чувствуете, что вами помыкают сослуживцы, - выполняйте только поручения шефа. Всем остальным говорите вежливое: «Нет, не могу!» или «Я занят своим делом!» («Известия – Украина», № 129 (26446), 23.07.03, с. 12). **Синтезированные приемы: изменение числа одного из базовых компонентов устойчивого выражения с множественного на единственное + инверсия компонентов.***

С.А. Громыко
Вологодский государственный университет
Россия, г. Вологда

**А.А. Шахматов – политический оратор (об одной речи,
произнесенной в Государственном совете)**

О политических взглядах и общественно-политической деятельности А.А. Шахматова на сегодняшний день собраны и проанализированы интересные материалы различного характера от личной переписки и мемуаров до стенограмм официальных заседаний. Институциональная политическая деятельность ученого была связана с созывом обновленного Государственного совета Российской империи в 1906 году. Государственный совет стал верхней палатой российского парламента, смог участвовать в законотворческой деятельности наравне с Государственной думой, получив право законодательной инициативы.

В этом же году А.А. Шахматов стал членом конституционно-демократической партии и ее петербургского городского комитета, а затем кооптирован в ее центральный комитет. 27 апреля 1906 года он был избран членом Государственного совета от Императорской Академии наук и университетов. В Государственном совете Шахматов вместе с В.И. Вернадским и другими известными учеными входит в состав так называемой «левой группы» (объединения наиболее либеральных членов верхней палаты). Однако уже 9 июля 1906 года Шахматов отказывается от звания члена Государственного совета в знак протеста против роспуска Первой Государственной думы.

За три с небольшим месяца своей институциональной политической деятельности А.А. Шахматов произнес всего одну развернутую речь в ходе дискуссии о проекте ответного адреса императору. Однако эта речь дает представление не только о политических взглядах ученого, но и о риторическом идеале, которого придерживался Шахматов. В первую очередь обращает на себя внимание логичность, четкость и стройность выступления. Тезис, который выдвигает оратор, – необходимость включения в ответный адрес ходатайства о полной политической амнистии –

подкрепляется несколькими рациональными аргументами, что выгодно отличает выступление от речей других членов Государственного совета в этой же дискуссии. В то же время выступление Шахматова нельзя назвать сухим и слишком строгим: эмоциональное ядро речи составляют пять идущих подряд риторических вопросов. Это свидетельствует о том, что оратор грамотно использует аргументы к пафосу как способ воздействия на аудиторию. В речи Шахматова частотны повторы и анафоры, что делает выступление легким для восприятия. Речь ученого вызвала раздражение со стороны консервативной части Государственного совета, некоторые члены попытались публично осудить Шахматова за чтение речи по листку, хотя в нормативных актах Государственного совета на тот момент на это не было прямого запрета. В целом необходимо отметить, что основу политической ораторской практики Шахматова составляло академическое красноречие, усиленное некоторыми фигурами речи, придававшими выступлению эмоциональную насыщенность.

И.М. Гурбанова

*Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана
Азербайджан, г. Баку*

Актуальность концепции Шахматова в изучении фонетических особенностей азербайджанских диалектов

Как мы знаем, Шахматов в своих работах пытался решить вопросы реконструкции древнейших славянского, а также русского языков, в первую очередь изучая их фонетические особенности. В данной статье исследуются некоторые фонетические особенности азербайджанских диалектов. Как мы знаем из тюркологической литературы жоканье фонетическая особенность кыпчакской группы тюркских языков. Эта фонетическая особенность кыпчакской подгруппы противопоставляется йоканью огузского типа. В западных азербайджанских диалектов тоже прослеживается жоканье. Но в отличие от многих тюркских языков кыпчакской подгруппы, где процесс происходит в анлауте, в этих диалектах жоканье выступает исключительно после первого слога. Сопоставим факты: в других кыпчакских языках – *jıldız* (звезда), *jenge* (невестка); в огузских языках в тех же значениях – *yıldız/ulduz*, *jenge*. Но в вышеуказанных азербайджанских диалектах: *bası – bajı*, *gесә – geјә*, *gedесәм – gedәјәм* и др. Выпрашивается почему кыпчакское жоканье в западных диалектах азербайджанского языка выступает после первого слога и никогда в анлауте. Думаем что, причины две, которые являются последовательными звеньями одной цепи. Одна из причин экстралингвистическая. Дело в исторической хронологии. Кыпчакские племена, в языке которых произошла эволюция звуков /y//c//j/ перекочевав на территорию Азербайджана встретились здесь с укоренившимся общеразговорным тюркским языком. Конечно говорить о стабильных общепринятых нормах того времени не соответствует истине. Но общеразговорный тюркский был понятен каждому. Работа над письменными памятниками доказывает нашу правоту. Например, в памятнике «Книга моего деда Коркуда» были зафиксированы не только огузские элементы, но также элементы языков других тюркских племен. Преобладающее ме-

сто в которых ,конечно, принадлежит огузским элементам, которые постепенно превращались в нормы. Что делало речь внятным для каждого. Но жоканье в анлауте вновь прибывших кыпчакских племен ставило бы под угрозу становление общеразговорного языка. Что способствовало возникновению второй причины – лингвистической. Жоканье прошло через «сито» языка и переместилось с первого на второй и последующие слога.

Г.-Р.А.-К. Гусейнов, А.Л. Музумова
Дагестанский государственный педагогический университет
Дагестан, г. Махачкала

**Некоторые концептуальные и иные проблемы истории
русского языка древнейшего периода в трудах А.А. Шахматова:
аспекты интерпретации в ареальном и историко-
этимологическом аспектах**

Концепция А.А. Шахматова о движении будущих восточных славян-антов «из Повислинья — второй общеславянской родины» через Подунавье в «колыбель русского племени... в среднем и частью южном Поднепровье и в Поднестровье», куда «они пришли... после падения гуннов, не раньше... второй половины V века», получает свое развитие в трудах В.В. Седова. Он вслед за Ю. Удольфом размещал прародину славян в верхнем течении Вислы и Одера к северу от Карпат и на восток – до правобережья среднего Днепра. Отсюда во второй половине I в. до н.э. славяне продвигаются на верхний Днестр и в западную часть Волыни и, перейдя Карпатские горы, расселяются в конце IV в. н.э. вместе с гуннами в северных окраинных регионах среднего Подунавья. В V–VII вв. завершается древнейший период праславянской истории, и еще в первой половине VI в. славянское население начинает продвижение на Балканский полуостров.

Пребывание праславян на среднем Дунае, в Паннонии, подтверждается документированными лексическими свидетельствами их древнейших контактов с гуннами, получившими отражение у Приска Панийского и Иордана (первая половина V в.): заимствованиями из славянского в гуннский (μέδος ‘мед’ и *strava(m)* ‘тризна’) и наоборот (κάρμον ‘напиток из ячменя’, ‘ячменное пиво’). Эти свидетельства представляются более актуальными и надежными нежели, например, многочисленные славяно-иранские лексические сходжения, из которых О.Н. Трубачев – автор нео(средне)дунайской гипотезы прародины славян – относит к «общеславянским» иранизмам лишь два слова – *коть* ‘загон, небольшой хлев’ и *тороць*, распространенные к тому же далеко за пределами славянского пространства.

О пребывании древних славян в пределах одной из возможных своих прародин – в Карпатах и среднем Подунавье – свидетельствуют их языковые связи (общеславянские болгаризмы, представленных почти во всех славянских языках) с булгарами, которые, согласно новейшим данным, к началу V века упоминаются на северо-западных склонах Карпат, а к 475 г. – в Подунавье. Здесь они, таким образом (см. в предшествующем изложении), расселяются вместе со славянами и гуннами, и отсюда, как указывал А.А. Шахматов, будущие восточные славяне-анты продвигаются в Поднепровье и Поднеэтровье после падения гуннов, видимо, Атиллы (434–453 гг.).

Тогда же, с 471 г., болгары становятся известными на Балканах, и к 480 г. какая-то их группа находилась в Западном Причерноморье. В последней связи обращает на себя внимание уже установленное или возможное болгарское/тюркское происхождение южных восточнославянских (древнерусских) племенных названий–(суб)этнонимов (угличи/уличи, тиверцы, северяне, волыняне, дулебы) и топонимики регионов распространения, в частности, в Западной Украине, их исторических носителей.

Е.Ю. Долгова
Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия
Россия, г. Самара

К проблеме картографирования многочленных лексических оппозиций в переселенческих говорах¹

В связи с разработкой лингвогеографических проектов, прежде всего крупномасштабного «Лексического атласа русских народных говоров» и связанных с ним региональных атласов, проблема установления точных диалектных соответствий на всей территории распространения русского языка, включая регионы позднего заселения, приобрела особую значимость. Определение состава диалектной лексики, представленной в самарских говорах, актуально с точки зрения разработки регионального атласа и словаря. Проблема установления системных отношений в лексике переселенческих говоров является одной из наиболее трудно-разрешимых.

Отражение на лингвистической карте многочленных лексических оппозиций является объективно трудной задачей. При картографировании многочленных диалектных соответствий принципиально важное значение имеет типология диалектных различий лексико-семантического уровня и иерархические отношения тех дифференциальных признаков, по которым они противопоставлены друг другу.

В условиях диалектной пестроты, которая характерна для всех переселенческих говоров, сложные многочленные диалектные оппозиции, часто осложненные различиями внешнего, неязыкового плана, образуют систему, в которой выделяются общерусские и диалектные слова. На картах акцентируются прежде всего те из них, которые имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-14-63001 «Лексический атлас самарских говоров».

Дополнительными знаками и цветом заливки на картах самарского лексического атласа выделяются лексические единицы, ареалы которых вписываются в общую картину противопоставления генетически родственных окающих и акающих говоров северной и центральной части Самарской области и южнорусских говоров на юге нашей территории. Так, особыми дополнительными обозначениями и цветом отмечаются на карте лексемы *шкирд*, *кладь* (карта «Наименования большой продолговатой укладки снопов»), *кртошка*, *картовь* (карта «Наименования картофеля»), *грухва/грухова* (карта «Наименования брюквы»)

Картографирование лексики позволило выделить на карте Самарской области дополнительные микрзоны на западе области (район Самарской Луки) и на востоке (пограничные с Оренбургской областью районы), неодинаковые с точки зрения времени освоения территории. В лингвистическом ландшафте Самарской области выделяются ареалы лексем *карда* (карта «Наименования огороженного места для скота в поле, в лесу»), *конопель* и *поскóнь* (карта «Наименования мужской особи конопли») и др., образующие ареалы на востоке и западе области.

Для семантических диалектных различий характерно несовпадение структурных признаков картографируемых слов и их лингвогеографических характеристик. Диалектное слово в одном из своих значений может иметь достаточно очевидную ареальную характеристику и входить в состав внутридиалектного членения территории, а в других своих значениях – не образует ареалов вообще (карта «Значение слова *кулига*»).

С.Ю. Дубровина

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Россия, г. Елец*

Эмпирическая база народного православия и особенности его языкового воплощения в русских диалектах¹

Исследование живого слова, в том числе диалектного, всегда имело значение для развития отечественного языкознания и после классических трудов А.А. Шахматова по праву относится к фундаментальным направлениям в изучении языковых фактов. Активно развивающееся в настоящее время антропоцентрическое направление, обращенное к лексике и логической семиотике слова, во многом обязано русской диалектологии.

В настоящем докладе отражен авторский опыт сбора информативной базы, языковой репрезентации и системного анализа эмпирических данных как традиционной формы воплощения христианства в «живом» русском языке.

Под лексикой православия в широком смысле понимается языковая когниция, выражающая идею христианства и вероучения в русском языке и его диалектах. Это лексика Библии, церковных служб, таинств, обрядов, литургии, лексика православной традиции отраженная в разных сферах культурной коммуникации (в том числе, этнокультурной); это языковые символы русского языка, развившие и утвердившие духовные ориентиры нации. Место христианской лексики находится в общей «системе систем» русского языка: системе кодифицированного литературного языка и системе русского разговорного языка. При рассмотрении православной лексики в диалекте и просторечии мы неизбежно обращаемся к языку речевого общения в системах диалектов и русского разговорного языка.

Эмпирической основой аналитических наблюдений явились данные диалектных словарей русского языка и текстовые материалы, собранные в результате выездов в районы Тамбовской области.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 13-04-00017.

Выявление массива лексических данных в крестьянской среде России 20 века, во многом сохранившей фрагменты традиционной культуры, необходимо для определения статуса и состава лексики веры и церкви по отношению к другим тематическим группам. Важность системного анализа этого материала обусловлена также острой дискуссионностью многих проблем народной религии, тесной связью дисциплин, направленных на изучение аксиологии христианства.

Существует лексикографическая лакуна в отношении разговорной лексики христианства, адаптированной в диалектах: она почти не представлена в областных словарях. Авторы учебников, пособий и составители словарей всегда предпочитали книжный вариант того или иного «церковного» слова, стараясь избегать «неверностей» просторечия. Диалектные трансформации типа *намастырь, фарувимский, Русалим, Мойсей, купорис, панахвида, питинья, ялтарь, крыльца* и подобные воспринимались в фокусе правильного церковнославянского прочтения как досадные казусы.

Актуальную функциональную нагрузку внутри христианской лексики несут церковнославянизмы. Церковнославянский язык оказал решающее влияние на формирование литературного языка, который занял первоначально в отношении к нему нижнюю позицию.

А.А. Шахматов отмечал, что русский литературный язык – «это перенесенный на русскую почву церковно-славянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» (Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка Л., 1925, 8).

М.Я. Дымарский
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена/
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**Понятие вокативного предложения в концепции
 А.А. Шахматова и в современных синтаксических теориях**

Характеристика вокативных предложений в «Синтаксисе русского языка», как известно, предельно кратка. Она исчерпывается одной фразой:

«В. ВОКАТИВНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ
 ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

§ 76. Сюда относятся предложения, в которых главным и единственным членом является *о б р а щ е н и е*, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особою интонацией, вызывающею сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование. Ср., например, *Коля!*, сказанное тоном упрека или укора и вызывающее мысль: *зачем ты это сделал, зачем так поступил, как тебе не стыдно?»* [цит. по изд. 2001 г., с. 86; разрядка здесь и ниже авторская. – М.Д.].

С точки зрения структурно-семантического синтаксиса, предполагающего противопоставление предложений как абстрактных моделей и высказываний как фактов речи, понятие вокативного *предложения* должно представляться недоразумением. Ведь это не модель предложения, которая может быть отображена структурной схемой, а лишь тип высказывания. Высказывание может опираться на модель предложения, но не обязательно; оно может представлять собой любую языковую единицу, которая силой интенции говорящего, воплощенной в интонации, наделяется полноценной коммуникативной функцией: *Тьфу, пропасть!*; *Да ну?* и т.п. Поэтому параграфы о вокативном *предложении* в университетских учебниках второй половины XX в. занимают неподобающее место.

Между тем в концепции А.А. Шахматова место вокативных предложений вполне закономерно. Вводя понятие предложения, А.А. Шахматов пишет: «§ 2. Предложение это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем коммуникацией» (там же: 19). Если предложение есть «единица речи» и если в его основе лежит коммуникация (пусть даже трактуемая специфически), то под предложением понимается, скорее, то, что сегодня целесообразно именовать высказыванием (или моделью высказывания). Не случайно параграфу о вокативных предложениях у А.А.Шахматова предшествуют два параграфа, посвященные «междометным бесподлежащим предложениям» (там же: 18–19).

Таким образом, в современных концепциях синтаксиса (коммуникативный, структурно-семантический, коммуникативно-структурный, функциональный и под.) целесообразно разграничивать то в наследии А.А. Шахматова, что имеет прямое отношение к моделям предложения, и то, что должно описываться в теории высказывания. Если в теории предложения вводить понятие вокативного предложения нецелесообразно, то в теории высказывания оно должно занять подобающее место.

Сказанное, в свою очередь, означает, что современные синтаксические описания должны уделять внимание теории высказывания, включающей, в частности, обзор основных моделей высказываний, не опирающихся на модели предложений.

И.Б. Дягилева
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века¹

Иноязычные слова и выражения из европейских языков активно употреблялись в языке русских газет первой половины XIX в., при этом второе место по количеству употреблений после французского языка занимали латинизмы. Несмотря на то что к началу XIX века латынь в своих ведущих научно-деловых жанрах уступила место русскому языку, ее знание оставалось непременным условием хорошего образования, образы античной мифологии составляли важную часть русского искусства, произведения греко-римских поэтов и историков активно переводились на русский язык (например, «Подражания и переводы из Греческих и Латинских Стихотворцев А. Мерзлякова». М., 1825).

Базирование ботанической, зоологической, части медицинской номенклатуры на латинском языке соответственно обусловило ее использование на латыни в газетах в большинстве случаев с дублированием на русский язык (*cholera morbus*, *cactus oruntia*/ Индейская фи́га и т.д.).

Следует отметить жанровую ориентированность употребления латинских слов и выражений в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела». В материалах информационных жанров в рубриках «Внутренние новости», «Заграничные новости», «Разные известия», «Новейшие известия» встречаются юридические термины (*in contumaciam*, *silentium*), религиозная терминология католической церкви (*in partibus, motu-proprio*), при переводе заметок из европейских газет пространные цитаты на латинском языке переносятся в тексты русских газет без изменений, но с переводом. (Ср. *На памятнике начертана будет следующая надпись: Ludovico decimo sexto,*

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Дифференциальный словарь русского языка XIX века» (буквы М-Н-О)», № 14-04-00388.

impie necato, hoc monumentum Gallia moerens erexit, regnante Carolo decimo/ Anno MDCCCXXVI. (Лудовику шестнадцатому, беззаконно убиенному, воздвигла памятник сей сетующая Франция, в царствование Карла десятого, в 1826 году). Северная пчела, 1826, № 57).

Являясь стилистическим средством речевого выражения, цитаты, крылатые выражения, афоризмы, фразеологизмы на латинском языке, употребляемые в художественно-публицистических жанрах газет – очерках, фельетонах, рецензиях, обладают ярко выраженной экспрессивно-эмоциональной оценочностью. Наиболее известные выражения, вошедшие также в международный фразеологический фонд, приводятся в газетных текстах без перевода и ссылки на источник, нередко при этом происходит сокращение лексического состава выражения. (Ср. *Domestica facta/Celebrare domestica facta*. Гораций «Наука поэзии»).

Сатирическое содержание фельетонов может контрастировать с философским и общественно-политическим смыслом крылатых выражений и афоризмов, создавая яркий стилистический эффект. (Ср. *Холера и картофельная болезнь, каждая отдельно, напали врасплох на науку, и она, в изумлении, не нашлась. Неприятели одолели! Припомним при этом случае древнюю поговорку: «ars longa, vita brevis, т. е., наука длинна, а жизнь коротка.»* Пока одно поколение ученых мужей успеет осмотреться, другое поколение уже заняло место первого. Оно успело только ощутить зло, и сделать свое заключение, предложить догадки, и марши к праотцам (*ad patres!*). Северная пчела. 1849 №179. Выражение является началом цитаты из «Афоризмов» Гиппократ. *Ars longa, vita brevis, occasio praecipua, experimentum periculosum, iudicium difficile.*)

В.К. Зиборов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Наследие академика А.А. Шахматова в изучении русского летописания

Исследования А.А. Шахматова, написанные более 90 лет тому назад, являются фундаментальными во всех направлениях изучения русского летописания. Остановлюсь на нескольких перспективных направлениях. В его работе «Обозрение русских летописей и летописных сводов XI–XVI вв.», незавершенной и опубликованной после его смерти, представлены монографические исследования истории текстов более 20 основных русских летописей. На основе кропотливого текстологического анализа он восстановил историю текста каждой из летописей в виде летописных сводов, т.е. гипотетических этапов. Необходимость выявления этих сводов прежде всего связано с тем, что русское летописание, начавшееся в XI в., дошло до нас в рукописях не ранее XIV в., тем самым все предшествующие этому веку этапы истории летописания как бы упрятаны в безбрежном море чаще всего анонимных погодных летописных записей. Для историков выявление и наполненность того или иного летописного свода является важнейшей задачей, т.к. в процессе текстологического обоснования выясняется время внесения в текст летописной записи, что в свою очередь позволяет более адекватно оценивать информацию летописи. Например, А.А. Шахматов в ходе анализа истории текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей доказал, что запись о призвании князя Рюрика появилась в летописи не ранее десятых годов XII в., т.е. перед нами родословная легенда, а это требует совершенно иного осмысления данной информации, оно значительно отличается от общепринятого взгляда. Восстановив историю текста всех основных русских летописей, он тем самым воссоздал историю русского летописания XI–XVI вв. Полученная им картина истории русского летописания за этот огромный период остается единственной в нашей отечественной историографии. Он широко применил основной прием выявления летопис-

ных сводов – сопоставление текстов двух и более летописей между собой, им пользуется большинство современных исследователей. По пути восстановления истории текста отдельных летописей пошли его преемники: А.Н. Насонов (Псковские летописи), Я.С. Лурье (Сокращенные летописные своды конца XV в.), Б.М. Клосс (Никоновская летопись) и др.

Отмечу ещё одно перспективное направление, разработанное А.А.Шахматовым, очень важное для ранней истории нашего летописания. Он обосновал древность Новгородской первой летописи младшего извода в рамках Повести временных лет по отношению к Лаврентьевской и Ипатьевской летописям. Это направление позволяет по новому решить вопрос об участии монаха Нестора в летописании, а также продолжить поиски летописей, в которых представлены более ранние этапы русского летописания, чем в упомянутой Новгородской летописи.

Работоспособность А.А. Шахматова и разнообразие результатов, полученных им при анализе тестов русских летописей, поражали его современников, в перспективе десятилетий прошедших после его кончины они ещё более значительны.

Л.А. Ивашко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Описание фразеологии в «Псковском областном словаре с историческими данными»¹

В псковских говорах много фразеологизмов, отражающих обряды, приметы, гадания, игры, этикетные формулы: *заклика'ть молоко'*, *ячме'нь засыпа'ть*, *засыпа'ть ри'сом*, *жи'том*, *лови'ть но'гу*, *ночле'г за (с собой) носи'ть*. Толкование значения этих оборотов необходимо включает этнографическое описание действий, участников обряда, используемых предметов, указание цели или желаемых результатов действия: *ка'шу крыть (накры'ть, накры-ва'ть, покры'ть)* 'элемент свадебного обряда, когда в доме жениха невеста или ее родители покрывают куском ткани (платком) стол, на котором стоит каша (гости при этом кладут на нее деньги), с тем чтобы свекровь сняла потом этот покров и приняла его как подарок'; *оставля'ть бо'гу (на) бо'роду* 'в традиционном обряде окончания жатвы: не сжать несколько стеблей ржи, обвязав их лентой, для того чтобы в будущем году был высокий урожай'; *жечь лучи'ну* – 'гадание девушек в день Ивана Купалы: чья зажжённая лучина раньше погаснет, та и выйдет замуж в этом году'; *жечь ры'жики* 'делать известной измену одного из влюблённых, сжигая гребенку, бумагу в присутствии всех'; *гада'ть на ку'рицу* 'святочное гадание: девушки рассыпают зёрна, курица их клюёт; чьё зерно курица будет клевать, та выйдет замуж за богатого'.

В иллюстрациях показывается реализация устойчивого оборота в речи, но они не могут заменить дефиницию, хотя в них может быть указание на мотивировку значения: *вы'нуть с черты'* 'вылечить колдовством'. В иллюстрациях дано описание этого магического действия. Это описание необходимо включить в дефиницию. *Тарака'нье гада'нье. Гада'ние на тарака'на*. Толкова-

¹Работа подготовлена в рамках проекта «Псковский областной словарь с историческими данными», поддержанного грантом РНГФ (№ 12-04-00125).

ние слишком общо, не раскрывает способа и цели такого действия, а в иллюстрации это есть. Описание обряда может быть неполным и неточным: *гна'то шелу'гу. В свадебном обряде: на второй день свадьбы катить тряпичный мяч к месту, где ночуют молодые.* В дефиниции не указано, что это действие производится шумно, с криками, чтобы разбудить молодых. *Ви'шни рвать.* В игре: *платить фант поцелуем.* В толковании не отмечена мотивировка значения, а в иллюстрациях она есть: девушка встает на скамейку, и парень, чтобы ее поцеловать, должен нагнуть ее к себе, как ветку дерева.

Таким образом, при толковании значения подобных фразеологизмов нужно учитывать все детали обрядового или игрового действия.

А.И. Илиади

*Кировоградский государственный педагогический университет
им. Владимира Винниченко
Украина, г. Кировоград*

**Этимологический комментарий к нескольким славянским
изоглоссам в труде А.А. Шахматова «К истории звуков
русского языка»**

Среди восточнославянских слов, привлеченных А.А. Шахматовым в исследовании «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях» (С.-Петербург, 1903) для обоснования его взгляда на историю лексики, демонстрирующей полногласие, есть ряд таких, которые и сейчас, спустя сто с лишним лет, еще нуждаются в этимологическом освещении.

1. Рус. диал. *телепень* ‘дородный ребенок’, *тэлепень* ‘толстяк’, блр. диал. *целепень* ‘то же’, укр. *тэлепень* ‘неповоротливый, медлительный человек’. Видимо, к упомянутой работе А. А. Шахматова восходит традиция объединять как родственные такие сущ. и глаг., как рус. *отелёпыш* ‘толстяк, увалень’ и *телепаться* ‘болтаться’, укр. *телёпати* ‘трясти, болтать, тихо идти’ и *тэлепень* ‘недотепа, увалень’. В этимологической литературе более позднего времени наблюдается расширение этой группы внешне близких слов за счет их вариантов, но исследователи расходятся в одном принципиальном вопросе: идет ли речь о сохранении в славянском реликтов обширного и.-е. этимологического гнезда *telp-/*talp- со знач. емкости, полноты (В.Н. Топоров) или же о позднем образовании слов звукоподраж. свойства (см. совр. этимологические словари)?

Указанный ряд лексем нужно делить на две группы. Первая из них действительно представлена звукоподраж. глаг. и их дериватами. В основе же второй корень *tel-/*tyl-, имевший, судя по семантике рефлексов, знач. ‘выпуклый предмет’ (→ ‘толстяк’, ‘увалень’). Элемент -p- имеет функцию детерминатива наравне с другими звуками, ср. расширение ими варианта этого же корня: *tyl-p- (: рус. диал. *толлёга* ‘о толстом человеке’), *tyl-

b- (: укр. диал. *тóвба* ‘неповоротливый, толстый человек’; Р.М. Козлова), *tʎl-m- (: блр. диал. *тыльма́* ‘надкопытный сустав у коня’; Р.М. Козлова). Т. е. в фонетико-типологическом отношении этимон, лежащий в основе указанной лексической семьи, примыкает к группе и.-е. корней со структурой «смычный согласный + гласный + плавный l», от которых часто образовывались названия предметов выпуклой, округлой формы.

Итак, вост.-слав. лексемы восходят к основе *telp- (вар. к *tʎlp-), чей древний возраст впервые был косвенно признан А.А. Шахматовым, рассматривавшим их, правда, как результат развития первоначальных форм с сочетаниями $a\Box^1$, $a\lambda$, a^l в корне, где a – особый редуцированный звук. Морфология рус. *телепéнь* и др., а также рус. диал. *отелёпыш* ‘толстяк, увалень’ и *телепéга* ‘толстая женщина’ позволяет выделить в них суффт. -ен-, -ыш-, -ег-, присоединенные к основе, которая в бессуф. виде практически не встречается, что также свидетельствует в пользу их архаики. Восстанавливаемые для них псл. архетипы *telpenь/*telrнь относятся к той группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы telt не в виде ожидаемого «классического» tolot, как в *молоко* < *melko, а в виде telet. Ср.: *belbenь (: укр. диал. *бéлебень* ‘возвышенное и открытое место’), *čelnь (: рус. диал. *челенó* ‘три ряда нижних бревен сруба’), *želsti, *želd- (: рус. *желеду*, *желести* ‘платить, искупать вину’ при форме tlet в ст.-сл.), *želd- (: укр. *óжелéдь* ‘гололедица, дождь со снежной крупой’ при пол. *żłódź* ‘то же’), *tel-мень (: укр. *Телемень* – назв. притоков Днепра ~ др.-гр. *τέλμα*; Ю.В. Откупщиков).

Причина такого «незакономерного» развития в восточнославянском слов с формулой telt, видимо, заключается в существовании древних ареальных вариантов произношения этой последовательности звуков. Это значит, что в некоторых п.-псл. диалектах, что стали основой др.-рус. говоров, не было, как в других, лабиовеляризации l, потому telt здесь изменилось в telet, а не tolot или telot. В эпоху миграций населения в границах вост.-слав. территории носители идиомов, где telt > telet, оказались в меньшинстве, и нормативное для них telet было вытеснено привычным большинству tolot/telot. И только на периферии сохрани-

лись свидетельства древнего диалектного варьирования *telet*: *tolot/telot*.

2. Вост.-слав. глаголы с основной *селеп-* типа блр. диал. *селепаць* 'проворно черпать; хлебать', укр. диал. *селепѣтися* 'пристать к кому-нибудь', *обселепѣтися* 'напиться' у А.А. Шахматова даны как примеры развития *-еле-* из первоначального сочетания *aĭ* (с долгим неслоговым плавным). Эта изоглосса продолжается на территории рус. говоров, ср. смол. *селепѣться* 'возиться в грязи', *заселепнѣть* 'зачерпнуть'.

Фонетически заманчивое сопоставление этих форм с укр. *(ві)солоніти* 'высовывать язык', блр. *солупнуць* 'высунуть язык, лизнуть' и др. приходится оставить в стороне, т.к. сам А.А. Шахматов позднее предложил сравнение укр. *солонити* со ст.-сл. **въслапити**, **въслапяти** 'отгонять, удерживать, укрощать'. В работах же современных авторов укр. *(ві)солоніти* и под. были убедительно истолкованы в гнезде **solp-* ~ и.-е. **sel-* 'двигаться'.

Вост.-слав. *селеп-* может быть объяснено как экспрессивный глагол со структурой, вариантной к *сѣрбатъ*. Под вариантностью вост.-слав. *селеп-* : *серб-* подразумевается результат отражения в них псл. **selp-* : **sɛrb-* как разновидностей одной и.-е. звукоподраж. основы, ср. более полное сходство **selp-* : **serb-* (> слвн. *srébatı* 'сербать'). К чередованию *l* : *r* в корнях-ономатопах ср. укр. диал. *ма́мляти* 'вяло работать', 'медленно, неохото есть' и *ма́мрати* 'то же'.

Рассмотренные глаголы продолжают псл. **selpati*, **selpiti*, чьи вост.-сл. рефлексy имеют ту же особенность, что и рефлексy описанных выше **telpeńь/*telpъńь* (*telt* > *telet*). Эти лексемы следует отличать от омонимичного **selpati*, отраженного в рус. *силпять* 'высовывать язык, пить' (из **селепать*), которое также демонстрирует *telet*. Семантика этого же примера говорит о возможном смешении единиц двух лексических семей в рус. диал. речи, ср. 'высовывать язык' и 'пить' (вероятно, первоначально о животных).

С.Г. Ильенко

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Россия, г. Санкт-Петербург*

О значении синтаксической теории А.А. Шахматова на современном этапе развития русистики

Последний труд А.А. Шахматова, «Синтаксис русского языка», опубликованный посмертно, следует рассматривать (в лучшей редакции, 1945 г.) с последовательным учетом двух существенных обстоятельств: во-первых, его авторской незавершенности, а, следовательно, недоговоренности, и ступенчатой редакционной презентации (от блоков, предназначенных к публикации, до фрагментов-набросков), и, во-вторых, в необходимости освобождения наследия ученого от пристрастия методологических оценок, нередко заслоняющих неоспоримые достоинства рукописи.

Акад. А.А. Шахматов – гениальный новатор и в области теоретико-прагматической постановки и синтаксической проблематики, предопределяющей основой которой является предназначенность языка для человеческого общения, и в существовании того целеполагания лингвистического исследования, по которому, по его словам, «приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уж по ним делать те или иные заключения о **некоторых психологических основаниях явлений**» (Выделено мной. – С.И.).

Принципиально важно для трактовки шахматовского синтаксиса определение ученым его как «способа обнаружения мышления в слове» при использовании понятия «коммуникация» (именно оно, прежде всего, служило поводом для упреков Шахматова в идеализме, метафизике и других методологических «грехах» – между тем понятие «коммуникация» позволило Шахматову представить его в качестве более свободной мыслительной формы, чем суждение, что значительно расширило рамки предложенных теоретических схем).

Задумав свой «Синтаксис» в трех основных частях: «Синтаксис предложения», «Синтаксис словосочетания» и «Синтаксис частей речи» (слов), Шахматов, к сожалению, не успел в полной мере осуществить свой стройный концептуальный замысел, тем не менее многие его синтаксические построения надолго вошли в исследовательский и учебный фонд: напомним хотя бы разработанность его концепции об односоставном и двусоставном предложении.

В истории отечественной лингвистики, по привязанности к живому русскому слову, А.А. Шахматов предстал «сородичем» Владимира Даля: труд Шахматова – это исследовательский триумф обеспеченности теоретических построений сокровищами родного языка.

При оценке А.А. Шахматова-грамматиста сегодня целесообразно исходить из необходимости всестороннего анализа соотношенности предложенной им синтаксической теории с семантико-функциональным и когнитивным подходами к языку.

С.И. Иорданиди

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, г. Москва*

Проблемы истории русского языка в критическом и эпистолярном наследии А.А. Шахматова

Огромный вклад, внесенный А.А. Шахматовым в разработку различных проблем исторической русистики, на современном этапе оценен очень высоко, хотя в пользу такой оценки можно приводить все новые и новые аргументы. Одним из таких аргументов являются его критические работы и переписка с учеными, разделявшими круг его интересов. Между тем эта часть наследия Шахматова мало изучена и должна быть подвергнута самому тщательному рассмотрению: здесь представлены новые интересные наблюдения, могущие служить дополнительным источником знаний по ряду проблем истории языка и дать импульс к новым историко-лингвистическим построениям. Однако цель моего доклада заключается не столько во всеобъемлющем анализе критических работ и писем Шахматова, сколько в стремлении заинтересовать коллег этой частью его творческого наследия. Ряд рецензий Шахматова содержатся в основном В. Ягичем журнале «Archiv für slavische Philologie», а также в отечественных изданиях. В докладе основное внимание сосредоточено на критическом отношении Шахматова к качеству уже изданных старейших памятников (например, Жития Феодосия Печерского). (См. его статью «Zur Kritik der altrussischen Texte», опубликованную в ж. Archiv – Bd. V, 1881, с.613 – 623; см. также письма к В. Ягичу). Статья содержит, помимо огромного перечня ошибок и неточностей в издании рукописи, ряд интересных мыслей о двух группах древнерусских рукописей, бытовавших на Руси и их роли в формировании литературного языка. Шахматов теоретически доказывает необходимость точного издания памятников, и сам впоследствии подготавливает такие издания («Исследование о двинских грамотах»). Материалы такого рода будут широко представлены в докладе (например, анализ критического разбора изданного фотолитографическим способом рукописи Изборника

Святослава 1073, см. статью «Zur Text-kritik des Codex Sviatoslai vom 1073 nach der photolithographischen Ausgab» — Archiv, Bd. VI, с. 590–597).

Вторая часть доклада посвящена критическим работам Шахматова по исторической грамматике русского языка. (В частности, подробный анализ работы А.И. Соболевского «Исследования в области русской грамматики» представлен в статье Шахматова «Beitragt zur russischen Grammatik» — Archiv, Bd. VII, 1884, с. 57–77. Соболевский выдвинул свои контраргументы (см. РФВ, 1883, № 3). И эта полемика оказалась чрезвычайно полезной для дальнейшей разработки истории русского языка.

Как видно из вышеизложенного, уже ранний Шахматов предстает перед нами как вполне сложившийся ученый, полный новых идей, новых замыслов и весьма суровый и требовательный критик. Более поздние критические работы Шахматова и его эпистолярные наблюдения также представлены в докладе.

И.Н. Кайгородова

Астраханский государственный университет

Россия, г. Астрахань

Синтаксические идиомы в свете учения А.А. Шахматова о коммуникации

Синтаксис А.А. Шахматова основан на изучении коммуникации, которая является *психологической основой* предложения. По его мнению, многие синтаксические единицы, не выражающие пропозиций, служат знаком коммуникации. В своих исследованиях учёный ориентировался на функционирующий язык. К коммуникациям он относил не только пропозиции или суждения, но и «всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь», в том числе и *представления о чувствах и ощущениях*. «Активность сознания» выразилась в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации и языковым средствам воспроизведения коммуникации. К ним можно, вслед за А.А. Шахматовым, отнести интонацию как средство просодической системы языка: – **Какая это «кыся»!** *Это же форменный кот!.. Нашёл себе «кысю»* (В. Кунин), – **Ой, ну ты вообще!** – *закричала кассирша. – Переработал, что ли!* (М. Веллер), *Делаем перекур на пятнадцать минут // Что ж, перекур так перекур* (РР). Особенное значение выражения чувств говорящего, нужное для соответствия этих предложений коммуникации, слова и словосочетания приобретают путём особого их произнесения в составе предложения (Ср.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 30). Подобные предложения-высказывания А.А. Шахматов квалифицировал как односоставные безличные. В учении о главных и второстепенных членах предложения он выделял *неразложимые сочетания* с точки зрения современных синтаксических отношений. Его синтаксис может быть дополнен тем, что неразложимыми могут быть не только незаконченные словосочетания, но и предложения (*законченные словосочетания* – в терминологии А.А. Шахматова).

На наш взгляд, всё многообразие неразложимых предложений, реализующих в речи эмотивно-экспрессивные и регулятивно-прагматические функции, составляет область синтаксической идиоматики. *Синтаксическая идиома* – это устойчивый раздельнооформленный знак, структурно-семантическое единство которого формируется установлением асимметричных отношений между его формальной и содержательной структурами и достигается в результате изменений исходных синтаксических категорий предложения: предикативности, модальности, коммуникативности и появления вторичных синтаксических связей, отношений и категорий (Кайгородова И.Н. Проблема синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань, 1999. С. 7).

Речевая коммуникация – это вербальная форма взаимодействия людей. Если когнитивная доминанта говорящего ориентирована на эмоциональную оценку некоторой денотативной ситуации, то востребованными оказываются синтаксические идиомы. В сфере синтаксической идиоматики выражение эмоций составляет доминирующую коммуникативную задачу. С помощью эмотивных синтаксических идиом координируется межличностное общение.

В.Н. Калиновская, С.А. Эзериня
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Лексика с корневыми компонентами *аква-* / *гидро-* / *водо-* как часть тезауруса и динамическое звено лексико-семантической системы русского языка¹

Лексика с корневыми компонентами *аква-* / *гидро-* / *водо-*, являясь одним из динамических звеньев лексико-семантической системы русского языка, демонстрирующих чрезвычайную словообразовательную активность в период XVIII–XIX вв., представляет собой существенную часть языковой картины мира русского человека, сложившейся к концу XIX века.

Системный характер дифференцированного распределения оригинального или иноязычного лексического материала наглядно проявляется в структуре сложных слов с участием отмеченных компонентов. Функционально-семантический и статистический анализ данной лексики позволяет определить специфику каждого из компонентов в вербальном выражении представлений о воде как источнике жизни, как основе разного рода пространственных отношений и связей (транспортной артерии) и как движущей силе, элементе различного рода производств.

Сфера научно-технической номенклатуры наиболее подвержена вторжению заимствований, тем не менее и в этой области особенности национального бытия и сознания оказывают значительное влияние на формирование терминологии, создаваемой на русской основе. Лексические заимствования с компонентами *аква-* и *гидро-* начинают встречаться в текстах на русском языке начиная с XVIII в. (*аквамарин*, *аквамаринный*, *аквамариновый*, *акведук*), в XIX в. с нарастанием фиксируются в толковых и энциклопедических словарях (*акварель*, *акварельный*, *акватинта* – Сл. 1847, *аквариум* – Сл. Даля, *акварелист*, *аквафорта*, *аквафортист*, *аквилегия* ‘водосбор’ – Сл. Грота). С XVIII в. заим-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX века» (буквы М-Н-О)», № 14-04-00388.

ствовавшая лексика с *гидро-* начинает составлять конкуренцию традиционным русским словам в сфере производственной и научно-технической терминологии (е.г. *гидравлик, гидравлика, гидравлический, гидрограф, гидрографический, гидрография, гидродинамика, гидрология, гидрометр, гидроскоп, гидроскопический* и др.), постепенно дополняясь дериватами (*гидродинамический* – Сл. 1847, *гидротехнический, гидрофобический* – Сл. Орлова и др.) и новыми лексемами (*гидроторакс, гидроце(ке)фал* – Сл. Даля, *гидрофил* и его производные – Сл. Орлова, *гидроцеллюлоза, гидроэлектрическая машина* – Бр.-Ефр. и др.). В сопоставлении с заимствованиями традиционная русская лексика с *водо-* количественно преобладает: так, только неология XIX в. составляет 265 лексических единиц. На этом фоне неология с *аква-* (учитывая варианты с *акве-* и *акви-*) в XVIII в. составляет 9 лексических единиц (7 – сущ., 2 – прил.), в XIX в. – также 9 единиц в одинаковом соотношении (без учета некомпозитов); слова с *гидро-* в XVIII в. насчитывают 26 лексем (15 – сущ., 11 – прил.), в последующем XIX в. – уже 96 лексем (75 и 21 соответственно). Примечательно, что в составе новообразований с корнем *водо-* можно обнаружить большее разнообразие в смысле частеречной принадлежности: здесь мы видим уже 4 глагола (*водоносничать, водопьяничать, водопьянствовать, водородничать* – Сл. Даля).

Безусловно, в тезаурусе русского языка лексика с корнем *вод-* занимает особое место, отчасти определяемое мифологическими представлениями славянских народов о воде как природной стихии, наряду с землей и воздухом, о «воде» как базовом концепте повседневной научно-практической деятельности человека. Ее главенствующая позиция в корреляции *аква- / гидро- / водо-* подкрепляется и статистическими фактами: общее количество сложных слов с *водо-* в словарном составе к концу XIX в. насчитывает 467 единиц, к которым следует добавить 2 образования с *водно-* и 1 с *водяно-*. Соотношение отглагольной и отыменной лексики складывается примерно 10:1 в пользу слов с глагольной производящей основой (426 ед. versus 41 ед.), что также является чрезвычайно показательным. В связи с этим любопытной с точки зрения семантики представляется группа новообразований XVIII–XIX вв. с глагольными основами глаголов *десяти* и

действовати (*вододейный, вододейственный, вододействие, вододействующий, вододействуемый*); семантика этих слов в полной мере проявляется в составе сложных наименований технических сооружений и механизмов.

Состав композитов с компонентом *водо-*, являющимся семантическим и культурным маркером в структуре слова, по данным толковых и исторических словарей, начинает формироваться примерно с XII-XIII вв. (*водокрещи* 'водокрещение' и *вододержа* 'водоем'), постепенно пополняясь новыми лексемами (*водноземный, воднотрудный, водовзводец, водовзводный, водовозник, водоворот, водокрещение* и др.). Следует отметить, что значительная часть этих разнородных – с точки зрения их функционального статуса – слов фиксируется словарями на протяжении всего XIX века, отражающими изменения в области стилистической оценки (*водоважда* 'церк. водопровод' – Сл. 1847, Сл. Даля, *водоброд, водопеха, водотолча* 'шуточн. о бурлаках' – Сл. Даля, Сл. Орлова, *водопляс* 'шутл. о купальщиках' – Сл. Даля) или степени употребительности отдельных единиц, постепенно вытесняемых новообразованиями на периферию (*водобег* 'ручей' Малоупотр.; *водоводный* 'чаще *водопроводный*' – Сл. Грота).

Отдельные вариантные ряды с выделением доминанты формируются на протяжении длительного времени (*вододержа* 'старин. водоем' (Сл. 1847, Сл. Даля) – *водоем, водовместилище* (Сл. рус. яз. XVIII в.) – *водоприемник* (Сл. Орлова). Проблема словообразовательных вариантов, составляющих неотъемлемую черту тезауруса, в данном случае возникает в связи с вариативностью (лексической, морфонологической) производящей глагольной основы (ср. *водобой* и *водовет*), либо суффиксального элемента (ср. *водокачка* – *водокачалка* 'машина' и *водокачалка* – *водокачалня* 'строение').

Безграничные возможности «языкового расширения» русской лексики отчетливо проявились именно в данной группе слов: прежде всего, это отразилось в поиске соответствующего русского эквивалента заимствованному слову, который уже наметился в первом русском словаре иностранных слов (Н. Яновского), что в немалой степени способствовало выделению компонента *водо-* в структуре сложного слова и активизиро-

вало его словообразовательные потенции. Сходные тенденции нашли отражение и в процессах нормализации словоупотребления (Сл. 1847, Сл. Грота). Системность языка проявилась в образовании большого числа производных прилагательных, существующих часто в вариантных формах.

Заемствования с инокультурным начальным компонентом встраиваются в особую нишу, нехарактерную для традиционного уклада русской жизни, тогда как образования с *водо-* активно заявляют свое присутствие в наименованиях, отражающих глубинные представления народа о воде как источнике жизни и движущей силе. Анализ лексической неологии в группе слов с компонентом *водо-* засвидетельствовал значимость культурной составляющей в структуре и семантике слов по отношению к материальной стороне бытия. В литературной лексике XIX в. отразились общие тенденции развития русского общества в данный период его истории, его заинтересованность в определенных сторонах жизни. Одновременно с новыми смыслами, привнесенными культурными и языковыми заимствованиями, русская лексика продолжает сохранять прочную связь с некогда синкретичным корнем.

О.А. Кирикова

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Россия, г Санкт-Петербург

**По ступеням академических степеней:
избрание А.А. Шахматова в действительные члены
Императорской академии наук**

В марте 1894 года в Московском университете состоялась публичная защита диссертации Алексея Александровича Шахматова. «Виртуозно» написанная работа по фонетике русского языка имела такой «блестящий успех», что историко-филологический факультет университета присудил Шахматову сразу степень доктора русского языка и словесности, минуя степень магистра. В апреле того же 1894 года кандидатура Шахматова была предложена на степень адъюнкта по Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук (далее – ОРЯС, Отделение). По академическому уставу, «ученый, ищущий чести быть академиком, или назначаемый кандидатом, должен быть известен в ученом свете сочинениями или полезными открытиями». Несмотря на свою молодость, Шахматов уже был хорошо известен в ученом свете своими филологическими исследованиями, среди них: «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв.», «О долготе и ударении в общеславянском языке», «О Киево-Печерском Патерике» и др. Каждая из его работ характеризовалась богатством использованных источников, «широтой взглядов и остроумием соображений».

Началу академической жизни Шахматова кроме субъективных причин способствовали и объективные обстоятельства: в мае 1893 года скончался академик Я.К. Грот, и Отделение лишилось представителя в области русского языка и его истории. Со смертью Грота остановилась работа над Словарем русского языка; для Отделения было «делом чести» возобновить и довести до конца начатый Гротом труд. Члены Отделения прекрасно понимали объем предстоящей работы, справиться с ней под силу было лишь человеку, обладавшему «достаточной ученой подготовкой» и готовому «всю свою энергию посвятить интересам, задачам и

целям Отделения». Таким человеком, по общему мнению многих ученых (И.В. Ягича, Ф.Ф. Фортунатова и др.), мог стать А.А. Шахматов. Уже в июне того же 1894 года его кандидатура была «очень сочувственно» принята в Отделении, и А.Ф. Бычков, председательствовавший тогда в нем, доложил Президенту академии о представлении Шахматова на степень адъюнкта.

Предложение степени адъюнкта было совершенно оправданно: по Уставу Императорской академии наук и согласно установившимся традициям Шахматов не смог бы миновать этой ступени. Хотя он уже зарекомендовал себя как ученый, но молодость не позволяла ему сразу претендовать на академическую степень. Но как подчеркивалось в Уставе академии, «обязанность адъюнктов есть одинаковая с обязанностью академиков. Независимо от сих последних они занимаются усовершенствованием своей науки и исполняют поручения, от академии на них возлагаемые». В ноябре 1894 года А.А. Шахматов практически единогласно (29 голосов – за, 1 – против) был избран в адъюнкты по Отделению русского языка и словесности. А уже через месяц на первом своем заседании Отделения приступил к исполнению возложенного на него поручения, предложив новую расширенную программу издания Словаря русского языка.

При этом, Шахматов не ограничил себя одной лишь работой над Словарем: вместе с А.Ф. Бычковым он начал выпускать Известия ОРЯС, печатая в них научные работы по славянской филологии вообще и русской в частности; занялся изучением южнославянских говоров; опубликовал Жития преподобного Феодосия, снабдив их подробными комментариями; начал совместно с М.И. Сухомлиновым работу по составлению Полного собрания сочинений русских писателей.

Заслуги Шахматова были настолько неоспоримы, что уже в мае 1897 года он стал экстраординарным академиком, хотя по Уставу академии полагалось отлично прослужить в адъюнктах шесть лет, чтобы получить «право просить достоинства и выгод экстраординарного академика». Эта степень изначально понималась «единственно для дальнейшего открытия пути адъюнктам», не отличаясь от нее по сути, тем не менее, воспринималась, как «настоящая» и давала человеку, ее занимавшему, несомненно

большие материальные выгоды. Следует при этом понимать, что число экстраординарных академиков зависело от числа адъюнктов, «заслуживших особенное одобрение академиков того класса, к коему они принадлежат». «Особое одобрение» получил вышедший вскоре после избрания в экстраординарные академики, а именно в декабре 1897 года, первый выпуск Словаря русского языка под редакцией А.А. Шахматова.

Эта работа, а также труды, посвященные истории ударений в славянских языках, образованию русских наречий и русских народностей и многие другие, написанные с необычайной тщательностью и знанием предмета, позволили вскоре представить кандидатуру Шахматова на степень ординарного академика по Отделению русского языка и словесности. На Общем собрании академии 4 декабря 1899 года его кандидатура была одобрена. Таким образом, в 1899 году Шахматов занял высшую академическую степень, поднялся на ступень ординарного академика.

Н.В. Козловская
*Российский государственный педагогический университет
 им. А.И. Герцена
 Россия, г. Санкт-Петербург*

**Авторская философская терминология Н.Ф. Федорова:
 лексикографический аспект**

Лексикографическое описание терминологии русского философа Н.Ф. Федорова (1829–1903) представляет собой новый попытку представления авторской философской терминосистемы как целостного и системного явления.

В основе выборки материала лежит типология авторских философских терминов, уточняющая и расширяющая существующие представления о данном исследовательском объекте. Эта типология может быть использована при изучении терминологических единиц других авторов:

словообразовательные и семантические окказионализмы: *супраморализм, патрофикация, материократия, отцы, сыны, музей, родство, братство;*

оригинально интерпретируемые философские лексемы и специальные философские термины многоаспектного характера: *свобода, разум, сверхчеловек, сверхчеловечество, вера;*

переосмысленные термины других наук и термины богословия: *пауперизм, социализм, материализм, материократия; сословие, религия, антипасха.*

Представлен весь путь работы с авторским философским термином – от отбора лексемы до оформления в качестве заголовочного слова словарной статьи и подробной разработки лексического значения с указанием синтагматических и парадигматических связей. Проектируемый словарь относится к типу словарей, отражающих элементы авторского мира и описывающих единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности автора «Философии общего дела». По основному объекту описания словарь задуман как словарь языка автора, точнее, как словарь авторских философских терминов; по основной цели описания – регистрирующий и объяснительный; по единице описания

– словарь с заголовочной единицей, равной слову или словосочетанию; по характеру представляемых сведений – лингвистический; по количеству авторов – монографический; по охвату материала – дифференциальный; по способам наполнения словарной статьи – многопараметровый; по расположению заголовочных единиц – алфавитный (с элементами идеографического); по временной перспективе – исторический, или диахронный, так как построен на материале автора прошлой эпохи; по функции и адресату – словарь с научно-описательной ориентацией, адресованный специалистам-филологам; по типу информационного носителя – электронный.

В качестве текстовой базы словаря используется собрание сочинений Н.Ф. Федорова в четырех томах (составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой), бумажная и электронная версии. Высокое качество обработки текстового материала делает этот ресурс надежной основой лексикографического описания авторской терминологической лексики Н.Ф. Федорова.

На данном этапе работы словник включает 55 терминов, выборка которых осуществлялась на основе следующего принципа: это терминологические лексемы, которые отражают ключевые идеи миропонимания Н.Ф. Федорова и без которых невозможно понимание и усвоение его философского мировоззрения. Данные о ядре терминологической системы Н.Ф. Федорова извлекались из аналитической философской литературы, для отбора периферийных и редких терминов использовался трудоемкий метод сплошной вычитки текста собрания сочинений. В качестве дополнительных факторов отбора языковой единицы выступали вынос в позицию заголовка, включение в состав заголовка, частота употребления, а также наличие дефиниции. Слова с единичным показателем частоты, по форме напоминающие термины, признаются терминологическими глоссами и не подлежат включению в словник (например, *патрофагия*, *хаосография*, *фратрология*).

Микроструктура словарной статьи определяется характером лексикографируемого материала. Открывает словарную статью заголовочное слово (словосочетание) с указанием форм ро-

дательного падежа единственного числа и родовой принадлежности, сопровождающееся, в случае необходимости, дополнительной информацией о наличии вариантов, о написании слова с прописной или/и строчной букв, а также о частоте употребления слова. Кроме того, статья содержит информацию о типе авторского термина. Факультативная зона словарной статьи может быть названа зоной справок. Справка приводится в том случае, если значение общеязыковой или терминологической лексемы, переосмысливаемой Н.Ф. Федоровым, может быть неизвестно потенциальному читателю. Центральная часть словарной статьи – зона толкований. Дефиниции терминов составлены на основе авторских контекстуальных определений. Особенность толкований состоит в том, что в них – по мере возможности – включены многочисленные цитаты из произведений самого Н.Ф. Федорова. Закавыченные цитаты входят непосредственно в «тело толкования» без указания тома и страниц. За зоной толкования следует иллюстративный материал (зона иллюстраций) – цитаты, снабженные отсылкой к тому и страницам цитируемого источника. Зона иллюстраций, сопровождающая дефиницию, включает несколько цитат, которые позволяют оправдать включение лексемы в словарь, а также уточняют или дополняют понятийное содержание терминологических лексем

Заключительные зоны словарной статьи – сведения о сочетаемости и парадигматических связях описываемой лексемы. Эти зоны позволяют сделать информацию о слове более «объемной», позволяют представить место термина в полевой структуре авторской терминосистемы и оценить ее роль в лексической структуре текста.

В.А. Козырев, В.Д. Черняк

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

Россия, г. Санкт-Петербург

Современная русская лексикография: традиции и новации

Период острого словарного дефицита 70–90-х годов XX века в последние два десятилетия сменился своеобразным лексикографическим бумом, который отмечается многими исследователями как один из важных признаков современной языковой ситуации. Словари откликаются на все изменения в жизни и в обществе, в статичной форме демонстрируя картину динамических языковых процессов.

Составленный нами библиографический список отечественных словарей русского языка, включающий более 2750 лексикографических изданий, убеждает в принципиальном качественном и количественном изменении лексикографического пространства, произошедшем в последние два десятилетия.

Даже беглый обзор огромного массива словарей позволяет сформулировать некоторые общие тенденции, наблюдаемые в отечественной лексикографии конца XX–XXI вв.

1. Современная русская лексикография унаследовала богатейшие традиции отечественной лексикографии XIX–XX вв., которые определяют высокий уровень словарной интерпретации языковых единиц в авторитетных лексикографических изданиях.

2. Лексикографические издания XX–XXI веков стремятся в лексикографической форме воплотить достижения отечественной лингвистической науки, что обуславливает появление новых типов словарей.

3. В значительном количестве современных словарей поразному представлены (нередко сосуществуя) две ведущие тенденции развития лексикографии – системцентризм и антропоцентризм.

4. Особенно интенсивное развитие отдельных типов словарей имеет социокультурную мотивацию и определяется запросами пользователей, коммерческими интересами издательств и

новыми возможностями, которые открывают в словарном деле компьютерные и информационные технологии. Лексикография из сугубо академической сферы в последние десятилетия превратилась в сферу социально мобильную, быстро отвечающую на запросы общества. «Настроенность» современной лексикографии на потребности пользователя обуславливает различные векторы в развитии словарного дела.

5. Очертания современной лексикографии существенно изменились в связи с внедрением новых технологий: с одной стороны, появились реальные возможности осуществления в обозримые сроки масштабных лексикографических проектов, с другой – расширились технические возможности для деятельности компиляторов.

5. Большой дидактический потенциал словарей определяет интенсивное развитие учебной лексикографии, представленной различными типами словарных изданий.

6. В словарях различных типов всё чаще стирается жёсткая грань между лингвистическими и энциклопедическими словарями.

7. Популярность словарей и словарной формы, высокий уровень их востребованности в обществе не только стимулируют появление социально значимых, построенных на серьёзной научной основе изданий, но и объясняют возникновение многочисленных словарных подделок, псевдословарей, нередко эксплуатирующих и имена известных лексикографов, и понятийный аппарат авторитетных изданий.

Н.В. Колгушкина

*Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Россия, г. Рязань*

**Рукописный листок А.А. Шахматова в университетском
музее академика И.И. Срезневского**

20 января 2013 г. академик А.А. Шахматов, открывая торжественное собрание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, посвящённое 100-летию со дня рождения И.И. Срезневского, сказал: «Срезневский принадлежит к числу виднейших деятелей науки, прославивших её и укрепивших её развитие» (Шахматов А.А. Вступительное слово на торжественном собрании отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, посвящённом памяти И.И. Срезневского // Памяти И.И. Срезневского. Книга I. Петроград, 1916. V). Во вступительном слове от имени Академии наук А.А. Шахматов охарактеризовал вклад своего предшественника в развитие филологии, отметил огромный труд по собиранию и обработке материалов этнографического и диалектологического содержания: «Во всё это Срезневский сумел вдохнуть жизнь; он сделал больше: он вселил ко всему этому научному сокровищу любовь в своих учениках и в своих детях. Вследствие этого пережившие его материалы стали не мёртвыми, а живыми памятниками его деятельности...» (Шахматов А.А. Там же. VII).

Эти слова А.А. Шахматова вспоминали учёные-слависты в июне 2012 г. на международной научной конференции «И.И. Срезневский и русское историческое языкознание», посвящённой 200-летию учёного, проходившей по инициативе Музея академика И.И. Срезневского в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина. Эти слова в полной мере относятся и к личности, и к трудам академика А.А. Шахматова.

В музейной коллекции имеется удивительный экспонат, подаренный профессором В.И. Макаровым, автором замечательной повести об А.А. Шахматове «Такого не бысть на Руси прежде...». Этот экспонат – подлинный рукописный листок академика А.А. Шахматова – занимает особое место в экспозиции (Шахматов А.А. Письмо Ев-

докимову Павлу Матвеевичу. Рукопись // Архив музея академика И.И. Срезневского РГУ имени С.А. Есенина. 1 лист).

На пожелтевшей бумаге для писем убористым академическим почерком А.А. Шахматов пишет ответ на письмо своему бывшему ученику-студенту Павлу Евдокимову, которого знал ещё со 2 курса. А.А. Шахматову пришлось поддерживать его не один год в заключении за якобы участие в попытке убийства царя в 1911 г. (дело братьев Яковлевых). А затем в период высылки за границу оказать ему содействие, «ибо знал, что там, на родине, Шахматов использует всё влияние, чтобы добиться восстановления своего бывшего студента в университете» (Макаров В.И. Такого не бысть на Руси прежде... Повесть об академике А.А. Шахматове. СПб., 2000). Его он закончил экстерном в 1914 г.

Надо отметить, что это был достойный ученик. Он владел несколькими славянскими языками, немецким, французским, латинским, древнегреческим. Работал научным сотрудником 1 разряда Института языка и мышления АН СССР, был ассистентом кафедры русского языка ЛГПИ им. А.И. Герцена (Евдокимов Павел Матвеевич // Архив СПбГУ имени А.И. Герцена. Дело № 554). А в краеведческом музее городка Боровичи Новгородской области есть материал, рассказывающий о его диссертации «Боровичский говор».

В этом небольшом тексте письма от 15 мая 1915 г. упоминается несколько интересных персоналий. Так Алексей Александрович предлагает Павлу Матвеевичу прислать статью для помещения в Известиях, обещает не критиковать, для «окончательной отделки» передать В.Н. Перетцу. Также своему адресату он сообщает о похоронах Ф.Е. Корша и о своей занятости этим событием.

В этом маленьком по объёму эпистолярном наследии раскрывается образ не только учёного, педагога, но и заботливого, преданного и бескорыстного человека.

Миссия университетского музея, посвящённого славянской и русской филологии, по моему мнению, заключается в исследовании и изучении удивительно наполненных судеб учёных-подвижников, таких как академики А.А. Шахматов и И.И. Срезневский, чьи жизни служат примером преданности своему делу, своему отечеству.

И.Е. Колесова

Вологодский государственный университет

Россия, г. Вологда

Проблемы создания электронной версии «Диалектного словаря строения слов»

Проект «Диалектный словарь строения слов» это комплексное исследование, выполняемое сотрудниками кафедры русского языка ВГПУ. Цель проекта – отображение в словаре особенностей структуры диалектного слова. Лексической базой является «Словарь вологодских говоров».

Создатели «Диалектного словаря строения слов» во многом опираются на работы А.А. Шахматова, считавшего, что современные явления языка, в том числе диалектные, это результаты многовековой жизни языка и народа, явление языка может получить надлежащее освещение и объяснение только с исторической точки зрения.

При создании электронной версии словаря, оснащенной разными видами поиска, возникла острая необходимость разработки принципов, позволяющих разграничить омонимичные корни и отождествить их формальные варианты.

Диапазон варьирования корневых морфем в диалектах гораздо шире, чем в литературном языке, в первую очередь благодаря устной форме бытования говоров. При многообразии вариантов лексемы трудно определить, где эти варианты связаны с вариативностью морфемы, а где объясняются произносительными особенностями информанта или погрешностями записи.

Можно сформулировать две основные проблемы, диалектного корневого варьирования:

– выделение корня в рамках спорного аффиксально-корневого комплекса;

В ряде случаев перед нами оказывается аффиксально-корневой комплекс, который допускает несколько вариантов членения на морфемы, а соответственно и выделение разных корневых морфем. Сюда же следует отнести сложные случаи морфонологических изменений на стыке корня и суффикса.

Например: корни *-vap-* и *-vapл-* и многие им подобные. С одной стороны *-л-* участвует в словообразовании, а значит, это суффикс, но с другой стороны *-п-* и *-пл-* это морфонологическое изменение одной праславянской фонемы, а значит *-vapл-* следует признать морфонологическим вариантом корня *-vap-*. В подобных случаях следует учитывать множество факторов и решение этой проблемы упирается в неразработанность диалектной морфонологии.;

– определение статуса детерминативов;

Например: *вица* ‘гибкий прут’, *вичка* ‘гибкий прут’. Этимологически оба слова родственны глаголу *вить*, но следует ли нам признать детерминативы частью корня? Или в этих словах следует выделять корень *-ви-*, считая *-ц-* и *-ч-* суффиксами?

Чаще всего критерием разграничения считают сохранность семантической связи с исторически производящим словом, но этот критерий достаточно субъективен. Также возникает вопрос, что делать со словами типа *полёва* ‘сильный дождь’. Семантическая связь с глаголом сохраняется, но без детерминатива корень не встречается. Можно отнести такие случаи к слабым морфемно связанным корням, но остается проблема их маркировки в словаре.

Эти наблюдения наглядно демонстрируют ограниченность применения компьютерных технологий при построении электронной версии «Словаря строения слов» и необходимость прибегнуть к проверке данных в полевых условиях, а также необходимость обратиться к данным других говоров и к этимологии слов.

Т.Д. Коркина

*Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

Кеврольская таможенная книга 1721 г.

Кеврольская таможенная книга 1721 г. является документом одной из уездных таможен Архангельской губернии. Книга хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве в фонде Камер-коллегии (ф. 273, оп. 1, ч. 8, № 32764), представляет собой совокупность сшитых тетрадей общим объемом – 514 л. Книга написана скорописью, характерной для письма начала XVIII в.

Книга имеет сложный состав, т. е. представляет собой том, в который входят 33 отдельные самостоятельные книги кеврольской таможни и кружечного двора. В ведении кеврольской таможни находились волостные таможни (пильегорская, перемская, чаколская, карпогорская, сурская и др.), книги которых также вошли в состав тома. Таким образом, данный том включает 6 таможенных книг Кевролы и Кеврольского уезда, которые содержат записи таможенного сбора, отпуска товара; 20 книг кружечного двора Кевролы и Кеврольского уезда, которые в свою очередь содержат записи винного приема, питейного сбора, сбора пивовяточных пошлин. Кроме того, в том вошли 7 книг с записями сбора одновременно и таможенных, и пивовяточных пошлин.

По характеру создания и ведения кеврольская таможенная книга 1721 г. является черновой. Об этом свидетельствует, в первую очередь, собственноручные подписи торговцев и их поручителей, наличие нескольких почерков. Кроме того, в исследуемых памятниках есть вставные записи (например, о выдаче или поставке выписей), внесенные в оставленные места через некоторое время и, как правило, иным почерком, а также большое количество пустых листов, оставленных под более поздние записи. О черновом характере книги говорит и наличие ошибок (описок), исправлений, надписываний. Но в тоже время наличие записей на каждом из чистых листов «страница порожжа» или «лист порожжей», помет в конце текста «в нись не писано» или «лист

порожкеи кромь девяти строк писаныхъ», сделанных другим почерком на не до конца заполненных страницах, может говорить о том, что книгу готовили таким образом к переписыванию набело.

Книга относится уже к периоду коллегиального делопроизводства, но тем не менее сравнение этого источника с более ранними кеврольскими таможенными книгами (например, с книгами за 1712 и 1713 гг.) не показывает существенных различий в оформлении таможенных статей. Это, как правило, характерно для небольших региональных таможен, где традиция ведения дел сохранялась длительное время.

Особенностью языка таможенных книг является насыщенность их предметной лексикой (названия разнообразных товаров – продукты питания, скот, рыба, разнообразные вместилища); книги содержат наименования лиц по роду занятий, по месту жительства; особую группу составляют метрологические наименования.

Характерной чертой региональных документов является лексический материал, отражающий живую разговорную стихию, в том числе и региональную: *брусница*, *дерть*, *корг*, *коровенко*, *поддойка* (о корове), *недошлый* (о зерне), *празга*, *подварок*, *селетний*, *ядебный* (о хлебе) и др.

Л.Я. Костючук

Псковский государственный университет

Россия, г. Псков

**Роль «Лекций по русской диалектологии» академика
А.А. Шахматова в современной диалектологии и диалектной
лексикографии (содружество идей и результатов)**

С именем А.А. Шахматова связаны многие направления лингвистики: прежде всего история языка, основанная на изучении древних текстов при внимании к грамматике, к становлению норм русского языка в соответствующие периоды его развития; диалектология, общерусская и учитывающая отдельные территориальные пространства, что позволило А.А. Шахматову быть одним из авторов «Диалектологической карты русского языка в Европе»; причем не только современная для конца XIX или начала XX веков, но, что особенно важно, и историческая диалектология как неизбежное следствие внимания ученого к взаимодействию синхронии и диахронии в области устного и письменного языкового материала; фольклористика со сбором и исследованием устных народных произведений разной территориальной принадлежности; сопоставительное изучение языков в исторической перспективе... Поражает разнообразие и глубина интересов А.А. Шахматова, ярких и непреходящих по своим результатам достижений, не использовать которые (от фонетики до синтаксиса) не могут исследователи разных языковых уровней и в начале XIX века.

В связи с юбилеем ученого при обращении к его жизни и научному творчеству познается частично естественная причина столь счастливого сочетания таланта и самоотверженного, заинтересованного труда с пятнадцатилетнего гимназического возраста (с 1879 г.) под руководством профессоров В.Ф. Миллера, Ф.Ф. Фортунатова, Ф.Е. Корша. Это позволило А.А. Шахматову с семнадцати лет (в 1881-1883 гг.) публиковать серьезные научные работы, связанные с древнерусскими текстами, в авторитетнейшем журнале И.В. Ягича.

Долгие десятилетия наша отечественная наука шла к тому, чтобы заинтересованные лингвисты, занимающиеся историей языка и диалектологией, могли познакомиться с передовыми и не потерявшими свежести и актуальности научными мыслями, с исследовательскими идеями-прогнозами А.А. Шахматова, оставшимися не опубликованными в связи с ранней кончиной ученого в 1920 году. Правда, попытки сделать это были, но обстоятельства не раз мешали.

И вот, благодаря тому, что студенты историко-филологического факультета Петербургского университета еще в 1915 году литографически сохранили 72 страницы из раздела «Историческая диалектология» курса А.А. Шахматова по русской диалектологии, который ученый читал в 1909-1915 годах (лекции по русской диалектологии А.А. Шахматов читал еще и в 1919 году); благодаря тому, что выдающийся филолог XX века, Б.А. Ларин, в 1940 году по архивным материалам (черновикам А.А. Шахматова) с включением главы «Историческая диалектология» и с собственными комментариями подготовил рукопись к изданию, сдал ее в издательство (но помешала война); благодаря тому, что в 1977 году Н.А. Мещерский, сделав некоторые дополнительные примечания, опять представил рукопись к печати (но издание и на сей раз не состоялось); и, наконец, благодаря усилиям И.С. Лутовиновой (ученицы Б.А. Ларина), окончательно подготовившей рукопись к печати, – в 2010 году наука получила замечательный том: *Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции* (СПб., 2010).

В этом томе помещена статья Б.А. Ларина, опубликованная еще в 1960 году (когда казалось, что не выйдет сам труд А.А. Шахматова), – «Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи». Современные читатели видят преемственность и развитие идей А.А. Шахматова в деятельности Б.А. Ларина, в частности и в обосновании необходимости создания уникального «Псковского областного словаря с историческими данными».

Значимость подхода А.А. Шахматова к диалектологии в том, что диалектология считается исторической наукой. И теперь, когда можно познакомиться с идеями, наблюдениями, приводя-

щими к соответствующим выводам в глубоко научном и новаторском изложении теории диалектологии, особенно в историческом аспекте, видно, насколько прозорлив был А.А. Шахматов, как многое уже открылось ему в судьбах народной речи и литературного языка, в синхронном состоянии современного литературного языка, в объяснительной роли исторических языковых процессов и в обнаруженном своеобразии конкретных особенностей народной речи при сопоставлении близкородственных (разных славянских языков) и более отдаленных, но родственных в генеалогических связях (балтийских и славянских языков).

Так, в связи с пониманием исторической диалектологии А.А. Шахматов говорит о такой специфической черте псковских говоров, как наличие сочетаний [zl], [kl], вместо общевосточнославянского [л] на месте древних общеславянских сочетаний *dl, *tl. Подтверждение этому находим и в живых псковских говорах до сих пор; обнаруживаем в памятниках псковской письменности: *всегли на конь* (вместо *всели*) — в псковских летописях; *мочигло* вместо *мочило* ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна’ — в местных, псковских, грамотах, опубликованных в 1966 г. Л.М. Марасиновой. В русско-немецком разговорнике, составленном в 1607 году в Пскове, составитель его, немецкий купец Т. Фенне, тоже зафиксировал подобное явление: например, в прошедшем времени мужского рода единственного числа о самом говорящем *розочклись*, что соответствует словоформе «разчелся» с корнем *чет-*, где древнему *tl соответствует [kl]. Уникальные сведения о псковской народной речи начала XVII века дошли до нас в записи иностранца, благодаря публикации 1970 года в Копенгагене второго тома исследования зарубежных лингвистов, среди которых был и наш соотечественник Р.О. Якобсон.

Открытие (фактически вторичное после сообщения А.А. Шахматова) указанной особенности псковских говоров во второй половине XX века помогло А.А. Зализняку в последние десятилетия века обосновать теорию древнего псковско-новгородского диалекта, отличавшегося от других восточнославянских. Обнаружение явления в псковских говорах, соседствующих с балтийскими языками, где есть сочетания [gl], [kl], допускает предположение, что эти балтийские сочетания в древности под-

держивали несвершение изменения **dl, *tl > *l* в речи предков современных псковичей. Будь опубликован труд А.А. Шахматова ранее – вероятно, ранее могли быть замечены и обоснованы и другие уникальные особенности псковских говоров.

Но важно, что шахматовские идеи первых десятилетий XX века, с которыми знакомил Б.А. Ларин в своей статье 1960 года, объективно способствовали и другим открытиям на материале псковских говоров. А их авторам приходилось в научных дискуссиях отстаивать свое право на открытие: ведь некоторые уникальные особенности псковских говоров с учетом ряда условий – это не поздние, близкие к современному состоянию, процессы, а следы древнего языкового состояния у данной группы славянского населения.

Так, интересы двух великих ученых (А.А. Шахматова и Б.А. Ларина) встретились при обсуждении вопросов исторической диалектологии, которая способна сделать диалектологию одной из важных лингвистических наук, так как требует, по мнению А.А. Шахматова, связь с историей, археологией, этнографией и, конечно, с диалектной лексикографией.

Доклад и последующая публикация проиллюстрируют и другие решения языковых явлений и выбор соответствующих приемов для исследования и представления осуществленных наблюдений вслед за шахматовскими советами, с которыми каждый диалектолог и историк языка теперь может познакомиться.

Н.А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого

Россия, г. Тула

Судьба тульских говоров и западные языковые черты¹

Судьба тульского региона и тульских говоров имеет непростой характер. Их сложное, во многом переходное, неоднозначное положение рассматривается историками и лингвистами уже более ста лет. Тульская группа говоров по современному диалектному членению относится к межзональным говорам типа Б южнорусского наречия. Обычно при характеристике тульских говоров принято указывать на их переходное положение по отношению к юго-восточной и южной-юго-западной диалектной зоне. По диалектному членению, отраженному на первой диалектологической карте русского языка в Европе (1915 г.), тульские говоры выделялись в самостоятельную группу говоров в составе южновеликорусского наречия. Положение тульских говоров на первой диалектологической карте указывает на их территориальную близость к переходным говорам от белорусских к южновеликорусским.

На формирование тульских говоров оказывали влияние не только среднерусские и севернорусские говоры (о чем неоднократно говорилось в работах Р.И. Аванесова, В.Н. Сидорова, Н.Б. Париковой), но и довольно значительно влияла на развитие, определение особенностей тульской группы говоров линия «запад-восток». Мысли о подобном сложном влиянии на формирование говоров тульского региона находим в работах Д.К. Зеленина, А.П. Рудакова, Д.М. Савинова, А.А. Шахматова. А.А. Шахматов в лекциях по русской диалектологии отмечает, что «на первых страницах русской летописи, где сообщается о ляшском происхождении двух племен, осевших среди восточных славян, — радимичей и вятичей... В пользу тесной связи вятичей, осевших (в пределах позднейшей) Рязанской, Тульской и Калужской гу-

---

¹ Публикация осуществлена в рамках поддержанного гранта РГНФ № 14-04-00032.

берниях, с радимичами (в пределах позднейшей) Могилевской губернии можно было бы привести наличность в области как радимичей, так и вятичей речного названия *Проня*» (Шахматов 2010, 54). Подтверждение этому находим и в работах Д.К. Зеленина. В книге «Восточнославянская этнография» он пишет о том, что население южных регионов (т.е. русское население Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Тульской, Орловской и Калужской губерний) «этнографически и диалектологически отличается от севернорусского (в Новгородской, Владимирской, Вятской, Вологодской и др. губерниях) значительно больше, чем от белорусов» (Зеленин 1991, 29–34) Размышления о языковом взаимодействии и переплетении судеб западных регионов и тульского региона встречаем у замечательного тульского краеведа и энциклопедиста В.А. Левшина.

В качестве доказательства взаимодействия южных и западных языковых особенностей на территории тульских говоров мы бы хотели привести примеры лексических фактов, которые отражены в «Словаре народных говоров Западной Брянщины», составленном П.А. Расторгуевым. Выбор этого словаря для проведения сопоставительной работы не кажется нам случайным, так как сам профессор Расторгуев утверждал, что лексические факты могут свидетельствовать о процессах взаимодействия населения, проживающего на разных территориях. Он отмечал близость говоров Западной Брянщины говорам Курско-Орловской группы. В его словаре отмечается много явлений, отнесенных им на основании материалов Московской диалектологической комиссии, материалов словаря В.И. Даля к тульско-калужским. Отметим также, что П.А. Расторгуев работал некоторое время под руководством академика А.А. Шахматова, сама же идея словаря была поддержана и одобрена А.А. Шахматовым.

Лексические факты, сближающие тульские говоры и говоры Западной Брянщины, можно условно разделить на две разновидности. К первой мы отнесем те единицы, которые П.А. Расторгуевым уже отмечаются как тульско-калужские. Среди них, например, встречаются: *анадысь, надысь* – «на днях, когда-то», *анбар* – «амбар», *бувать* – «бывать», *виски* – «волосы на голове или на висках», *дробны* – «мелкий, маленький» и др. Ко

второй группе можно отнести лексические единицы, которые не были охарактеризованы П.А. Расторгуевым как тульско-калужские, но они либо имеют широкое южнорусское распространение, либо отмечаются как в говорах Западной Брянщины, так и в тульских говорах. Отметим, что для сопоставления мы использовали «Материалы к словарю тульских говоров». К таким фактам можно отнести: *болить* – «становиться большим», *бражка* – «пьяная компания», *жалища* – «жаловаться», *замашка* – «конопля-пустоцвет, мужская особь конопли» и др.

Лексические единицы, наряду, например, с фонетическими, могут свидетельствовать о наличии общих черт в рассматриваемых территориальных диалектах. Возможно, мысль, высказанная академиком А.А. Шахматовым, поддержанная другими лингвистами, о том, что вятские племена изначально заселили территорию современного Поочья и западные регионы (современной Белоруссии, Брянской области), действительно, находит своё подтверждение.

Л.Е. Кругликова
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Дескриптивный словарь versus прескриптивный словарь

Основным типом лингвистического словаря является толковый словарь. Это по существу универсальный справочник, содержащий информацию не только о значении слова, но и о его произношении, написании, морфологических признаках, особенностях употребления в речи, этимологии.

Если использовать английскую терминологию, то можно говорить о двух типах толковых словарей: дескриптивных (*descriptive*), т.е. описательных, стремящихся отразить абсолютно всё, что есть в данном языке, и прескриптивных (*prescriptive*), т.е. предписывающих, дающих норму употребления слов.

В XVIII столетии ратовали за создание прескриптивных словарей, а с начала XIX века лингвистами, в частности британскими, стала проводиться мысль о том, что словарь должен быть не предписывающим, а регистрирующим. Такое абсолютное предпочтение, отданное дескриптивным словарям, можно, вероятно, объяснить тем, что в широко известном словаре английского языка С. А. Джонсона, вышедшем в свет в Лондоне в 1755 году, использовалось много рекомендаций субъективного характера: *bad* (плохое), *elegant* (элегантное), *improper* (неподходящее), *graceful* (изящное), *an unnecessary word which is creeping into language* (ненужное слово, которое проникает в язык) и т.п.

Что касается России, то первый толковый словарь русского языка – «Словарь Академии Российской» (1789–1894) – по аналогии со словарями, созданными академиями других стран (Италии, Франции, Испании), был прескриптивным: недаром президент Академии Российской Е.Р. Дашкова считала, что главный предмет создаваемого учреждения «состоять должен в обогащении и очищении языка российского». На позиции же дескриптивистов стоял А.А. Шахматов, под руководством которого после смерти Я.К. Грота с 1895 года продолжалась работа над «Словарем русского языка».

По нашему мнению, дескриптивным может быть не только словарь национального языка, но и словарь отдельных его разновидностей, в частности, литературного языка. К таковым можно отнести «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Большой академический словарь русского языка». Цель указанных академических словарей с наибольшей полнотой отразить всё богатство современного литературного языка. В этом случае как бы сталкиваются описательный и предписывающий аспекты, т.к. основным признаком литературного языка является его нормативность. Но норма не устанавливается учеными. Они лишь отражают те тенденции, которые сформировались в живой речи. Субъективное предписывающее начало, так резко проявляющееся в словаре С.А. Джонсона, в указанных академических словарях русского языка отсутствует. Вместе с тем даже Оксфордский словарь английского языка, провозглашенный образцом дескриптивизма, содержит указания на особенности употребления слов.

Таким образом, независимо от типа толкового словаря лексикограф не является все же бесстрастным фиксатором языковых явлений. В противном случае его функцию можно было бы перепоручить машине.

А.С. Кулева
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, г. Москва

К вопросу о месте усеченных прилагательных в системе кратких и полных форм

Классические труды выдающихся русских ученых, таких как А.А. Шахматов, сохраняют актуальность. При внимательном чтении становится очевидно, что новейшие исследования не столько опровергают, сколько уточняют и разрабатывают достижения прошлого, причем некоторые идеи, представленные в виде тезисов, гипотез, эмпирических наблюдений, все еще нуждаются в углубленном изучении.

Например, до сих пор нет удовлетворительного описания такого элемента поэтического языка, как усеченные прилагательные – краткие формы в атрибутивном употреблении (традиционно рассматривавшиеся как искусственные формы полных форм и по ряду признаков противопоставляемые кратким). Они всегда рассматривались очень узко: только как черта языка поэзии XVIII – нач. XIX в. и без соотнесения с историей имени прилагательного. В системе современного русского языка краткие прилагательные существенно отличаются от полных форм по категориальному значению, по основной синтаксической функции, по морфологической структуре, поэтому многие исследователи (А.Х. Востоков, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов) либо полностью отделяли их от имени прилагательного, либо в большей или меньшей степени склонялись к этому. Так, А.А. Шахматов, различая полные и краткие прилагательные, включал последние в систему глагола, обнаруживая в этих разрядах слов категории лица и времени, а также синтаксическую функцию сказуемости (Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1936. С. 140–154).

Анализ существующей литературы и большого корпуса примеров позволяет проследить историю усеченных форм – от почти нормативного употребления в поэзии XVII–XVIII вв. (отметим, что в грамматиках того времени термин «усеченные при-

лагательные» относился к кратким формам) до превращения в яркий стилистически окрашенный языковой элемент, встречающийся и в современной поэзии.

Описывая историю имени прилагательного (Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 117–141), Шахматов не упоминал усеченных прилагательных, оговорив только фольклорное употребление: «в атрибуте подобные формы удержались только в песенном языке» (там же: 125). Однако именно игнорирование ряда аспектов, рассматриваемых в этом труде, привело к формированию «суженного» взгляда на такие формы. Так, Шахматов системно сопоставлял историю языка, его современное состояние, диалектный материал, материал других славянских языков (усеченные прилагательные никогда так не описывались). Ученый отмечал постепенное изменение атрибутивного и предикативного употребления именных форм, одновременное для разных падежей – доказательством искусственности усеченных форм считалось отсутствие полной парадигмы, тогда как наиболее редкие формы Д. и Т.п. уже на раннем этапе тяготели к позиции предиката, а в атрибутивной роли вытеснялись местоименными.

Г.И. Кустова

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, г. Москва*

Уроки А.А. Шахматова: синтаксические явления на уровне предложения¹

Распространенная критика учения Шахматова сводится к тому, что он неоправданно расширял объем и преувеличивал значение синтаксиса, тем самым уменьшая объем и сферу компетенции морфологии. Такая критика объяснима. В русской грамматике ведущие позиции традиционно занимало морфологическое учение о формах слова и грамматических категориях, что естественно для языка с развитой морфологией (показательно, что главный труд В.В. Виноградова называется «Русский язык. Грамматическое учение о слове»). Однако доминирование «морфологического подхода» (или даже – уклона) приводит к «обратному перекоосу»: грамматика становится синонимом морфологии, а на долю синтаксиса приходится описание «минимума» типов словосочетаний и предложений, и сами синтаксические теории сильно «морфологизированы»: учение о словосочетании основывается на понятии присловных распространителей, тем самым неприсловные распространители оказываются «не в фокусе», как и вообще «неморфологизованные» связи слов (например, понятие управления в традиционной грамматике сильно сужается за счет того, что управляемыми признаются только падежные формы); структуры предложений в грамматиках 70-го и 80-го гг. представлены в виде сочетания морфологических компонентов, в результате чего многие частные модели предложений, которые в школьном и вузовском курсе (а также в более ранней версии грамматики) рассматриваются как один тип (например, безличные), в последних грамматиках выглядят как разные типы.

В наши дни едва ли плодотворно продолжение исторического спора между морфологическим и синтаксическим «уклоном». Более правильно обратиться к тем сильным сторонам уче-

---

¹Работа выполняется при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а.

ния и конкретным языковым наблюдениям Шахматова, которые стали по-новому актуальны именно сейчас, когда активно развиваются такие направления науки, как теория коммуникативной организации предложения и текста, теория референции, грамматика конструкций.

В концепции Шахматова большое место занимают (если использовать современную терминологию) неприсловные связи, возникающие на уровне предложения (аппаратом «морфологизованного» синтаксиса они либо не охватываются, либо «оттесняются» на дальнюю периферию). Рассматривая такие связи, Шахматову удалось обнаружить эффекты, которые возникают только в предложении.

Приведем два примера.

(1) Задолго до появления грамматики конструкций Шахматов собрал и – в рамках понятийного аппарата своей эпохи – систематизировал богатейший материал, иллюстрирующий связи слов, которые возникают в определенных конструкциях, и за пределами этих конструкций не реализуются, при этом слова в таких конструкциях могут выступать не в исходном словарном значении, а претерпевать семантические сдвиги. Одна из таких конструкций – присоединение инфинитива (который Шахматов называл «дополнительным глагольным членом»), к существительному: *Мне решительно не было угла переодеться* (Синтаксис русского языка, § 470) (Шахматов отмечает, что существительное в таких конструкциях не является названием индивидуальной субстанции). Приводятся также интересные примеры инфинитива при прилагательном, который тоже можно считать «конструктивным» (*нетерпелив был обдумывать предпринимаемую работу*) (Синтаксис русского языка, § 471) – в отличие от инфинитива, реализующего валентность (*рад вас видеть*).

(2) Другой показательный пример – «атрибутивно-предикативное определение» (*Люди голодные не могут быть обвинены в подобном нарушении / Голодные люди...*) (Синтаксис русского языка, § 393). Отмечая возникающий здесь эффект скрытого противопоставления («голодные не могут, а сытые могут»), Шахматов выявлял те факторы, значение которых в структуре текста в полной мере было осознано лишь в конце XX века,

когда началось системное исследование порядка слов, интонации и изучение механизмов референции.

Таким образом, в разных разделах «Синтаксиса...» представлены многочисленные конструкции, за которыми стоит механизм компрессии, «уплотнения» структуры за счет дополнительных скрытых предикаций – один из фундаментальных механизмов в построении предложения и текста.

И.В. Левенталь

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург

О новой типологии толкований для учебного словаря русского языка

Одним из актуальных вопросов учебной лексикографии является создание полноценных, отвечающих достижениям последних лет и соответствующих запросам пользователей одноязычных толковых словарей русского языка для иностранцев. Процесс создания таких словарей должен быть предварен решением ряда существенных проблем, одной из которых является семантизация заголовочных единиц.

В существующих учебных словарях русского языка семантизация осуществлена посредством традиционных типов толкований: денотативного, логического, эквивалентного и отсылочного. Однако эта типология была разработана для лингвоцентрических толковых словарей предписывающего типа, предназначенных для носителей языка. Теоретические и практические наработки последних лет, а также практика преподавания доказали, что традиционные типы толкования не способствуют адекватной и успешной семантизации лексики в рамках учебных словарей для иностранцев, поэтому необходимо поднять вопрос о создании новой типологии.

В последние десятилетия стали популярны толкования в виде полных предложений (*full-sentence definition* в словарях английского языка Collins Cobuild, толковательные предложения в Словаре русского языка под ред. Д.В. Дмитриева (2003)), призванные имитировать реальные речевые модели. Однако этот тип также подвергается критике лексикографов за многословность, неточность, сложность синтаксических структур и ограниченную сочетаемость (Atkins B. T. S., Rundell M., Hausmann F.J., Gorbahn A. R.), хотя их методическая ценность признается многими.

Тем временем многие люди в рамках межнационального общения успешно объясняют друг другу значения слов, не используя перевод. Такие эпизоды в речевой коммуникации отно-

сят к метаязыковой деятельности носителей языка. Когда человек объясняет значение, он, осознанно или подсознательно, использует наиболее оптимальную стратегию толкования: идентифицирующую (логические операции абстрагирования и обобщения), классифицирующую (парадигматические связи слов), иллюстрирующую (отсылка к типовой ситуации) или ассоциативную (использование коллективных или индивидуальных ассоциаций) (А.Н. Ростова).

В процессе анализа более чем 700 «наивных» толкований были обнаружены универсальные стратегии объяснения значений для определённых словарных объединений. Так, для объяснения значений слов, референты которых лишены наглядно-чувственной соотнесённости (прилагательные, глаголы, наречия, существительные с отвлечённым значением), используется преимущественно иллюстративная стратегия. Метаязыковой рефлексии «наивного» лексикографа подвергается типичная ситуация употребления слова, взятая из собственного речевого опыта.

При разработке типологии толкований для учебного словаря русского языка представляется возможным использовать структурные и семантические особенности «наивных» стратегий.

И.Н. Левина

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
Россия, г. Санкт-Петербург*

Стилистическое маркирование моделей изъяснительных предложений в словаре

Восходящая к А.А. Шахматову направленность на отражение разнообразных языковых явлений при лексикографировании не может не учитываться и тогда, когда предметом описания является синтаксис – в данном случае изъяснительное предложение, представленное лексико-синтаксическими моделями типа [ИЗВЕЩАТЬ], (ЧТО...). С этой точки зрения, несомненно, вызывают интерес следующие примеры, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка: *А ту же самую ночь получил он от сестры **ведомость, что** отец умер, а Святополк убил Бориса и сам Киевом овладел, вельми тем опечалился.* (В.Н.Татищев. История российская в семи томах. Т.2. 1750); *Ну вот. Прихожу в столову, отобедала, обед купила ему. Ну и всё **поглядываю, что** идёт, идёт – нет, всё нету. Всё нету.* (Быт. Видения [Архангельская область, 1999]); *Да, милок... Вляпают тебе! Но ты **напирай, что** неумышленно, неумышленно.* (Сергей Никоненко и др. А поутру они проснулись, к/ф, 2003); *А потом в девяностом году это по весне / по-моему / началась такая какая-то активная **деятельность о том / что** будем праздновать семьсотпятидесятилетие Невской битвы.* (Ратные поля России. Д/ф из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2009); *Андрей скажите пожалуйста/ вы/ ээ **утверждаете/ о том что** вот/ то о чём идёт речь/ это/ эвристический тип обучения.* (А.В. Хуторской. Эвристический потенциал отечественного образования и педагогические условия его реализации // <http://www.khutorskoy.ru/discus/audio/index.htm>, 2008).

Сложность введения стилистических помет в отношении лексико-синтаксических моделей сложноподчиненного изъяснительного предложения обуславливается тем, что причиной появления у лексико-синтаксической модели стилистической окра-

шенности может служить, с одной стороны, лексическое значение компонентов (прежде всего «опорного слова»), с другой стороны – их синтагматика.

При этом стилистическое значение «опорного слова» (лексико-семантического варианта) не предопределяет его обязательного наличия у лексико-синтаксической модели: ср. имеющую в словарях помету «книжн.» лексему «аксиома» и отсутствие соответствующего значения у модели [АКСИОМА], (ЧТО...).

Представляется, что круг стилистических помет модели может быть ограничен а) передающими информацию, связанную со сферой употребления (*прост., разг., книжн., обл.*), и б) информацию, связанную с исторической перспективой (*устар.*). Указание на источник появления стилистической окраски есть возможность осуществить с помощью добавляемых к помете цифровых индексов (например, для указания, что источником является сочетаемость: *прост.-2; устар.-2*).

Необходимость стилистической разметки лексико-синтаксических моделей требует как ориентация на порождение правильного высказывания (особенно учебная лексикография), так и корректный анализ языкового материала (авторская лексикография, в частности).

О.И. Литвинюк

*НИЛ контрастивной лингвистики и методики преподавания
иностранных языков Издательства «Навчальна книга»
Украина, г. Днепрпетровск*

«Возраст» языка: концепция А.А. Шахматова и изменение ядра

С точки зрения стойкости в диахронии коммуникативного ядра лингвальной системы концепция А.А. Шахматова об «общедревнерусском» языке, распад которого на нынешние восточнославянские затянулся из-за интеграционных процессов в Киевской Руси, опровергается функционально-ориентированным исследованием этим же учёным синтаксиса: одной-двух тысяч лет мало для формирования массового креативного языкового мышления, продуктом которого стал такой пестроцвет структур, а ведь есть ещё обширная семантически влиятельная морфемика.

Сравнительное изучение синтаксисов английского и русского языков даёт разительную хронофункциональную диспропорцию: будучи, с учётом гипотетического древнерусского периода, по меньшей мере, на тысячелетие моложе, второй оказался значительно продуктивнее первого. Многовековое обособление диалектов пратюркского языка дало ещё меньший результат: фонетические и лексические различия замедляют общение современных уже разноязыких тюрков, однако не останавливают его, синтаксически речевые потоки примерно однородны, ономастикон же всё ещё общий. По качеству и количеству внутренних расхождений диалектно-говорный набор современного украинского языка разнообразнее русского, а потому неясно, как и почему вышедшие из одного древнерусского лона языки так неодинаково и с разной скоростью почковались, а также по какой причине результат расщепления настолько отличен от параллельных по времени и пространству аналогичных процессов восточных и западных соседей Древней Руси.

Из вышеизложенного следует, что даже в среде этнически гомогенных коммуникантов обособление диалектов и формирование на их основе языков с оригинальным набором, в частности,

синтаксических средств требует гораздо более длительного времени и/или плотности речевого общения, чем традиционно считается.

Если так, то киеворусский период не тормозил разделения общей лингвальной системы, а умножением контактов лишь интенсифицировал отпластование той её части, которая использовалась для общения с иноплеменниками, сосуществуя с прежними вербальными системами либо одной, но уже давшей инварианты, доказательством чему можно считать, в частности, разнообразие синтаксиса русского языка, к исследованию которого, предварительно изучив массив древнерусских текстов, именно с таких позиций, по нашему мнению, и подошёл А.А. Шахматов.

Однако тогда, учитывая глоттохронологические коэффициенты Сводеша и Старостина, нужно признать, что период формирования ядра той лингвальной системы, от которой отпластовался общий киеворусский коммуникативный слой, не мог быть короче нескольких десятков тысячелетий, по семантике ядро это было явно гетерогенным и в силу последнего научная модель общего индоевропейского предка к его изучению неприменима.

О.В. Лукин

*Ярославский государственный педагогический университет
Россия, г. Ярославль*

Германия и Австрия в жизни и творчестве А.А. Шахматова

Невозможно говорить о научном творчестве А.А. Шахматова без воссоздания той «парадигмы», в которой проходило его становление и развитие. В этом смысле невозможно переоценить значение Германии и Австрии для жизни и научного творчества академика А.А. Шахматова.

В раннем детстве у А. Шахматова была гувернантка Сюзанна, после ее замужества появилась другая немка – Эмма. Домашнее воспитание в самом раннем детстве способствовало его знакомству с немецким языком и культурой. 6 февраля 1875 года мальчик поступил интерном в первый класс московской гимназии Ф.И. Крейманна. Преподавателями были выдающиеся представители немецкой культуры и науки в России. Гимназия славилась превосходной постановкой преподавания современных европейских языков, в том числе, немецкого.

6 июня 1876 года дядя А. Шахматова отправился на лечение за границу и взял с собой 12-летнего племянника. После лечения на курорте Бад Гаштейн в австрийской земле Зальцбург дядя с племянником едут в Лейпциг, посетив по дороге Зальцбург, родину Моцарта, и столицу Баварии Мюнхен, где в конце июля 12-летний гимназист занимался в Королевской библиотеке и изучал произведения античных и современных немецких историков.

Попытки читать, говорить и писать на немецком языке, который тогда был одним из важнейших языков науки, так или иначе способствовали его знакомству с языкознанием Германии (в т. ч., с младограмматизмом). С начала августа до начала декабря 1876 Шахматовы живут в Лейпциге. Там Алексей сдает экзамены и поступает в четвертый класс гимназии св. Николая и занимается в университетской библиотеке. Его классным учителем был доктор Бругманн, брат К. Бругманна. Ему А. Шахматов показал написанное им по-немецки сочинение о скифах.

Находясь несколько месяцев в Лейпциге, Алексей Шахматов жил в атмосфере этого города: посещал культурные учреждения этого города и других городов Саксонии (Дрезден и Веймар), общался с окружающими. По возвращении в Россию в марте 1877 года А.А. Шахматов поступает в 3 класс гимназии Крейманна, а 27 января 1879 года знакомится с англичанином Д.Ф. Годжетсом, языковедом и преподавателем английского языка, беседует с ним по-немецки и передает свое сочинение о происхождении слов.

В феврале 1881 года состоялась первая поездка А. Шахматова в Петербург, во время которой он познакомился с известным славистом академиком И.В. Ягичем, основателем самого влиятельного органа славистики того времени журнала «Archiv für slavische Philologie», впоследствии профессором Венского университета.

Первые три публикации А.А. Шахматова появились в «Archiv für slavische Philologie». Гимназист, затем студент опубликовал свои работы в 1881–1883 гг. Пройдет двадцать лет, и в 25 номере появится статья академика А.А. Шахматова «Как в малорусском исчезла палатализация согласных перед *e* и *u*». Последней его публикацией в этом журнале станет статья «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях» в 33 номере (1912 г.).

И.С. Лутовинова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Академик А.А. Шахматов и его лекции по диалектологии

1. Имя Шахматова, крупнейшего представителя отечественной науки о языке, дорого каждому русисту. Его работы являются классикой русского языкознания. Однако работ, посвященных русской диалектологии, у него не было. Шахматов готовил такой труд, читая лекции в Санкт-Петербургском университете в 1909–1915 и в 1919 гг., накапливал материал для публикации, но, видимо, считал, что публиковать его еще рано. Однако материал был собран обширный, была выстроена концепция. Б.А. Ларин в 1930-е гг., после смерти А.А. Шахматова, взял на себя смелость представить этот материал так, как мог бы видеть это Шахматов.

2. Лекции, подготовленные проф. Б.А. Лариным, представляют собой обработку ряда рукописей и черновиков Шахматова, посвященных вопросам русской (точнее восточнославянской) диалектологии. Изданные в 2010 г. в серии «Филологическое наследие», они предназначены для специалистов, публикация их преследует историко-научные цели.

3. В те годы, когда готовилось издание «Восточнославянской диалектологии», она как наука продолжала накапливать фактический материал, но еще не определила качественно новых направлений своего дальнейшего развития, находилась на пороге последующих открытий. В этих условиях большую ценность представляли не только историко-диалектологические идеи Шахматова, но и та классификация фактического материала, которая предлагалась в его лекциях.

4. Книга состоит из пяти глав. Наибольший интерес представляет I глава «Великорусская диалектология (основные предпосылки)», посвященная понятию диалектологии и месту ее среди других наук, и V глава «Русская историческая диалектология (предпосылки)». Выводы к V главе содержат предположения Шахматова о древнейших соотношениях индоевропейских диа-

лектов. Многие из них представлялись необоснованными и слишком смелыми в начале XX века, но в свете археологических исследований последних лет оказываются поразительно верными. Глава V во многом соотносится с отдельной работой Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» (1919 г.). В книге «Русская диалектология» эта публикация повторяется.

5. Шахматов «на практике исследовал отдельно современный русский литературный язык и язык древнерусской письменности, диалекты на разных исторических этапах и в особых работах или экскурсах — историю украинского и белорусского языков. В этом была его большая заслуга, неоспоримый прогресс в изучении восточнославянских языков. Поэтому для академика А.А. Шахматова, возможно, и необходима была отдельно задуманная и самостоятельно разрабатываемая русская историческая диалектология наряду с историей русского языка» (Б.А. Ларин).

6. Введение в научный обиход этих работ Шахматова важно не только для отечественного языкознания: многие вопросы остаются актуальными и в наши дни. Несмотря на большие достижения науки об истории русского языка и особенно диалектологии, а также на то, что многие используемые в книге данные устарели, идеи Шахматова продолжают будить исследовательскую мысль, а во многом представляются верными и сейчас.

В.И. Макаров

*Брянский университет им. акад. И.Г. Петровского
Россия, г. Брянск*

Предназначение человека – «увеличивать сумму добра на земле» (А.А. Шахматов)

О научных трудах А.А. Шахматова сказано и написано много. Однако для истории науки и культуры любого общества не менее важны нравственный облик большого ученого, особенности его характера, понимание им смысла человеческого существования, высших ценностей жизни. Об этом, не менее важным, сказано по отношению к академику А.А. Шахматову, к сожалению, значительно меньше. Наша учащаяся молодежь, в том числе филологическая, знает о нем еще меньше.

Формированию личности А.А. Шахматова как человека и ученого способствовал ряд обстоятельств в их неразрывном единстве: 1) разносторонние культурные традиции семьи, 2) взаимная доброжелательность в них, 3) целеустремленность, ранняя увлеченность наукой, 4) высочайшее трудолюбие и работоспособность, 5) инициативность, 6) гармония таланта как совпадение желаний человека с его возможностями, 7) раннее знакомство с корифеями филологической науки (И.В. Ягичем, Ф.Е. Коршем, Ф.Ф. Фортунатовым, В.Ф. Миллером, Н.И. Стороженко и др.) и феноменально рано начавшееся научное сотрудничество с ними.

Основные черты личности А.А. Шахматова: преклонение перед семейным очагом (смирненное «несение креста» тяжелых болезней любимой жены и смертельно больного сына), чувство собственного достоинства, скромность, дружелюбие, помощь нуждающимся в ней (обездоленным крестьянам родной Саратовщины, студентам выпускного курса СПб. университета, исключаемым из-за невозможности оплаты за обучение), потребность справедливости; принципиальность (см. его ответ Совету министров по запросу к Академии «давать отзывы на политически вредные книги»), чувство гражданской ответственности перед обществом (участие в «Записке 342 ученых»), любовь к сту-

денческой молодежи и стремление постоять за нее, всячески (в том числе материально) помогать ей; уважение прав и свобод отдельной личности и целого народа, борьба за эти права в условиях царской России (борьба ОРЯС РАН за отмену стеснений украинского печатного слова), поддержка молодых научных талантов (особенно украинских), за что его и Ф.Е. Корша реакционеры обвиняли в «украинофильстве», и мн.др. Особо велика заслуга Шахматова и возглавлявшегося им ОРЯС ИАН в усилиях по созданию при ОРЯС Академии почетного «Отделения изящной словесности», по осуществлению давно назревшей реформы русской орфографии (борьба за которую продолжалась с 1903 вплоть до прихода советской власти).

Вместе с тем жизнь А.А. Шахматова — поучительный пример постоянной его работы над собой, над природными недостатками характера: мнительностью, застенчивостью, ранимостью. В одном из писем Ф.Ф. Фортунатову от 16 октября 1893 г. А.А. Шахматов писал: «Человек представляет такой сложный внутренний мир, что трудно от него требовать неперменного исполнения той или иной жизненной программы...» (ПФА РАН, Ф.90, оп. 3, ед.хр. 95, л. 44 об.). Удивительно, но создается устойчивое впечатление, что сам ученый будто еще в детстве составил себе такую программу и неукоснительно следовал ей всю жизнь.

Важное место в мировоззрении академика с детства занимали размышления о религии (его взгляды волнующе изложены в последнем, предсмертном, письме Шахматова к старшей дочери, хранящемся в РГАЛИ).

Особая страница общественно-политической деятельности академика — его напряженная и фактически, к сожалению, почти не результативная в условиях той эпохи «борьба с мельницами» за демократические свободы в качестве избранника «от академической курии» России в составе Государственного совета и Государственной Думы.

Доклад строится на материалах архивов РАН, ПФА РАН, РГАЛИ, РО НБ Украины и др., а также на ценнейших свидетельствах старшей сестры А.А. Шахматова Е.А. Масальской (см. 2-е издание ее книги «Воспоминания о моем брате А.А. Шахматове. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2012»).

И.А. Малышева

*Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

Исследование рукописных памятников XVIII века: варьирование в параллельных текстах

В ряду памятников делового письма первой половины XVIII века таможенные документы занимают одно из важных мест: они датированы, представляют разные регионы России того времени, содержат богатейший лексический материал.

Одной из существенных особенностей таможенного делопроизводства является то, что регистрация товара проходила несколько этапов (явка, досмотр, отпуск, продажа, отъёмка непроданных товаров в следующий год и др.). Это приводило к появлению повторяющихся записей одного и того же товара – параллельных текстов, которые нередко содержат разночтения, в том числе отражающие и разные типы языкового варьирования (См.: Малышева И. А. Комплексы таможенных документов первой половины XVIII века (лингво-текстологическая характеристика параллельных текстов) // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение. Красноярск, 1991. С. 90–98).

Явление варьирования в памятниках делового письма начала XVIII века рассматривается на материале архангельской таможенной книги 1710 г. (Архив СПб ИИ РАН, ф. 10, оп. 3, № 145, ч. 1–5, 1756 л.): *Списокъ со щетныхъ выписокъ архангелогородской таможни ярмоночного таможенного сбора 1710 года* (См.: Малышева И. А. Архангельская таможенная книга 1710 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Материалы второй международной научной конференции. Курск, 2009. С. 129–134).

Книга является беловым документом и представляет собой копию (список) счетных выписок, которые составлялись в конце года и подводили итог торговым операциям иноземных купцов, имевших большой торг в Архангельске.

В качестве лингвистического источника данная книга представляет интерес не только обширностью, разнообразием и

значимостью лингвистического материала (преобладают названия иноземных товаров: большое число иностранных слов с разной степенью адаптации и отражение поисков русских соответствий и др.), но и тем, что в ней содержатся копии регистраций разных таможенных операций, производившихся над одним и тем же товаром. Таким образом возникает материал для сопоставительного изучения параллельных текстов и выявления в них различий, например: 10 ставочков *маленких деревянных простых в них по садочку игрушешных с **попугаиками** костяными* (л. 982, явка) — 10 ставочков *маленких деревянных простых в них по садочку игрушешных с **попугаицами** костяными* (л. 1006, продажа); 3 дюжины *зубочистков* (л. 476об.) — 3 дюжины *зуботычекъ* мѣдных (л. 481).

С известной долей условности сопоставлять можно не только собственно параллельные тексты, но и разные тексты (аналогичные), содержащие названия таких же товаров с подобными характеристиками. Например, варианты ряды *анчоус–ончоус–ансовис–анчовись–ансовиш–аньсьювес*, *шкап–шхав–шкаф–шеколат–щеколат–соколат–секалат* и др.; *кофейный–кофяной–кофный*, *махавка–махальце* и др. отмечены не только в параллельных, но и в аналогичных текстах.

Данный источник содержит материал для наблюдений над явлением варьирования языковых средств разного характера: лексическая мена (например, *боченка–обрез*, *колтак спальный – шапка спальная*, *манька–муфтина*), словообразовательные параллели, внутрисловное варьирование разных типов (орфографическое, фонетическое, морфологическое) и др.

Д.А. Мартьянов
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань

Словарно-текстовая база данных русских пословиц и поговорок XVIII века

Одним из основных источников словарно-текстовой базы данных русских пословиц и поговорок XVIII века является «Собрание 4291 древних российских пословиц» (далее – Собрание). Известны три издания этого сборника: первые два издания – 1770 г. (второе – без указания на переиздание), третье – 1787 г.

Второе издание интересно списком погрешностей, приведенном в конце книги. К сожалению, неизвестно имя автора этого списка, но проведенный сравнительный анализ показал, что в третьем издании Собрания эти исправления не учтены (кроме случаев явных опечаток), что позволяет сделать вывод о том, что третье издание было перепечатано с первого, а не со второго.

На первом этапе работы нами была подготовлена компьютерная текстотека Собрания, в которой отражены все орфографические и пунктуационные особенности оригинального текста, кроме букв, отсутствующих в современном русском алфавите. В ходе сравнения трех изданий сборника были выявлены расхождения в текстах пословиц. Часть расхождений отражает орфографический разнобой, характерный для русского языка XVIII века: *ея / ее, лошки / ложки, счет / щот* и др.

В некоторых случаях во втором издании заменены отдельные лексические единицы. Например: *Ближняя родня на одном солнце онучки [платье – во 2-м изд.] сушили; Видит собака молоко, да **рыло коротко** [достать далеко]; Всеу законы писать, когда их не **исполнять** [хранить].* Во всех приведенных случаях в третьем издании напечатан вариант первого, а не второго издания.

Выявлены также отдельные случаи отсутствия той или иной пословицы в одном из изданий Собрания. Например, во 2-м издании пропущена поговорка *Этот ловец старых овец* (1-е изд.,

стр. 66; 3-е изд., стр. 56). В 1-м и 3-м изданиях отсутствует поговорка *Нищева обидеть, сумою пахнет* (2-е изд., стр. 219).

Все обнаруженные расхождения отражаются в словарно-текстовой базе, таким образом, в компьютерном тексте Собрания будут отражены все три издания. Текстотека является индексированной, для каждой поговорки указан адрес, состоящий из номера страницы и номера поговорки на этой странице. Такая система индексации позволяет без труда найти ту или иную поговорку в печатном издании в случае необходимости.

На основе текстотеки составляется конкорданс (полный словоуказатель со всеми контекстами употребления для каждого слова Собрания), а также указатели (частотные, алфавитные, в т.ч. обратные и др.). Конкорданс является лемматизированным: для каждой лексемы восстановлена начальная (словарная) форма.

На основе компьютерной текстотеки составляется словарь, который реализуется в двух формах: традиционной (в виде книги) и электронной (интернет-компонент, размещаемый на портале «Казанский лингвографический фонд»: <http://klf.kpfu.ru>). Интернет-версия словаря находится в свободном доступе и предоставляет широкие возможности для поиска, отбора и просмотра лексических единиц, зафиксированных в Собрании.

Н.И. Милютенко

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Начальный свод и «Повесть временных лет» – новые аргументы в пользу текстологии А.А. Шахматова

Представление о русских летописях как о сводах сложилось задолго до А.А. Шахматова. Сам термин был окончательно сформулирован и обоснован в 1868 г. в диссертации К. Н. Бестужева-Рюмина, проф. Санкт-Петербургского университета и основателя Высших женских курсов. Однако, именно Шахматову принадлежит заслуга применения текстологии для анализа летописных текстов. До него она встречалась исключительно в исследованиях житий и памятников торжественного красноречия. Сравнение Новгородской 1 летописи младшего извода с текстом «Повести временных лет» позволило выделить Начальный свод, из которого впоследствии уже сугубо аналитическим путем были выделены Древнейший и Печерский своды, но последние два не сохранились в реальных текстах. Гипотетическим остается и определение окончания Начального свода 1093–1095 гг., т. к. Н1 мл., а, в особенности Н1 старшего извода за XI в. очень кратки, а более или менее пространные статьи либо совпадают с ПВЛ, либо посвящены исключительно новгородским событиям.

Однако на участке до конца X в. Н1 мл. дает подробный удовлетворительный материал для сравнения с ПВЛ (рукопись Н1 ст. утратила начало до статьи 1016 г.). А.А. Шахматов указал, что в Н1 мл. отсутствуют договоры Руси с греками, выписки по византийской и болгарской истории из греческой Хроники Георгия Амартола, рассказы о путешествии через Русь ап. Андрея и о создании славянской азбуки свв. Константином-Кириллом и Мефодием. Рассказ о поражении князя Игоря в войне с греками в 941 г. основан только на Продолжении Хроники Амартола, цитат из «Жития Василия Нового» в отличие от ПВЛ нет. Кроме того, сам поход датирован 920 г. и предшествует походу Олега. Эту ошибку Шахматов объяснил использованием текста компилятивного хронографа типа Троицкого вместо полного перевода Хроники.

Шахматов писал, что Начальный свод (сохранился в составе Н1 мл.) вплоть до начала XI в. был основан на устных преданиях и компилятивном хронографе. История Владимира была основательно переработана за счет включения легенды о крещении в Корсуне. При создании ПВЛ летописец использовал договоры Руси, полный текст Хроники Амартола, и за счет этого он исправил некоторые ошибки своего предшественника и распространил погодную шкалу на IX – первую половину X в. Он также добавил ряд новых текстов.

Предположение Шахматова сразу вызвало возражения, например, В.М. Истрина, выдающего исследователя Палейных и Хроногра-фических текстов. Несмотря на все новые и новые аргументы в пользу гипотезы Шахматова (А.А. Гиппиус), и сейчас говорится, что Н1 мл. можно считать сокращением или хотя бы переработкой ПВЛ (Г.М. Прохов, Т.В. Вилкул). Внимания на содержание и смысл текста вообще не обращается.

Важно, что в Н1 мл. текст не просто короче, чем в ПЛВ, в нем представлена другая последовательность событий и соотношение персонажей. В Н1 мл. поход Руси на Константинополь (без даты) предшествует появлению варягов Аскольда и Дира в Киеве, приход Рюрика в Новгород описан после этого. В ПВЛ они бояре Рюрика, пришедшего в 862 г. в Новгород, которые отпросились у князя на Юг и сели в Киеве. Они же стали предводителями похода на Константинополь. В Н1 мл. Олег – не самостоятельный князь, а всего лишь воевода Игоря. Его поход на Константинополь происходит в 922 г. и являются мстью за поражение Игоря. В ПВЛ Олег назван князем в соответствии с текстом договора 911 г. с императорами Львом и Александром, его поход датирован 907 г. Поход Игоря датирован, как в греческих источниках 941 г., а его договор содержит дату 944 г. (945 сентябрьский). Следует указать, что подлинность договоров никогда не вызывала сомнений, также как и хронология Продолжателя Георгия Амартола, легко проверяемая другими греческими и западными источниками.

Если считать текст Н1 мл. переработкой ПВЛ, то нужно говорить не о сокращении, а о грубой фальсификации. Чтобы датировать поход Игоря 920 г., летописец убирает все выписки из

Хроники между рассказом о первом походе Руси на Константинополь и 941 г. вместе с датами и выбрасывает договор 944 г. Чтобы сделать Олега воеводой, он убирает текст договора 907 г., где тот назван князем. Заодно выброшен и договор Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием 971 г. Летописец Н1 мл. убирает погодную сетку от 922 г. до известия о злосчастном походе Игоря на древлян в 945 г., но, чтобы окончательно запутать читателя, пишет «По семь же скажемъ о приключьшихся в летехъ сихъ», и дает серию пустых дат без всяких событий от 922 г. до 940 г.

Такие действия вполне логичны для современного фальсификатора, но методика средневекового историка была иной. Даже в таких политизированных компиляциях XVI в., как Никоновская летопись и Степенная книга, мы не увидим столь грубой работы. Дело было, конечно, не в особой честности летописцев (современные им события они и искажали, и приукрашали), а в том, что летопись была чтением, рассчитанным на интеллектуалов. Незнание такого популярного и всем известного с начала XII в. текста, как Хроника Георгия Амартола, могло вызвать только недоверие к автору. Наоборот, если в Новгороде с XI в. летопись начиналась не с ПВЛ, а с предшествовавшего ей Начального свода, то повторение именного этого текста летописцем 1440-х гг. совершенно естественно. Оба списка Н1 мл. XV в. доведены именно до этого времени и этими же годами датируются. Перед нами пример непрерывно ведущейся летописи, традиционно воспроизводящей с минимальными изменениями то начало, которое ей когда-то было дано первыми летописцами.

Л.С. Мингазова
Казанский федеральный университет
Россия, г. Казань

К вопросу периодизации в авторской лингвографии

В последние десятилетия отмечается активный рост исследований в области русской авторской лингвографии (далее по тексту – АЛ). За более чем 150-летнюю историю накоплен значительный опыт лингвографирования авторских идиолектов. В связи с этим возникает необходимость переосмысления и уточнения временных границ существующих периодизаций.

Согласно периодизации, представленной в работе О.И. Фоняковой, в истории АЛ выделяют 3 периода развития: I период – 1880-е – 1910-е гг.; II период – 1920-е – 1950-е гг.; III период – 1960-е – 1990-е гг. Л.Л. Шестакова в своем исследовании берет за основу периодизацию О.И. Фоняковой, но при этом предлагает рассматривать 4 периода. Кроме того, исследователь расширяет рамки I периода, включая в научный оборот новые лексикографические источники, с 1860 по 1910 гг. Границы III периода сужаются до 1980-х г. Автор, анализируя современное состояние АЛ, считает, что период с начала 90-х г. XX в. по настоящий момент может быть рассмотрен как самостоятельный IV этап.

Временная соотнесенность должна характеризовать действительно новый этап, содержащий в себе теоретические и практические решения актуальных и своевременных задач для АЛ. Кроме того, важна переходность, «вытекаемость» этапов, когда предшествующее становится базой последующему.

Мы считаем возможным выделение трех периодов с иными временными рамками.

I период – подготовительный или начальный – 1860-е – 1940-е гг. – характеризуется разработкой некоторых теоретических вопросов, составлением, в основном, словарей инвентаризующего плана, попыткой осмысления теоретических и прикладных задач. Как наиболее яркие явления можно назвать работы

Я.К. Грота, В.Н. Куницкого, К.П. Петрова, в советское время словарь В.Ф. Чистякова и теоретические установки Л.В. Щербы.

II период – период развития теории и практики АЛ – 1950-е – 1990-е гг. – характеризуется разработкой основных принципов составления бумажных лексикографических произведений и созданием фундаментальных трудов по АЛ ([СЯ Пуш], [САТГ]). Научные воззрения В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, Ю.Н. Караулова и др. ознаменовали собой целую эпоху и оказали влияние на развитие АЛ на десятилетия вперед. Научное обоснование проблем и задач явилось теоретической основой для последующих работ.

Выделение III – современного этапа – стало возможно с возникновением и развитием компьютерных информационных систем. На современном этапе ведется работа по созданию теоретической и практической базы для более высокого уровня информатизации в АЛ.

III период характеризуется качественно новым подходом к созданию словарей. Теоретические разработки, получившие развитие в 50-е – 90-е годы XX в., были ориентированы на составление бумажных словарей, и использование ЭВМ принималось как «подспорье» в трудоемкой работе лексикографа. С возникновением компьютерных информационных систем (в частности, компьютерных словарных фондов того или иного автора) отпадают многие проблемы, волновавшие умы ученых середины XX века. И ларинский принцип полноты как идеала становится доступным и обычным способом представления материала.

Можно прогнозировать, что III этап в АЛ станет синтезом всего накопленного на более совершенном уровне. В результате АЛ будет иметь полные, всесторонние лингвографические произведения, не лишенные грациозности и читабельности, мобильности и открытости.

Л.П. Михайлова
Петрозаводский государственный университет
Россия, г. Петрозаводск

**Лексика заонежских сказок в записях А.А. Шахматова
и материалы Словаря русских народных говоров
(сходство и различие)**

Фольклорное наследие А.А. Шахматова, в котором представлены уникальные сведения о состоянии русской народной речевой культуры и поэтического творчества конца XIX в., не в полной мере использовано в трудах по диалектной лексикографии. В поездках по Олонецкой губернии в ученый записал 71 сказку в нескольких населенных пунктах (см.: Фольклорное наследие А.А. Шахматова / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В.И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 73–224. Далее – ФН), входящих в историко-культурную зону *Заонежье*. Карта этой зоны представлена в работе И.И. Муллонен «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» (Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 9). Отметим как существенный тот факт, что «в отношении точности фиксации звука записям Шахматова нет равных в фольклористике» (ФН, с. 15). Данное положение относится, естественно, и к местной лексике, которая часто сопровождается комментариями рассказчика или замечаниями самого А.А. Шахматова.

В текстах заонежских сказок, зафиксированных А.А. Шахматовым, содержатся слова, по-разному соотносящиеся с материалами Словаря русских народных говоров (Вып. 1–46. М.; Л.; СПб., 1965–2013.), далее – СРНГ. Используя тексты, помещенные в указанном издании (ФН), выделим основные группы диалектных слов, отмечая при каждой лексической единице страницы ФН.

1. Значительная часть сопоставляемой диалектной лексики совпадает и имеет в СРНГ ссылку на «Северные сказки» Н.Е. Ончукова. Ограничимся некоторыми примерами: *зыбель* 118,

складовить 116, *наверёхнуть* 122, *обызьянить* 138; *опахать* 120; *навесить* (ужин, уху) 132–133, *перепасть* 140.

2. Имеются слова, требующие уточнения семантики в сравнении со сведениями СРНГ: *вьюноши* 123, *корчить* 239; *съекнуть* 112; *пыльник* 127.

3. Представлена и лексика, не отраженная в СРНГ: *грабленник* ‘человек, сгребаящий сено’ 222, *разлиться* ‘распаяться’ 121, *кощайный* ‘?’ 122.

4. Существенным является вопрос использования вариантов лексем, имеющих в записях А.А. Шахматова, и включения их в СРНГ: *етара* ‘гитара’ 121, *ростеть* ‘расти’, *дедке* ‘дед’ 129–130, *рогоза* ‘рогожа’ 129, *начевать* ‘ночевать’ 214, *москинка* ‘половица’ 85, *прустить* ‘простить’ 106, *лядеть* ‘глядеть’ 94.

5. Некоторые статьи СРНГ не содержат сведений XIX в., подаются лишь позднейшие данные: *тятева* 224, *тестяник* 166, *Россия*, *Русия* 121–122.

6. Словарные статьи СРНГ могут быть дополнены и значительно обогащены сочетаниями, употребляемыми в текстах заонежских сказок. Например, *русский* следует поместить такие фразеологические сочетания, как *русский комар*, *русская муха* ‘о слабой степени удара, укуса’, *вынести в Россию* ‘поднять наверх (из глубины)’ 121–122.

Приведенные сведения составляют лишь небольшую часть лексического материала исследуемых текстов. В итоге подчеркнем необходимость более полного использования текстов А.А. Шахматова при переиздании СРНГ.

В.Д. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет

В.П. Захаров

Санкт-Петербургский государственный университет/

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

Концепция генеральной лексикографической базы

При создании словаря лексикографы неизбежно сталкиваются с проблемой ограничения словника. Словари общего типа ставят перед специалистами вопрос различения терминов и общеупотребительных слов и специальная лексика включается в них в ограниченных объемах. Терминологические – заставляют разбираться, где проходит граница между терминосистемами разных дисциплин, и включают в свой состав строго ограниченный набор терминов. Словари новой лексики задаются вопросом, стоит ли включать новое слово, которое сегодня произносит каждый, но которое завтра окажется забытым. Подобные вопросы создают немало трудностей, часто остаются без ответа и решаются, исходя из конкретных лексикографических задач.

Концепция генеральной лексикографической базы появилась как попытка предложить новый подход к решению комплекса лексикографических проблем. Предлагается создать интегрированный компьютерный словарь всех слов русского языка. Примеры такого подхода известны (см., например, Сводный словарь современной русской лексики в 2 тт. под ред. Р.П. Рогожниковой, 1991 г.). Авторы, однако, идут дальше: предлагается автоматизированными методами создать словарь всех вариантов написания слов, окказионализмов и неологизмов, включая и ошибочные. Современные информационно-лингвистические технологии предоставляют возможности для решения подобной задачи. База должна включать всю имеющуюся на данный момент лексикографическую информацию, которая может быть почерпнута из словарей и корпусов текстов и будет постоянно пополняться.

Такая база может быть адаптирована для решения разнообразных лексикографических задач. В частности, мы рассчитываем, что она поможет в будущем «расшифровать» любой фрагмент текста, написанный даже неграмотно, с его последующей обработкой.

С.А. Мызников
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

О некоторых аспектах собирательской и издательской деятельности А.А. Шахматова

В течение долгого времени А. А. Шахматов стоял во главе Этнографического отделения Русского географического общества и был председателем редакционной коллегии журнала «Живая старина», принимал участие в работах «Сказочной комиссии» общества: известное издание «Сказок Архива Русского географического общества», выполненное А.М. Смирновым-Кутачевским, было закончено и увидело свет только благодаря его настойчивости.

А.А. Шахматов необычайно оживил собирательную деятельность фольклорных и диалектных данных. По его инициативе или при его поддержке организовывались экспедиции из центра в различные части России и субсидировались местные начинания, – у него же находили всегда горячую поддержку начинающие молодые ученые.

Как вспоминал академик Н.К. Никольский: «При поддержке Шахматова предпринимались многочисленные экспедиции и командировки по России и за границу для собирания материалов по диалектологии, истории русской письменности, ... фольклора, для составления диалектологических и этнографических карт, для пополнения областных словарей, для описания рукописных собраний и старопечатных книг, для изучения бытовых остатков старины и т. д. Благодаря Шахматову усилилась ученая производительность провинциальных учреждений и исследователей» (Фольклорные записи А.А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948. С. 6).

Многие труды по языку и фольклору смогли увидеть свет только благодаря поддержке Шахматова, как например, знаменитое издание «Сказки и песни Белозерского края» братьев Соколовых.

А.А. Шахматов внес крупный вклад в дело изучения русского фольклора и диалектных материалов Говоров Обонежья. Его диалектные записи и исследования до сих пор являются предметом детального изучения.

В значительной степени, благодаря Шахматову, увидел свет и знаменитый в истории изучения местной сказочной традиции сборник Е.Н. Ончукова «Северные сказки», который был издан в «Записках Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии» в 1908 г. В процессе этого труда А.А. Шахматов ощутил необходимость расширить свои лингвистические исследования путем привлечения нового материала, а именно живых народных говоров.

Диалектологическая информация стекалась к Шахматову из различных губерний России. С его именем в 1900-1910 годах ассоциировалась деятельность главного научного учреждения России в области изучения русского языка. Привлекая к своим исследованиям обширный коллектив сотрудников, в том числе и провинциальных, он бережно и внимательно относился к их работе, помогал в разрешении возникавших вопросов и затруднений. «Чуткий к человеческой нужде, Алексей Александрович никогда не забывал значения ответа на письмо, он, видимо, всегда помнил о том человеке, который где-нибудь в глубокой глуши ждет этого приветов, ободрения, ответа на мучительные сомнения», – вспоминал об А.А. Шахматове академик С.Ф. Ольденбург.

А.А. Шахматов способствовал созданию первых диалектных региональных словарей. Так, например Г.И. Куликовский пишет о помощи А.А. Шахматова по сбору материалов: «В Москве же я познакомился с А.А. Шахматовым, путешествовавшим по Олонецкой губернии с целью изучения говоров; вместе с ним мы составили в 1887 году «Несколько вопросов к учителям и учительницам Олонецкой губернии отпечатанных Этнографическим Отделом Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии» (Куликовский Г.И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1898. С. XI). Кроме того, Г.И. Куликовскому был передан им обширный лексический материал, насчитывающий 619 еди-

ниц, нередко, являющимися единичными фиксациями, что само по себе явилось ценным вкладом в «Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского (СПб., 1898).

Ряд ценных для региональной лексикографии начинаний исходили от А.А. Шахматова, именно он поручил молодому вологодскому краеведу П.А. Дилакторскому составление словаря наречий Вологодской губернии. Тщательно выполненная с учетом рекомендаций академика, эта работа была закончена к 1902 году. А.А. Шахматов передал составителю словаря ценные рукописи, которые вошли в перечень источников словаря: П.А. Обнорский «Словарь народных слов и выражений, собранных в Вологодском и Грязовецком уездах»; А. Протопопов «Сборник слов, выбранных из архивных яренских столбцов XVI–XVII века». П.А. Дилакторский отмечал также, что пользовался карточками с материалами академика А.А. Шахматова.

И до настоящего времени фольклорные и диалектные записи наследия А.А. Шахматова требуют к себе пристального внимания Ср., например, его фольклорные материалы, полученные в Прионежье: *Садилась моя волюшка На рябиновы кусточки. Моя волюшка не усиделась, Она тут да стрепехталась, И полетела моя волюшка Во корбища во тёмныи, И утонула моя волюшка Во болотищи топучиим.* (Фольклорные записи А.А. Шахматова в Прионежье. С. 33). При данных СРНГ: Корбища, и, ж. Густо заросшее место в лесу (часто в ельнике на болоте). *В таку корбищу зашел, что и свету не видать.* Вытегор. Олон., 1896 (СРНГ 14: 311).

А.А. Немька, А.Н. Пешков
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар

**Особенности реализации системных отношений
терминологии синтаксиса на уровне парадигматики
(от А.А. Шахматова до наших дней)**

Одним из существенных показателей системности русской лингвистической терминологии, в том числе синтаксической, и факторов, определяющих динамику ее развития, являются системно-семантические связи единиц. Наличие указанных связей (для любой терминосистемы) признается исследователями, поскольку термин – это слово или словосочетание в особой функции выражения специального понятия и в терминологиях происходят те же процессы, что и в общелитературной лексике.

Выявление в макросистеме терминов русского синтаксиса таких системно-семантических связей, как синонимия, антонимия, полисемия, омонимия, гипонимия и гиперонимия эффективно производить на основе методик дефиниционного и полного компонентного анализа.

Полисемия и омонимия синтаксических терминов единичны, носят исключительно межуровневый характер и реализуются в макросистеме. Провести четкие грани между исследуемыми отношениями довольно сложно, поскольку омонимия часто возникает в результате расхождения значений терминов-полисемантов и отмечается существенное структурное сходство единиц (два лексико-семантических варианта).

Трудности в разграничении омонимии и полисемии возникают лишь при наличии двух дефиниций для одного термина. Термины, которым соответствует более двух дефиниций, квалифицируем как межуровневые полисеманты.

В настоящее время наблюдается значительное усложнение родовидовых отношений терминоединиц русского синтаксиса.

Сравнение лингвистических терминов, фигурирующих в трудах А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, И.И. Давыдова, Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, М.Н. Петерсона, с

терминами последних тридцати лет позволяет говорить об изменении ряда терминов, существенной дефиниционной трансформации, замене единичных терминов на микросистемные образования, продиктованное различием подходов к изучению русского синтаксиса, способствующее поиску оптимальных средств выражения различных понятий и направленное на совершенствование уровня структурной организации терминосистемы синтаксиса, что на современном этапе находит выражение в отборе термино-единиц, дифференцированных семантически и функционально.

О.В. Никитин

*Московский государственный областной университет
Россия, г. Москва*

**«Филология – это наша жизнь» (малоизвестные факты
из биографии А.А. Шахматова)**

Исследователи отечественной науки немало обращались к биографии А.А. Шахматова, но в силу определенных обстоятельств каждый раз менялись акценты: то Алексея Александровича приписывали к контрреволюционерам (он некоторое время входил в партию кадетов), то называли его метод исследования формальным, то критиковали за «модернизацию прошлого».

1910-е гг. – время напряженных ожиданий и тревог за судьбу России. Именно тогда в научных трудах А.А. Шахматова наблюдается стремление уйти в глубины исторического прошлого не только для того, чтобы исследовать язык наших предков, но и понять, при каких обстоятельствах зарождался остов восточнославянской народности, по каким путям она развивалась в древний период и в Средневековье, что способствовало сближению и что, наоборот, отталкивало ее родственные ветви – украинскую и белорусскую. Все это и многое другое ученый решал на страницах своих лингвистических трудов, которые теперь, в начале XXI в., можно назвать в какой-то мере историческим пророчеством А.А. Шахматова.

Так, в 1915 г. выходит объемный труд академика «Очерк древнейшего периода истории русского языка». В это же время появляются в печати статьи и переводы славистической проблематики: «К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях», «Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни» и др. А последняя прижизненная книга ученого «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг., 1919) как бы подытожила раздумья над глубокой и важной проблемой становления и развития «Русского племени».

В конце 1910-х гг. А.А. Шахматов пишет статью «О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию» –

пронзительную по интонации и глубокую по историческому смыслу. Эта работа отражает еще одну сторону общественных интересов ученого: он осознает опасность сложившейся ситуации на территории восточнославянских народов и предостерегает будущее поколение от возможных ошибок в национальных проблемах, которые нельзя решать без учета *исторического* опыта. В этой статье главным предметом своего внимания А.А. Шахматов объявляет великорусскую народность и те «сепаратистические» настроения, которые кроются в «племенах», населяющих Россию и стремящихся расчленить ее на части, уничтожить и погубить некогда единое славянское пространство.

Он указывает на факты, отталкивающие украинцев и белорусов от России, говорит о характере национального самосознания, отмечает этнографические, социальные и языковые черты «общеславян». Многие мысли нашего великого соотечественника и сейчас заставляют задуматься об этих проблемах. Так, например, он пишет: «Пусть каждый великорус содрогнется перед мыслью дать... малорусам и белорусам антирусское направление; это рыть могилу себе, своему государству и своей национальности; *мы сильны своим единством* (курсив наш. – О.Н.), без него мы станем добычей других, более сильных народов становления восточнославянского государства».

Первая книга об А.А. Шахматове, написанная его учеником В.В. Виноградовым, завершается такими словами: «В науке важнее всего – откровение новых путей, новых методов исследования. Новые пути пролагались А.А. Шахматовым во всех областях, в какие он входил».

Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева
Казанский государственный университет
Россия, г. Казань

Вопросы теории и истории русского словообразования в трудах А.А. Шахматова

Проблемы словообразования не были в числе основных научных интересов А.А. Шахматова. Однако высказанные ученым идеи стимулировали развитие словообразовательной науки. Его определение структурных элементов русского слова (в частности, основы слова) должно быть признано наиболее адекватным сути этих структурных единиц. Существующее в современной науке определение основы как части слова, остающейся после «отсечения флексийных и постфиксальных морфов» (Грамматика-70), хотя и упрятано в научную терминологию, фактически повторяет дефиницию школьного учебника («часть слова без окончания») и не передает морфологической сущности этой структурной единицы. А.А. Шахматов определяет основу как «неизменяемую часть изменяемого слова» в отличие от окончания, изменяющегося в процессе словоизменения («Историческая морфология русского языка»). К сожалению, это, по сути, правильное определение основы (как и определение ученика Бодуэна казанского лингвиста А.И. Анастасиева, сделанное им в 1883 году) было заменено, прямо скажем, поверхностной дефиницией современных специалистов, в какой-то степени дискредитирующей научное описание данного феномена.

Выделение А.А. Шахматовым в системе словообразовательных средств русского языка так называемых «старославянских суффиксов» активизировало исследование стилистических функций категорий словообразования и привело к оформлению раздела «историческое словообразование и историческая стилистика» в науке об истории русского языка.

К числу старославянских суффиксов А.А. Шахматов относит суффиксы *-тель*, *-ние*, *-тие*, *-ость*, *-ство*, *-ствие* и их производные *-тельный* и др. Правда, ученый не дает нам окончательных утверждений, сопровождая квалификацию этих суффик-

сов словами *вероятно, как кажется* («Очерк современного русского литературного языка», с. 87 и др.). Вопрос о природе этих суффиксов до сих пор не имеет окончательного решения, хотя имеется больше оснований считать эти суффиксы общеславянскими с генетической точки зрения и старославянскими – с функциональной.

Свои словообразовательные идеи А.А. Шахматов развивал в то время, когда наука об образовании слов не была еще разработана на твердых доказательных основах, поэтому не все эти идеи закрепятся в словообразовательной теории. Здесь мы отметим точку зрения ученого на субстантивацию прилагательных. Детально и всесторонне описав категорию субстантивированных прилагательных, А.А. Шахматов при объяснении способа их образования говорит о пропуске определяемого субстантива (типа *нищий человек > нищий*), но ограничивает при этом случаи распада конкретных словосочетаний («Синтаксис русского языка», с. 455 и др.). А.А. Шахматов, к сожалению, оставил без внимания взгляд А.А. Потебни, который дал более приемлемую трактовку происхождения такого рода образований. Современные специалисты (Н.М. Шанский, В.М. Марков и др.), учитывая взгляд А.А. Потебни, видят в субстантивации проявление способа семантического словопроизводства, приводя в доказательство этой точки зрения убедительные аргументы.

Н.А. Николина

*Московский педагогический государственный университет
Россия, г. Москва*

Концепция наречия в трудах А.А. Шахматова и современная морфологическая теория

В начале XX века наречие привлекает исследователей и как часть речи, и как часть лексико-семантической системы языка, и как синтаксическая категория. По-разному понимаются границы наречий и определяются классификационные признаки этого класса слов, позволяющие отграничить его от других частей речи.

А.А. Шахматов дал развернутую характеристику наречий как особого лексико-грамматического класса слов, учитывающую их семантику, морфологические признаки и синтаксические связи: «Наречие определяется как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями» («Синтаксис русского языка»). Наречие, таким образом, выделяется на основе взаимодействия семантического и морфологического критериев классификации, при рассмотрении членов предложения к ним добавляется и не менее важный синтаксический критерий. Определение категориального значения наречий базируется в работах Шахматова на репрезентации признаков значений и сложной семантической категории отношения, что позволяет максимально расширить объем данной части речи и включить в нее слова, обслуживающие как диктальную, так и модусную сферу языка.

С точки зрения Шахматова, наречие занимает в системе частей речи русского языка центральное место, так как именно оно постоянно вбирает в себя слова других грамматических классов, регулярно подвергается транспозиции. Тесная связь наречия с другими частями речи, по мнению ученого, обусловлена его семантикой.

Шахматов предлагает расширительную трактовку наречия, включая в состав этой части речи предикативные наречия, некоторые модальные слова и частицы, компаратив, междометия; см. примеры, приводимые ученым: глядь, будто, мол, вишь, холодно, жарко, страшно; должно быть, вероятно; чу, баста; он сильнее меня, сильнее меня люди. Как количественные наречия рассматриваются и именные обороты *людей полон двор, сила народу*. Описание наречий в работах Шахматова выявляет трудности их отделения от других частей речи, существующие и в современной морфологии, где до конца не решена проблема выделения наречия в синтагматическом и парадигматическом аспектах, связанная с многозначностью слов, функциональной омонимией, фразеологизацией и адвербиализацией. Не случайно в современной лингвистике все чаще говорится о широком и открытом классе адвербиалов, включающем наречную лексику и смежные с ней явления.

Установление границ наречия в трудах Шахматова связано, с одной стороны, с неизменяемостью всех объединяемых в этот класс слов, с другой, с предлагаемой ученым интерпретацией категориального значения. Расширение класса наречий одновременно соотносится с предельно широким пониманием процесса адвербиализации, в рамках которого рассматриваются и диахронические явления, и факты деривации современного языка, и фразеологизация.

Расширительная трактовка наречий в грамматическом учении Шахматова приводит к выделению дополнительных типов обстоятельств, в частности к выделению сопутствующих, утвердительных и усиливающих обстоятельств, и к противоречивому описанию вводных слов и междометий. В то же время вычленение сопутствующих обстоятельств предвосхищает рассмотрение дискурсивных слов в лингвистике конца XX в.

Концепция наречия в трудах Шахматова во многом перекликается с современной морфологической теорией и позволяет выявить в ней нерешенные проблемы: до сих пор по-разному понимается объем наречия, требует уточнения классификация адвербиальной лексики, вызывает трудности установление границ между предложно-падежными и наречиями, соотноситель-

ными с ними по структуре, не определен строго круг форм, попадающих в зону действия адвербиализации. Обращение к описанию наречий в трудах А.А. Шахматова особенно актуально сейчас, когда возрастает число неизменяемых единиц, часто неясной частеречной принадлежности.

Д.М. Поцення
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург

Семантическое пространство слова и его лексикографическое членение

Вынесенная в заглавие доклада проблема складывалась в процессе создания словарей разного типа, реализующих идеи Б.А. Ларина и выходящих в свет под грифом Межкафедрального словарного кабинета, который был основан ученым в Ленинградском / Санкт-Петербургском университете и носит теперь имя своего основателя.

Стремление к осмыслению глубинных семантических свойств слова, поиск новых форм метаязыка лексикографии проявляется на всех временных этапах составления словарей и касается прежде всего соотношения обобщающей и конкретизирующей роли сознания в разных формах существования языка. Ср. основное значение глагола *терпеть* в БАС₂ и его расщепление на два значения в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» (САТГ): ‘покорно, безропотно, не протестуя переносить тяготы жизни, несправедливость, унижения’ и ‘стойко, не жалуясь переносить физическую боль’ (оно представлено единичным употреблением), что обусловлено системой ценностей писателя, его художественной концепцией мироустройства и отражается также в семантике производных глагола *терпение, терпеливый*.

В «Псковском областном словаре с историческими данными» (ПОС) и «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» (СОРЯ) последовательно выделяются в лексических группах «названия растений», «названия животных» метонимические значения ‘ягоды, корнеплоды, зерна этих растений’, ‘шкура, мех этих животных’ или ‘мясо этих животных’, что мотивировано не только тяготением обиходного мышления к конкретности, но и значимостью описываемой реалии в повседневной жизни, регулярностью метонимической модели (синекдохи как её разновидности) «название целого → название части»; см. в ПОС: *брусні́ка, брусні́ца, картóшка, барáнка*¹ (зна-

чения ‘ягненок’ и ‘баранья шкура’), *бобр*; в СОРЯ: *гречиха*, *волк*, *горноста́й*, *гусь*.

В создаваемых словарях опробывается прием организации значений полисеманта в лексикографические блоки на основе доминантной семантической идеи (своеобразной гипердоминанты). Для обозначения таких блоков используются римские цифры. См. в ПОС словарную статью глагола *бить*, в которой 24 значения лексемы объединены в восемь лексикографических блоков. В САТГ этот прием применяется при организации значений прилагательного *тихий*, в СОРЯ – в словарной статье *большой*. Целесообразно использовать этот прием при характеристике семантики производных слов, которые отражают сложное взаимодействие значений производящего и присоединяемых аффиксов, например, описание глагола *передать* в ПОС.

Большая степень обобщения понятийных признаков в содержании основного значения ряда слов как проявление обиходного сознания / мышления и спонтанности разговорной речи определяет такой лексикографический прием, как соединение цифрового выделения значения с «побуквенным» указанием денотативной соотнесенности слова с широким кругом реалий; см. в ПОС в статье *завеса*, *завес* и *завесь* при первом значении ‘большая занавеска, кусок ткани, висящий и закрывающий что-н.’: а) ‘занавеска, отделяющая часть избы’; б) ‘занавеска, отделяющая кровать’; в) ‘занавеска, закрывающая печку, посудную полку’; г) ‘оконная занавеска, штора’ и т.д.

Опробование новых принципов описания семантики слова мотивировано новаторским характером создаваемых словарей и динамикой лексикографической мысли составителя и редактора.

М.Н. Приёмшова
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**Тезаурус русского языка в концепции А.А. Шахматова:
pro et contra¹**

А.А. Шахматов посвятил работе над толковым «Словарем русского языка» около 12 лет своей научной деятельности (с 1894 по 1906 гг.): под его редакцией вышел 2 том четвертого по счету академического словаря на буквы Е-З (1907). Однако оригинальность и самобытность шахматовской концепции толкового Словаря не вызывает сомнений.

Оставив богатое научное наследие по проблемам славянской исторической фонологии, исторической грамматики, текстологии древнерусских памятников – особенно летописей, истории русского литературного языка, грамматике и синтаксису современного ему русского языка, проблемам теории и практики лексикографии письменных трудов А.А. Шахматов не посвятил. В истории отечественной науки и отечественной лексикографии его взгляды известны в большей степени посредством высказываний современников, учеников, а также историков науки. Помимо архивных данных, можно с уверенностью назвать только два опубликованных первоисточника, в которых ученый формулирует новые лексикографические принципы продолжающегося академического Словаря: это «Записка» его выступления от 16 ноября 1895 г., опубликованная в Извлечениях из Отчетов заседания ОРЯС (Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб., 1899. С. XII–XV), и небольшой по объему ответ на критическую «Записку» И.Х. Пахмана (Шахматов А.А. Несколько слов по поводу записки И.Х. Пахмана //И.Х. Пахман. План Нового академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб., 1899. С. 28–33).

Концепция словаря «живого русского языка», как впоследствии назовет ее Л.В.Щерба – тезауруса, — научно ценна и

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX века» (буквы М-Н-О)», № 14-04-00388.

интересна для истории русской лексикографии. Расширение словника словаря «до любого употребительного в русской речи слова» и исключение принципа нормативности из концепции словарной работы привело к тому, что Словарь стал не столько справочником, сколько, прежде всего, научным изданием и был интересен и важен специалистам и филологам, что предваряет одну из тенденций в развитии современной лексикографии — реализацию посредством словаря какой-либо научной концепции. Помимо ряда научных достоинств Словаря, которые традиционно вот уже более полувека отмечаются в историко-лексикографических работах, в докладе анализируются и наиболее уязвимые моменты его концепции, часть из которых была сформулирована еще Л.В. Щербой в 1929 г.: «Но <несомненные> достоинства <Словаря> имели и плохие последствия: во-первых, в Словаре соединены несоединимые вещи: литературное и областное, причем под литературное подводится и нелитературное, но необластное, а под областное то, что может быть и общим, и литературным; самое понятие областного смешивается с понятием нелитературного; во-вторых, из поля зрения Академии совершенно ускользнула задача составления Словаря русского литературного языка — вот уже скоро 90 лет, что Академией ничего не сделано в этом направлении (издание 1868 г. есть просто перепечатка Словаря 1847 г.), и в-третьих, эти «Словарные материалы по русскому языку XVIII и XIX столетий», как точнее было бы назвать настоящее издание Словаря Академии, совершенно убили собственно словарную работу. В этих материалах не различены факты языка (*lingue*) и факты речи (*parole*), нет ни исторической, ни стилистической перспектив, классификация значений чисто внешняя. По-видимому, сам Шахматов, научная мысль которого работала вне путей лексикографии, мало интересовался подобными вопросами, а потому и не оставил никакой школы «словарников» в настоящем смысле слова» (Щерба Л.В. Докладная записка о положении дела в Словарной Комиссии Академии наук товарища председателя комиссии Л.В. Щербы (29 июля 1929 г.). //СПФ АРАН. Ф.770. Оп.1. Ед. хр. 11. Л. 92–97).

Н.С. Прохоренко
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

Обозрение фонда А.А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

Фонд А.А. Шахматова принят Архивом АН ССР из Рукописного отделения Библиотеки Академии наук в 1931 г., куда он поступил в 1923 г. от семьи учёного. В дальнейшем поступления продолжались до 1949 г. Последнее было в 1975 г. В Архиве фонд прошёл научно-техническую обработку в 1932-1936 гг. Дела описи № 1 «Научные труды, документы по деятельности и биографические» описаны в 1936 г. дочерью учёного Софьей Алексеевной Шахматовой-Коплан, которая работала в Архиве до самой своей гибели в 1942 г. Первая опись фонда до сих пор хранится в Архиве в исполнении Софьи Алексеевны: от начала до конца она написана её рукой.

В настоящее время фонд насчитывает 2781 дело.

В фонде имеются труды по истории русского летописания и других памятников древнерусской письменности. Среди них работы: «Несколько слов о Несторовом житии св. Феодосия» (1896) «О так называемой Ростовской летописи» (1904), «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908), «Летописец Нестор» (1913) и др.

Имеются работы по истории русского языка, и диалектологии:

«Исследование о языке новгородских грамот XIII-XIV вв.», (1884), «Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров» (1896), «Исследование о двинских грамотах XV в.» (1903), «Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ.» (1913) «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915) и др.

Материалы фольклорно-диалектологических поездок Шахматова в Олонецкую, Калужскую и Минскую губернии представлены записями большого количества произведений рус-

ского народного творчества и фольклора этих губерний (1884-1908).

Сохранились составленные учёным «программы для собирания особенностей народных говоров» (1887-1903) и ответы на пункты этих программ, присланные из разных уголков страны.

Имеются литографированные издания курсов лекций Шахматова в Петербургском-Петроградском университете: «Курс истории русского языка», (1908/1909 уч. г.), «Очерк истории звуков русского языка» (1909/1910 уч. г.), «Учение о формах» (1910/11 уч. г.), «Русская историческая диалектология» (1910/1911 уч. г.) и др. Имеются и отдельные неизданные лекции.

В фонде большое количество отзывов и рецензий на труды Е.Ф. Будде, Д.К. Зеленина, Е.Ф. Карского, В.Н. Перетца, В.И. Ламанского, Н.П. Лихачёва, А.И. Соболевского, И.А. Тихомирова, Л.В. Щербы, И.М. Эндзелина и др.; имеются вступительные слова и приветствия, посвящённые разным датам жизни и деятельности учёных; тексты адресов в связи с их юбилеями и годовщинами научной деятельности (1902-1914); выступления на собраниях АН в честь памяти Ф.Е. Корша (1916), Я.К. Грота (1912), И.И. Срезневского (1913), а также некрологи В.Ф. Миллера (1913), С.И. Новаковича (1915), М.И. Сухомлинова (1901), Ф.Ф. Фортунатова (1914) и др. заметки, выписки из летописей и других древнерусских памятников, грамматик и словарей славянских языков, из книг славистов и др. В процессе подготовительной работы учёный использовал тетради и карточки, которые в большом изобилии отложились в фонде.

Биографические материалы фонда не отличаются полностью, так как в 1918 г. большая часть их погибла во время пожара в родовом имении Шахматовых Губаревке. Сохранились в небольшом количестве детские учебные тетради, первый «научный труд» десятилетнего Шахматова, написанный в Губаревке «Русская старина до Ярослава I» (1974). Отложились документы о его деятельности в качестве земского начальника в Саратовском земстве (1891–1894). Имеются автобиографии учёного (1890–1913), список научных трудов (1913), документы об избрании Шахматова членом различных обществ (1887–1919), свидетельства на право ношения медалей (1893–1914), поздравления, приветствия

и телеграммы в связи с 25-летием научной и служебной деятельности (1913), заметка Шахматова «О смысле жизни» (1920), визитные карточки др.

Имеются документы по деятельности:

— в Академии наук: черновики отчётов ОРЯС, проекты документов, составленные Шахматовым и опубликованные в протоколах ОРЯС (1898–1919 гг.); письма и заявления по поводу «Записки 342 учёных», черновик письма президенту Академии наук; документы по участию в издании Словаря русского языка (1894–1912) и др.

— в Петербургском университете: записка об организации студенчества (1901) заявление в совет Петербургского университета с протестом против репрессивных мер в связи со студенческими волнениями 1911 г.; документы по семинарским занятиям, ходатайства за профессоров, студентов, повестки и извещения на заседания историко-филологического факультета, различных обществ и кружков при университете, (1901–1920) и др.

Сохранились также документы по деятельности в Библиотеке Академии наук (1917), Русском географическом обществе (1899–1920), Археографической комиссии (1900–1917), Обществе любителей древней письменности (1897–1918), Книжной палате (1917), Государственном совете (1906–1909), кадетской партии (1905–1917) и др.;

Рукописи трудов других лиц, входивших в научное общение с А.А. Шахматовым. Это фольклорно-этнографические материалы, записи говоров, собранные в разных губерниях России (русские, украинские, белорусские, мордовские). Большое количество выписок из исторических источников, сделанные частью неустановленными лицами. Имеются также работы С.Г. Бородинца, А.Н. Веселовского, И.Н. Жданова, П.И. Житецкого, Б.М. Ляпунова, П.А. Ровинского, В.Н. Строева, П.А. Сырку и др.

В фонде огромное количество писем разных лиц к А.А. Шахматову за 1881–1920. Около 1800 корреспондентов, среди них В.П. Адрианова, М.К. Азадовский, Д.В. Айналов, В.Н. Бе-нешевиц, Л.С. Берг, В.Г. Богораз-Тан, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.Ф. Бычков, В.И. Вернадский, И.М. Гревс, К.Я. Грот, М.С. Грушевский, Н.С. Державин, В.Г. Дружинин,

Н.Ф. Дубровин, С.А. Жебелёв, К.Г. Залеманн, Д.К. Зеленин, Ф.Ф. Зелинский, В.С. Иконников, В.М. Истрин, А.П. Карпинский, Е.Ф. Карский, М.М. Ковалевский, П.К. Коковцов, Н.П. Кондаков, А.Ф. Кони, вел. кн. Константин Константинович, Ф.Е. Корш, И.Ю. Крачковский, П.А. Лавров, А.С. Лаппо-Данилевский, В.В. Латышев, Н.П. Лихачев, Б.М. Ляпунов, Н.Я. Марр, В.Ф. Миллер, Б.Л. Модзалевский, Н.К. Никольский, С.Ф. Ольденбург, И.А. Орбели, И.С. Пальмов, Э.К. Пекарский, В.Н. Перетц, Н. К. Пиксанов, С.Ф. Платонов, А.Н. Пыпин, В.В. Радлов, Э.Л. Радлов, И.Е. Репин, П.А. Ровинский, П.К. Симони, А.И. Соболевский, В.И. Срезневский, В.В. Стасов, В.Н. Строев, М.И. Сухомлинов, П.А. Сырку, Б.А. Тураев, П.С. Уварова, Ф.И. Успенский, Ф.Ф. Фортунатов, П.В. Шейн, В.Ф. Шишмарёв, Л.В. Щерба, И.В. Ягич и др.

Имеется переписка рода Шахматовых за 1835–1859 г.

Сохранились черновики писем Шахматова к К.Я. Гроту, Ф.Е. Коршу, А.Н. Пыпину, П.А. Ровинскому, А.И. Соболевскому, Ф.Ф. Фортунатову, И.В. Ягичу и др. Имеются и подлинники писем Шахматова к разным лицам, переданные ими самими или их родственниками в Архив, или же случайно оторвавшиеся от архивов их адресатов и попавшие в фонд учёного.

Е.В. Пурицкая
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**«Большой академический словарь русского языка»:
шахматовские идеи и литературный язык нашего времени**

1. Концепция академического словаря А.А. Шахматова была признана «научной вершиной русской лексикографии» (Л.С. Ковтун), но замысел ученого считался неосуществимым. Сегодня эти два взгляда легко примиряются существованием словарей разных типов: нормативных словарей литературного языка, а также диалектных, исторических, терминологических и др. Базируясь на разном языковом материале, они все стремятся следовать основным шахматовским принципам лексикографического описания (полнота, глубокий анализ, систематизация, широта документации материала, детальная разработка семантики). Наиболее актуальной для нескольких «поколений» академических словарей и особенно для «Большого академического словаря русского языка» (БАС) является идея Шахматова о том, что основой языка нации служит живая речь. Действительно, сегодня «словарь живого языка нации» мог бы выглядеть совсем по-другому: диалекты постепенно размываются, а в язык художественной литературы – основной источник сегодняшнего академического словаря – проникают единицы из самых разнообразных форм национального языка: от узкоспециальной терминологии до субстандартных слоев.

2. В начале XXI в. академический словарь продолжает традицию историзма, т. е. показывает «жизнь слова» в течение почти 200 лет. И здесь современные лексикографы встречаются с трудностями, которые Шахматов вряд ли мог предвидеть. Как в пределах одной филиации, объективно и полно отражая иллюстративный материал, показать функционирование таких, например, слов и сочетаний, как *советский*, *агитация*, *революция (и контр-революция)*, *классовое сознание* и др.? Ведь в 1990-е гг., в эпоху резких социальных изменений, общество всячески открещивалось от недавнего советского образа жизни, от надоевшей офици-

альной идеологии и штампов (эту реакцию отразила и лексикография). Однако через 25 лет советское прошлое уже идеализируется и с ностальгией воспроизводится в литературных произведениях.

3. В БАС отражает превратности «нелегкой жизни» слова в XX веке несколькими способами:

- расширение толкования лексического значения слова путем введения исторического комментария;
- применение экспрессивных и семантико-стилистических помет;
- семантико-стилистические комментарии.

Но нередко в пределах одного значения слово может звучать и пренебрежительно, и нейтрально, и нести положительную характеристику – в зависимости от времени и места создания произведения, от политической позиции автора, его социальных характеристик и т. д. Очевидно, для описания таких слов необходимы новые лексикографические решения. И хотя современный БАС уже находится на второй половине алфавита, найденные решения помогут в словарной работе в будущем, при создании новых словарей – а возможно, уже и не словарей, а неких «автоматизированных лексикографических систем» (А.С. Герд), которые в XXI в. продолжат традиции академической лексикографии, заложенные А.А. Шахматовым.

К.А. Рогова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Односоставные предложения в системе синтаксического описания

Односоставные предложения были выделены А.А. Шахматовым как самостоятельные структуры, удовлетворяющие основному требованию к предложениям, – представляющие одно грамматическое целое, быть «сколько-нибудь точным отображением коммуникации» (А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. С. 30). Сама коммуникация понималась как особый акт мышления, сочетающий представления из того запаса, который «дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями» с целью сообщения об этом акте «другим людям» (указ. соч., с. 19). При этом указывалось, что «простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведённых движением воли в п р е д и к а т и в н у ю (т. е. вообще определяющую, в частности, зависимую, причинную, генетическую) связь» – психологического субъекта и предиката. Выделение односоставных предложений как одной из двух разновидностей предложений определялось тем, что в них «указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения» (указ. соч., с. 30).

Классификация односоставных предложений (а их было в списке Шахматова, по сообщению Е.С. Истриной, около 20) проводилась на основании «природы главного члена», т.е. по форме. Однако оговаривалась необходимость также деления «их по значению, насколько именно значение предложений связывается с их формой». И поскольку «значение предложений зависит частью от сочетания с другими предложениями», то, деление предложений по значению было обещано автором в особом разделе, «следующем за учением о сочетании предложений» (указ. соч., С. 19), который, к сожалению, не был написан.

Столь детальное изложение положений А.А. Шахматова об односоставных предложениях потребовалось для выявления их близости установкам современных коммуникативно-когнитивных исследований (см., Е.В. Клобуков). С коммуникативным аспектом синтаксиса связывается, прежде всего, его актуальное членение – категория предложения и текста – представляющее двучленную структуру высказывания (Т–Р), не всегда имеющую прямые соответствия с грамматическими – главными членами предложения и их составами. В односоставных предложениях в инициальной позиции в качестве ремы выступает их главный член, тема реализуется а) обстоятельственными (неопределённо-личные, номинативные) и объектными (безличные) членами предложения или б) при поддержке контекста в речевом режиме (Е.В. Падучева) с Я говорящего, как и полагал А.А. Шахматов, главный член «вызывает представление и о предикате, и о субъекте» (указ. соч., с. 50). Таким образом, двучленность высказывания односоставного предложения находит осуществление в рамках коммуникативного членения. Признание данного положения в случае его непротиворечивой аргументации может, с одной стороны, продемонстрировать стабильность включения прагматических компонентов в языковую систему, с другой – оказать влияние на понимание связи языка и мышления, процесса перевода мысли в языковую форму.

Р.П. Рогожникова
Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург

**А.А. Шахматов и Большая картотека Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН**

А.А. Шахматов был крупнейшим ученым-лингвистом, он занимался вопросами истории языка, ему также принадлежат труды по этнографии, фольклористике, диалектологии и истории русской литературы. В то же время Шахматов является крупнейшим специалистом в области Словарного дела.

Он с 1894 г. занимался не только составлением академического «Словаря русского языка», но и уделял большое внимание вопросам подготовительного этапа словарной работы.

А.А. Шахматов ставит вопрос о временных границах словаря – от «Пушкина до наших дней». Важным представляется вопрос об отборе источников для словаря.

Впервые в истории лексикографии Шахматов говорит о требованиях к материалам, выбираемым из источников Словаря. Каждое слово, оборот, выражение, приводимое в Словаре, должны быть подтверждены надежным примером.

Шахматов ставит вопрос о способах обработки материалов для Словаря: ручное расписывание, наклейка газетных материалов на карточки. Впоследствии этот метод работы с цитатами становится основой для подготовительной лексикографической работы в других словарях XX века.

Шахматов ставит вопрос перед ОРЯС о выделении средств на создание словаря и прежде всего – для его эмпирической базы.

Шахматов привлекает для собирания материалов широкую общественность, любителей и ценителей русского языка.

Все это привело в результате к созданию Большой словарной картотеки – истинной сокровищницы русского слова.

Р.П. Рогожникова

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

Эквиваленты слова как часть лексико-морфологического состава русского языка

Эквиваленты слова представляют собой типовые устойчивые сочетания, состоящие из двух и более словесных единиц, а именно: *ввиду того что, до сих пор; несмотря на то, что, батюшки мои!*

Будучи сочетанием слов, эквиваленты слова по своим лексическим и морфологическим признакам соотносятся со словесной единицей – словом.

В лексическом отношении эквиваленты слова характеризуются ударением, хотя могут быть и безударными. Эквиваленты слова могут варьироваться.

В морфологическом отношении эквиваленты слова, являясь сочетаниями слов, выступают как единицы определенных частей речи: наречия, предлоги, союзы, междометия.

Большое значение имеет сочетание отдельных эквивалентов слова с определенными знаменательными словами – лексическими единицами.

Эквиваленты слова служат для связи между знаменательными единицами предложения или для связи предложений, а также служат для выражения экспрессии и эмоций.

Ввиду сложности и неоднозначности лексико-морфологической природы эквивалентов слова очень важно правильное их представление и описание в больших толковых словарях русского языка.

Д.А. Романов
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
Россия, г. Тула

**«Первая русская книга для чтения» Л.Н. Толстого
как источник лексикографической работы
(К идее А.А. Шахматова о расширении лексической базы
толкового словаря)¹**

Как известно, академику А.А. Шахматову принадлежит идея отказа от принципа строгой нормативности при составлении толкового словаря. Приняв от Я.К. Грота руководство «Словарем русского языка», составляемым Вторым отделением Императорской Академии Наук, Шахматов предложил, по сути, новый путь развития отечественной толковой лексикографии. Лексической базой толкового словаря должен, по мнению Шахматова, стать «весь словарный материал, представляемый живыми русскими говорами». Отделение русского языка и словесности после программного доклада Шахматова этот путь одобрило. Первый выпуск шахматовской версии словаря (1897 г.) и второй том словаря Грота–Шахматова (1907 г.), составленный из 9 выпусков, показали, что новый толковый словарь призван стать полным словарем русского национального языка своего времени.

К сожалению, воплотить идею Шахматова в полной мере его ученикам и последователям не удалось: 1937 год положил конец этой работе. Однако мысль о расширении словника за счет материала нормативной периферии стала плодотворно реализовываться в лексикографической практике XX в. В частности, задуманный Ю.С. Сорокиным и Л.Л. Кутиной дифференциальный «Словарь русского языка XIX в.» должен строиться именно на этом принципе. Возглавляющая ныне данный академический проект В.Н. Калиновская справедливо отмечает: «Согласно концепции словаря предлагалось по-новому посмотреть на XIX век, отбрасывая идеологическую предвзятость в отношении этого пе-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00032.

риода нашей истории, благодаря более объективному представлению языковых фактов составить национальную языковую картину мира в ее красочном многообразии и сложности. Расширение круга источников и авторов XIX века, как показывает сегодняшней языковой опыт, позволяет увидеть даже в «ненормальных» словоупотреблениях того времени ростки будущих динамических процессов» [Калиновская 2005: 26].

«Русские книги для чтения» Л.Н. Толстого являются одним из ярких примеров нормативной периферии языка второй половины XIX в., т. к. соединяют, по принципиальному замыслу автора, различные языковые «стихии» – литературную, областную (диалектную) и просторечно-разговорную. Для лексикографической разработки в контексте обозначенной выше идеи А.А. Шахматова такой материал представляет значительный интерес.

Одной из главных черт текстов «Первой русской книги для чтения» является их особая ритмизация, построенная на использовании соразмерностей естественной народной речи, в основе которой лежит исконно русская сказовая тоника.

Языковое своеобразие толстовского текста связано во многом с лексической тканью повествования. Амбициозная задача, которую выдвигал Л.Н. Толстой для своей Азбуки и продолжающих ее книг для детского чтения, – чтобы по ним учились «несколько поколений русских детей, от мужичьих до царских», – проявлялась в том, что он использовал большое количество разговорных слов, которые, по его мнению, «облегчают усвоение идей» (в первую очередь детьми из народа).

Стилю Л.Н. Толстого этого периода характерно применение устойчивых словесных конструкций, являющихся фразеологизированными или уподобленными им. Часть таких конструкций взята из народной речи. В произведениях «Первой книги...» Толстой стремился использовать нетривиальные единицы паремиологического фонда языка.

Детальные комментарии к рассказам для детского чтения дал в полном собрании сочинений Л.Н. Толстого В.С. Спиридонов. Он нашел практически все источники толстовских текстов. Однако помимо строго текстологического (источнико-

ведческого) подхода в комментариях, видимо, следует отражать и то, как этот замысел трансформировался при соединении с другими замыслами автора, т. е. указывать возможные толстовские аллюзии, творческие смысловые приращения, видоизменения и т. д., что весьма существенно отражается в языке толстовских текстов.

С.В. Рябушкина

Ульяновский государственный педагогический университет

им. И.Н. Ульянова

Россия, г. Ульяновск

**А.А. Шахматов о средствах грамматического маркирования
количественных смыслов**

1. Грамматические сочинения А. А. Шахматова – это тщательный и исключительный по глубине обобщения анализ огромного количества разнообразных языковых фактов, живого языкового материала.

2. Основным критерием для выделения частей речи у Шахматова становится грамматическая категория, понимаемая как «представление об отношении... сопутствующее основному значению, вызываемому словом» (Синтаксис...: 2-е изд. Л., 1941. С. 420). Грамматические категории «познаются в синтаксисе» (С. 420) и «при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются» (С. 434), «далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации» (С. 436).

3. Количественные характеристики субстанций отражаются у существительного в категории числа и взаимосвязанных с нею – выражаемых в основном числовыми формами – категориях считаемости (перечислены несколько типов счетных форм), единственности (отмечены типы переносного употребления собственных имен, маркированные формами мн. ч.), единичности (словообразовательно маркированная семантика), парности (отголоски форм двойственного, в т. ч. у современных *pluralia tantum*), совокупности (детально проанализированы семантико-словообразовательные типы имен собирательных и особенности употребления форм мн. и ед. ч. с обобщенно-собирательным и другими оттенками значений), конкретности и абстрактности (морфологический признак полноты / неполноты числовой парадигмы характерен только для «более общего» употребления: возможна индивидуализация и конкретизация семантики абстрактных, с изменением их числового поведения, если они выступают «в более реальных очертаниях») (Синтаксис..., с. 436-445).

4. Числительное (ИЧ) – специализированное средство выражения количественной семантики – Шахматов определяет как часть речи незнаменательную, поскольку оно служит «для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории», обозначает отношения (Синтаксис..., с. 421). ИЧ грамматически неоднородно: «мы видим здесь вообще смешение склонений, свойственных существительным и местоимениям» (Очерк...: 4-е изд. М., 1941. С. 174). Объем ИЧ у Шахматова шире, чем это принято в современных грамматических описаниях: выделяя классы ИЧ по семантико-функциональным особенностям, он включает в их состав денумеральные существительные и наречия (Синтаксис..., с. 500-501).

5. Установка на анализ языковых явлений, «известных... из непосредственного наблюдения» (Очерк..., с. 59), отраженных в народной речи и литературном языке, позволила Шахматову отметить случаи узуальной вариативности, как-то: новообразования у ИЧ (устранение внутреннего склонения у сложных – *пятидесятью, пятистами*; аналогическую форму по *й*-склонению *тысячью*; etc.), варианты оформления сказуемого при собирательных существительных и количественно-именных сочетаниях (*Большинство ждало / ждали перемен; Прошло / прошли сто часов*) и др.

Д.Н. Сатюкова

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

Ряды прилагательных в устной и письменной речи носителей русского языка

Доклад посвящен сравнению адъективных рядов (последовательности из двух и более прилагательных) в устной и письменной речи носителей русского языка. Лингвистические работы последних десятилетий, основанные на данных английского и голландского языков, показали, что прилагательные чаще, чем слова других частей речи, обнаруживают склонность к употреблению в составе адъективного ряда. С другой стороны, известно, что в разговорной речи прилагательные используются значительно реже, чем в письменных текстах – в силу ряда грамматических и экстралингвистических причин. Задача исследования состоит в установлении того, 1) как часто цепочки прилагательных используются в устной речи, 2) сохраняются ли они в передаче того же самого рассказа на письме, 3) каковы распределение и функции членных и нечленных форм прилагательных в цепочках. А.А. Шахматов предполагал, что краткие и полные формы обладали большей функциональной спецификой в истории русского языка. Необходимо проверить, наблюдается ли большая или меньшая специализация кратких и полных форм при употреблении цепочек прилагательных.

В качестве основного материала в докладе используется корпус устной речи «Веселые истории из жизни», представленный на сайте <http://www.spokencorpora.ru>. Корпус содержит устные и письменные варианты рассказов 40 информантов (от 18 до 60 лет) о веселом событии в их жизни. Анализ корпусных данных дает возможность проследить те изменения, которые претерпевают ряды прилагательных при «переводе» устных текстов в письменные. В качестве дополнительного привлекаются также материалы корпуса «Истории о подарках и катании на лыжах», который содержит устные тексты двух жанров (рассказ и пересказ), полученные от 10 информантов.

Можно выделить несколько основных типов соответствий употребления прилагательных в устных и письменных текстах.

1. Цепочка прилагательных не претерпевает существенных изменений при переносе из устного рассказа в письменный: *Торт просто такой получился огромный, тяжелый...* (у.) — *Торт получался просто огромный и, конечно, тяжелый* (п.). Такие примеры оказались в рассматриваемом корпусе единичными.

2. Количество членов в адъективном ряду остается прежним, но меняется лексическое наполнение цепочки (ср. также появление в письменном варианте кратких прилагательных): *...я достала оттуда котёночка, причём он был такой весь — знаешь, — такой гадкий, такой маленький...* (у.) — *Был котенок жалок и грязен* (п.). Показательно, что в пунктах 1) и 2) бессоюзная связь в сочиненной группе переходит в письменных текстах в союзную.

3. Смысл, выражаемый в устном рассказе цепочкой прилагательных, передается в письменном варианте одиночным признаковым словом (...*старый-старый* ПАЗик... (у.) — *...автобус был старый, ПАЗик начала 80-х годов...* (п.)) или однокоренными словами других частей речи (*И вот папа сидит, такой грустный... такой грустный сидит...* (у.) — *Папа прочитал свой доклад и загрустил...* (п.)).

4. Возможны также случаи, обратные 3), когда одиночное определение в устном тексте получает в письменном распространение; ср. появление в письменном варианте рассказа характерного для этой формы речи причастного оборота: *...ей родители прислали из-за границы ондатровую шапку* (у.) — *Так появилась у нее и эта столь всеми желанная ондатровая шапка* (п.).

В.Б. Силина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Россия, г. Москва*

Гипотеза А.А. Шахматова о происхождении славянского глагольного вида и ее развитие в русской лингвистике

1. Указанная гипотеза представлена в труде А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» Вып. 2. Учение о частях речи. Л., 1927 (изд. 3. М. 2001, 472-474). При всей краткости ее изложения она предвосхищает основные пути развития русской аспектологии, сложившейся в XXв. Подчеркивая сложность проблемы, А.А.Шахматов определил, что основной базой развития видовых значений явились префиксальные глаголы. Приставки, сочетаясь с глагольной основой, сообщали ей значение «полноты проявления признака», в то же время видоизменяя ее лексическое значение. Собственно видовыми новообразованиями, по его мнению, стали приставочные глаголы с производной суффиксальной основой, сразу получившие значение несовершенного вида. Вместе с тем А.А. Шахматов допускает возможность появления видовых корреляций простых глаголов уже в древнейший период (ср. *простити-процати, хватити-хватати* и т.п.). Эти идеи нашли свое продолжение и конкретизацию в трудах П.С. Кузнецова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко и мн. др. исследователей.

2. Последняя работа А.А. Шахматова содержит рассуждения существенно важного характера, которые могут служить основанием для гипотез о древнейших периодах развития языка, в частности, о формировании частей речи и их взаимодействии в процессе создания сложных синтаксических конструкций. А.А. Шахматов видит в акте коммуникации сообщение о «состоявшемся в мышлении сочетании представлений». Это сочетание преобразуется в мышлении в предикативную связь. Представления, по мнению ученого, являются «представлениями о признаках и отношениях». Носители признаков – субстанции (лица, предметы), а сами признаки могут быть как пассивными (качества, свойства), так и активными (действия). И далее: «активные по своей природе признаки являются производными в отношении

к производящим их субстанциям» (указ. изд. 19–23). Такие простейшие отношения лежат в основе языкового развития. Эти рассуждения могут быть положены в основу гипотезы о происхождении глагольного слова как обозначения, непосредственно связанного с субъектом. Это обозначение могло быть знаком прежде всего активного действия, а также состояния, чувства, ощущения, и т.п. Такие представления дают возможность трактовать древнерусские причастия как глагольно-именные образования, представлявшие собой автономную часть речи со своим комплексом грамматических категорий и форм, способную выполнять предикативную функцию.

А.В. Сиренов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Шахматов и изучение русского позднесредневекового летописания

Исследовательские интересы А.А. Шахматова в области древнерусского летописания отличались редкой широтой. Стремясь реконструировать ранние этапы русского летописания, исследователь обращался к летописным текстам и гораздо более позднего времени. Благодаря такому подходу Шахматов разработал методику исследования древнерусского летописания, в основе которой – понимание единства летописной традиции от сводов XI в. до позднесредневековых летописей XVI–XVII вв. Характерно, что изучение древнерусского летописания Шахматов начал с рассмотрения именно позднесредневековых летописей. Этому обстоятельству видится два объяснения. Во-первых, внимание к поздним летописям было традиционным для русской источниковедческой мысли. Еще А.Л. Шлецер, выбирая в 60-е гг. XVIII в. летопись для издания, остановился на Никоновской летописи, хотя в его распоряжении находились и более ранние летописные памятники. Поздние летописи воспринимались как своего рода исторические энциклопедии, вобравшие в себя летописную традицию разных эпох. Предположение о том, что в поздних летописях сохранились известия, заимствованные из недошедших до нас ранних летописей, было впервые сформулировано задолго до Шахматова, но именно он предложил результативную методику исследования этой важной темы.

Вторая причина обращения Шахматова к позднесредневековой летописной традиции – в археографической составляющей его исследовательского метода. Ранние рукописи, содержащие летописные тексты, были выявлены и введены в научный оборот еще в XVIII – начале XIX вв. Относительно списков XV–XVIII вв. такую работу еще предстояло выполнить. И Шахматов в этом направлении сделал немало. Среди открытых им летописей важное место занимает летопись Симеоновская. Ее обнаружение

позволило исследователям реконструировать текст утраченной в пожаре 1812 г. Троицкой летописи – одной из трех пергаменных русских летописей, известных науке. Отметим, что Шахматов не только ввел Симеоновскую летопись в научный оборот, раскрыл ее значение для истории русского летописания, но и предложил удачное научное название – по наиболее раннему владельцу справщику Московского печатного двора XVII в. Никифору Симеонову. Руководствуясь этим же принципом, Шахматов дал название и другой открытой им летописи – Никаноровской (по имени владельца рукописи в XVII в. игумена Новоиерусалимского монастыря Никанора). Обнаружив летопись конца XV в., повествующую в числе прочего о деятельности строительного подрядчика второй половины XV в. В.Д. Ермолина, Шахматов назвал ее Ермолинской. Такой взвешенный и вздумчивый подход к наименованию летописных текстов со временем стал общепринятым, и ушли в прошлое случайные и неудачные названия летописей (Никоновская, Воскресенская, Софийская и др.). В целом же успех археографической деятельности Шахматова по поиску новых списков летописей следует объяснять не только его склонностью к архивным изысканиям. Так сложилось исторически, что основные собрания древнерусских рукописей в России сосредоточены в древлехранилищах Москвы и Петербурга. Как правило, московские исследователи лучше знают фонды московских собраний, а петербургские – петербургских. Шахматов в этом отношении представлял собой исключение, поскольку имел возможность с должной обстоятельностью изучить и московские, и петербургские собрания рукописей. Его научная деятельность началась в Москве, а продолжилась в Петербурге. Из историков летописания, пожалуй, только А.Н. Насонов отличался такой же универсальностью, поскольку сначала работал в Петрограде–Ленинграде, а потом в Москве.

Еще одна особенность исследовательского метода Шахматова, которая особенно ясно видна на примере исследования им памятников летописания XV–XVI вв. – это комплексный подход. Характерно, что Шахматов не доверял всецело избранному им методу. Результаты текстологического исследования соотносились с общеисторическим контекстом, при этом учитывались

данные археографии и наблюдения над языком изучаемых памятников. Получаемые результаты облекались в форму предположений, от которых исследователь был готов отказаться (и неоднократно отказывался) при выявлении противоречий. Таким образом, для нас в настоящее время наиболее ценными оказываются не столько полученные Шахматовым конкретные результаты, сколько общие принципы и подходы в изучении летописного материала. В этом отношении наследие Шахматова продолжает сохранять свою научную значимость.

А.И. Соколов
 Санкт-Петербургский государственный
 технологический институт/
 Институт лингвистических исследований РАН
 Россия, г. Санкт-Петербург

Явления вариативности в русской химической терминологии XVIII – начала XIX веков

В исследованиях вариантности на лексическом уровне наблюдается два подхода к изучению данного свойства языковой системы с соответствующим определением его границ.

В рамках узкого понимания вариантности лингвисты рассматривают формальные модификации конкретной языковой единицы, отталкиваясь, таким образом, от варьирования в плане выражения единицы при сохранении плана содержания. При широком понимании явления объектом исследования становится, в частности, «межсловное парадигматическое варьирование языковых элементов» (Э.Д. Головина), в результате чего основанием для сравнения и сопоставления разных лексических единиц становится некая семантическая константа, соотносимая с одним и тем же обозначаемым. В результате объект исследования, обретая многомерность, диктует особые формы анализа, т.к. в поле зрения исследователя попадают не только формальные варианты на уровне одной и той же лексемы, но и такие отношения между единицами языка, как синонимия, паронимия.

Если следовать широкому толкованию вариантности, то в русской химической терминологии исследуемого периода можно выделить следующие типы вариантов:

1. **Межлексические варианты** (называемые также дублетами, аналогами):

– разнокоренные, т.е. синонимы: *реторта* – *роговка* – *кривогорл*; *восстановить (металл)* – *возвратить* – *оживить* – *редуцировать*; *оксигениум* – *кислород* – *кислотвор*;

– однокоренные, т.е. паронимы: *амальгамация* – *амальгамирование* – *амальгамование*; *дистиллирование* – *дистилляция* – *дистиллировка*; *воскисение* – *кисение* – *окисание*;

– смешанного типа, образующие синонимопаронимические ряды: *флюс* – *плавик* – *плавень*;

2. **Внутрилексические варианты:**

– фонетико-орфографические: *ампула* – *ампулла*; *аммониак* – *аммонияк*; *газ* – *гас*; *бисмут* – *висмут*; *охра* – *вохра*;

– фонеморфологические, отражающие исторические чередования в исконных номинациях: *осаждать* – *осажать*; *влажность* – *волглость*;

– морфологические: *гельм* – *гельма*; *глет* – *глета*; *степень* (м. и ж. р.); *алкали* (ср. р.) – *алкалия* – *алкаль* (м. и ж. р.); *антимониум* – *анитимоний* – *антимония*;

– смешанного типа, образующие вариантно-дублетные ряды: *спиаутер* – *шпиаутер* – *цинк* и др.

Широкое понимание вариантности предполагает многоаспектный анализ эволюционных процессов в лексической системе, обусловленных взаимодействием языковых и внеязыковых факторов. В случае химической терминологии важным представляется изучение способов номинации тех или иных предметов, явлений и свойств при менявшемся в разные периоды XVIII века балансе заимствованной и исконной лексики, вовлекаемой в обозначение научных понятий, конкуренции функционировавших единиц, исследование причин экстралингвистического порядка (пуристические «вспышки», например), отчасти управлявших этим процессом. Первопричина же активной вариантности в терминологии видится в действии факторов эпистемологического и отнологического характера, связанных с накоплением и систематизацией эмпирических данных, ревизией старых представлений и понятий о природе химических явлений, созданием новых научных теорий.

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет
Россия, г. Вологда

А.А. Шахматов об историческом словаре русского языка и современная лексикографическая практика

Концепция исторического словаря русского языка сложилась у Шахматова в период обучения в Московском университете, когда он занимался фонетическим и морфологическим анализом древнерусских памятников. К 1885 г. уже имел 4 большие тетради выписок из грамот и летописей. Потребность в словаре была очевидной: Ягич после ознакомления в феврале 1887 с «Материалами...» Срезневского пишет Шахматову: «Я теперь получаю корректуры “Материалов для древнерусского языка” И.И. Срезневского и убеждаюсь в их сравнительной бесполезности».

Лексикографические идеи Шахматова восстанавливаются на основе его переписки с В. Ягичем, где изложены история предприятия, содержание проекта, технология его осуществления, возможный состав участников (Вопросы языкознания, 1961, № 1). Имелся написанный Шахматовым проект программы и список памятников.

Концепция А.А. Шахматова в отношении исторического словаря русского языка значима по ряду обстоятельств: 1) это первый опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; 2) Шахматов считал необходимым иметь для отбора иллюстраций большой фонд источников, не ограничиваясь традиционным кругом памятников конфессионального содержания; 3) он иначе, чем его предшественники, представлял структуру и объем словарной статьи; 4) словарная работа по созданию исторического словаря — это коллективный труд, руководить которым должны «люди с именем и авторитетом в науке», он предложил схему организации такого коллектива, продемонстрировав незаурядные качества научного администратора.

Рассмотрим алгоритм действий коллектива:

1. «собрание материалов для исторического словаря русского языка»: «привлечь к участию в этом деле как можно более

лиц»; распределение памятников для расписки между участниками: Шахматов – грамоты XII–XV вв., Козловский – грамоты XVI–XVII вв., Щепкин – жития русских святых, Григорьев с Ляпуновым – русские летописи;

2. приглашение «людей с именем и авторитетом в науке» для руководства в предстоящих словарных работах (метод составления, выбор памятников, редакторство): И.В. Ягич, Ф.Е. Корш, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Потебня (отказался), А.И. Соболевский, Р.Ф. Брандт;

3. определение территориальных (языковых) границ: «сделать его не только общерусским, но и общеславянским» (ВЯ: 117);

4. составление списка памятников: «на первом плане будут грамоты, законы, летописи, жития русских, поучения, написанные русскими». Далее дополнил Ягич: «на втором плане сочинения общего содержания (вся церковная, догматическая и т.д. литература), насколько они существуют в русских редакциях или составлены русскими авторами» (Переписка: 60);

5. координация и план работы: вначале «составлять словари к памятникам до XIV в. включительно, чтобы таким образом исчерпать толком хотя бы один отдел»; «четыре человека, усердно и умело занимающиеся, могли бы заменить 10 случайных сотрудников» (ВЯ: 119);

6. издание пробного словаря: «нужен ли он и каков должен бы быть его состав?» (ВЯ: 120);

7. информационная поддержка: опубликование программы и списка руководителей (было отложено по предложению Ягича);

Идея исторического словаря окончилась сбором предварительных материалов (хранятся в ф. 134 Архива РАН). Надо иметь в виду, что первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г., с 1889 г. «Материалы...» издавались под наблюдением А.А. Шахматова. Кроме того, в 1897 г. Шахматову поручили возглавить работу над «Словарем русского языка», и концепция исторического словаря была использована во время подготовки и издания знаменитого «Словаря русского

языка» (после смерти Я.К. Грота). Шахматов был сторонником полного словаря (лексика литературного и делового языка, «словарный состав, представляемый живыми говорами... слова церковнославянские, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русских переводах книг Св. Писания... научные и технические термины») (Словарь русского языка. Т. 2, Вып. 1. СПб., 1897: VI–VII).

В докладе также оценивается современная лексикографическая практика на примере инструкции составителям «Словаря обиходной лексики Северной Руси XVI–XVII вв».

С.Ф.Том /Toth Szilárd

Tartu Ülikooli Narva Kolledž /

Нарвский колледж Тартуского университета

Эстония, г. Тарту

Датировка как обязательная предпосылка этимологической лексикографии (на примере этимологизации регионализмов и интернационализмов финно-угорского происхождения)

Согласно теории и практике будапештской этимологической школы датировка считается обязательной предпосылкой этимологической лексикографии: крупные академические этимологические словари венгерского языка («A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», «Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen») являются историко-этимологическими. Заодно можно утверждать, что этимологические издания, не содержащие датировки, не соответствуют научным требованиям. В докладе указывается на методические недостатки нового этимологического словаря эстонского языка («Eesti etümoloogiasõnaraamat») именно в этой области.

Данные тезисы демонстрируются на материале регионализмов и интернационализмов финно-угорского происхождения. Опровергается одна псевдоэтимология, приведенная в двух изданиях эстонского словаря иностранных слов («Võõrsõnade leksikon», 2000, 2006), последовательно дается датировка и правильная этимология лексемы. Также приводится датировка отдельных финно-угорских заимствований латышского языка. В целях этимологизации латышских лексем, учитывая факт, что немецкий язык выступает в роли одного из возможных языков-посредников, дается датировка соответствующих лексем в немецком языке.

В.Ю. Франчук

*Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины
Украина, г. Киев*

А.А. Шахматов и А.А. Потебня

С трудами Потебни Шахматов основательно познакомился еще на школьной скамье, о чем свидетельствует его переписка с И.В. Ягичем. В своих письмах молодой ученый постоянно ссылается на «Два исследования о звуках русского языка», «К истории звуков русского языка» и другие труды Потебни. Из писем, например, можно сделать вывод, что именно в эти годы Шахматов усвоил идею Потебни о разновременности падения редуцированных в говорах. Позже эта идея нашла подтверждение во всех его работах по исторической фонетике. В трудах Шахматова нашли развитие и другие идеи Потебни, в частности идея о дифтонгическом переходе этимологических **о**, **е** в **і**. Тем не менее еще в молодые годы Шахматов не только развивал положения трудов признанного исследователя истории восточнославянских языков, но и обратил внимание на то, что в этих трудах Потебня не всегда мог опереться на достаточное количество фактов.

Благодаря Ягичу и Потебня смог ознакомиться со студенческим трудом Шахматова «Исследования о языке новгородских грамот». Материалы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве и Петербургском филиале Архива Российской Академии наук, дают возможность составить представление о тех сторонах деятельности этих ученых, которые до сих пор остаются недостаточно известными научной общественности. Так, влияние идей Потебни на труды Шахматова в какой-то мере уже было отмечено в отечественной науке (В.В. Виноградов, Ф.П. Филин). Однако отношение Шахматова к научному наследию Потебни, его высокая оценка, высказанная в неопубликованных трудах и письмах, осталась неизвестной широкой научной общественности. Между тем из документов, хранящихся в архивах, вырисовывается образ чуткого человека, который и в научное дело умел вложить тепло своего сердца и тем выделялся на фоне бездушной казенной обстанов-

ки, царившей в Императорской Академии наук. К сожалению, когда решалась судьба издания научного наследия Потебни, Шахматов еще не был академиком. Ему как рецензенту удалось убедить членов Отделения русского языка и словесности в необходимости издать за счет Академии 3-й том «Из записок по русской грамматике», но издать все труды ученого, о чем хлопотала вдова Потебни Мария Владимировна, Отделение отказалось. Обиженная женщина сумела отличить позицию Шахматова от взглядов официальных представителей Академии наук. Переписка этих очень разных людей продолжалась 18 лет. Мария Владимировна посылала Шахматову корректуру издаваемых ею книг мужа, советовалась с ним по вопросам публикации его рукописного наследия и учитывала его мнение по выбору текстов для переиздания уже известных трудов. Шахматов отвечал ей пониманием необходимости добровольно взятой ею на себя обязанности и старался поддержать хотя бы добрыми словами о важности того, что она делала.

В 1901 г., в десятую годовщину со дня смерти Потебни, в г. Орле вышла из печати книга «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни». Она является подробным конспектом и вместе с тем сжатым изложением двух первых томов труда Потебни «Из записок по русской грамматике», а также близкой к нему по содержанию статьи «Значения множественного числа в русском языке». Исполнителем оригинального замысла стал хорошо известный в научных кругах преподаватель русского языка и словесности Иван Михайлович Белоруссов. В фонде Шахматова имеется большое количество его писем. В ряде писем идет речь и о книге «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни». Этот материал дает возможность проследить как за процессом ее создания, так и ролью в этой работе Шахматова. Книга педагога из г. Орла стала библиографической редкостью. Однако и до наших дней нет равных ей в доступном изложении научных идей Потебни по вопросам синтаксиса. Каждому, кто намеревается углубиться в синтаксическое учение, полезно начинать знакомство с ним с книги Белоруссова. А отдавая дань одаренности и научной эрудиции ее автора, следует помнить, что она была создана по инициативе и при непосредственном участии Шахматова.

Время поставило рядом имена двух выдающихся сыновей украинского и русского народов, которым не пришлось встретиться. Переступив в XX век, младший современник Потебни Шахматов блестяще продолжил развитие восточнославянского языкознания, которое начал Потебня в середине предыдущего столетия.

В.С. Храковский

*Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

**Эволюция представлений о семантике несовершенного вида
от академика А.А. Шахматова до наших дней**

В своей книге «Синтаксис русского языка» (1941 г.) академик А.А. Шахматов, определяя значение несовершенного и совершенного видов, писал, что несовершенный вид (НСВ) означает обычное, неквалифицированное действие-состояние; а совершенный вид (СВ) означает полноту проявления действия-состояния. Вместе с тем академик А.А. Шахматов выделяет у несовершенного вида кратный, некратный, многократный и определительный подвиды, а у совершенного вида определительный, начинательный и, предположительно, окончательный подвиды. С того времени эти базовые представления претерпели значительные изменения.

В настоящее время с полным правом можно говорить о существовании аспектологии, как самостоятельного раздела в русском и общем языкознании, в котором важное место занимает проблема формулирования инвариантного значения НСВ и СВ, а также проблема количества и критериев выделения частных значений обоих видов. Наиболее дискуссионной представляется проблема количества и критериев выделения частных значений НСВ. Трудно найти двух авторов, у которых бы были представлены одинаковые классификации этих значений. Более того, у одного и того же автора с течением времени может принципиально измениться взгляд на классификацию этих значений. Примером может служить классификация частных значений НСВ, предложенная Е.В. Падучевой в работе [Падучева 1996] и в работе [Падучева 2013].

Вместе с тем, очевидно, многие, если не все, аспектологи согласны с тем, что у граммы НСВ наряду с: частным актуально-длительным (иначе конкретно-процессным), есть группа частных значений, традиционно относящихся к сфере количественной актуальности, см. [Храковский 1989], и которые

можно рассматривать как варианты одного повторительного значения. Мы имеем в виду такие значения как многократное, неограниченно-кратное, итеративное, хабитуальное, узуальное, не исключая того, что некоторые из перечисленных терминов могут у разных авторов использоваться для обозначения одного и того же частного значения. Указанные значения в той или иной комбинации практически присутствуют в любой классификации частных значений НСВ и занимают высокое место в иерархии этих значений.

Но если это так, то актуально-длительное и повторительное значение, будучи частными значениями одной граммы, в соответствии с современными представлениями являются элементами одной семантической сети и соответственно должны быть семантически связаны друг с другом. Как ни странно, в известной мне аспектологической литературе вопрос о семантической связи этих двух значений, если я не ошибаюсь, в принципе не ставился, хотя, в типологической литературе актуально-длительное значение (иначе прогрессив) относится к т.н. линейной актуальности (иначе к первичному аспекту), тогда как повторительное значение относится к т.н. количественной актуальности и даже переносятся из сферы актуальности в самостоятельную сферу глагольной множественности [Плунгян 2012]. Иначе говоря, эти значения семантически не связаны друг с другом и соответственно не должны быть частными значениями одной граммы. В докладе мы попробуем найти адекватное решение этой парадоксальной ситуации.

В.И. Чуглов

*Вологодский государственный педагогический университет
Россия, г. Вологда*

Вклад А.А. Шахматова в развитие теории осложненного предложения: предикативно-атрибутивные и атрибутивно-предикативные отношения и определения

Недостаточная изученность осложненных предложений и осложняющих образований в русистике общеизвестна. В истории изучения полупредикативных образований четко проявляются два направления, исходящих из противоположных сторон языкового знака – означающего (Потебня, Овсяннико-Куликовский, Шахматов и их последователи) и означающего (Пешковский и развивающие его идеи многочисленные последователи). В современной русистике имеет место неуклонное естественное сближение этих направлений, при этом в большей степени второго с первым.

В своем «Синтаксисе русского языка» А.А. Шахматов не рассматривает и не упоминает учение А.М. Пешковского об обособлении второстепенных членов и вообще не пользуется ни понятием, ни термином «обособленные члены предложения». С другой стороны, у А.А. Шахматова при рассмотрении разного употребления определений почти нет ссылок и на А.А. Потебню и Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Однако единственная ссылка на А.А. Потебню при указании на необходимость различать, в отличие от последнего, определения и приложения в их предикатном употреблении свидетельствует о том, что автор не только знаком с учением Потебни об аппозиции, но и развивает это учение. Это развитие состоит (1) в выделении наряду с предикативными и атрибутивными отношениями предикативно-атрибутивных и атрибутивно-предикативных отношений и соответствующих видов определений (С. 29, 38–40, 279–310); (2) в утверждении, пусть не получившем дальнейшего развития применительно к названным отношениям и определениям, что расчленение сложного нерасчлененного представления ведет к выделению из него субъекта и предиката, состоящих между собой в предикативных отношениях

(С. 29), (что позволяет оценить продуктивность мысли Пешковского об обособлении членов предложения, связанной, в частности, с расчленением определяемого и определяющего и, соответственно, подводит к необходимости не ограничиваться понятием осложняющего члена, а перейти к выделению полупредикативной конструкции – «определяемое существительное – атрибутивный оборот»); (3) в выделении ряда условий возникновения атрибутивно-предикативных отношений и атрибутивно-предикативных определений (С. 392).

Последнее представляет собой отдельную значимость, позволяя систематизировать нерасчлененные и по этой причине не относимые к полупредикативным атрибутивные образования с точки зрения «оживления» потенциальной предикативности этих образований. С учетом разного рода отношений субстантивных образований к предикативности можно выделить определенные виды имеющих динамический характер синтаксических полей, так или иначе замечаемых исследователями, но требующих дальнейшего изучения.

Л.Л. Шестакова

Институт русского языка им. В.В. Виноградов РАН

Россия, г. Москва

«Информационно-поисковая система “Словари русской поэзии Серебряного века”»: общая структура и возможности использования

С именем академика А.А. Шахматова связаны многие страницы ранней русской писательской лексикографии. Издаваемые сегодня авторские словари в разной степени реализуют идеи Шахматова – в частности, его представление о словарях писателей как источнике общеязыковых словарей. В качестве источника общих, авторских и иных словарей может служить современный многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (т. I–V, М., 2001–2013). Это полный по словнику конкорданс комментирующего типа, основанный на материале творчества 10 русских поэтов – от И. Анненского до М. Цветаевой. Наряду с подготовкой очередных томов Словаря, коллектив составителей занимается вопросами его преобразования в рамках общей проблемы обеспечения пользователей научной информацией через информационно-поисковые системы (ИПС). Один из результатов такой работы – это ИПС «Словари русской поэзии Серебряного века» (<http://lexrus.ru>), отражающая разные лексические пласты языка поэзии названного периода, обеспечивающая поиск информации от разных элементов словарной статьи (от слова, автора, пометы, времени создания стихотворения и т. д.).

ИПС включает четыре словаря: «Словарь новых слов», «Словарь редких слов», «Словарь имен собственных» и «Словарь поэтических цитат». Опираясь на корпус базового Словаря, эти справочники в целом строятся в соответствии с его основными принципами.

Каждый словарь представлен в ИПС Предисловием и Содержанием. Предисловие дает общую характеристику словарям данной разновидности и вводит конкретный словарь серии; Содержание – это собственно корпус словарных статей. Так, в Предисловии к «Словарю редких слов» отмечается, что в нем собра-

ны лексемы, употребленные одним поэтом один раз. Это слова устаревшие, областные, специальные, а также лексемы общеупотребительные, однако в поэтическом языке (в пределах произведений выбранных авторов) редко используемые (например, устар. *гайтан* у Пастернака, обл. *кирьга* у Анненского, разг. *околачиваться* у Мандельштама и т. п.).

«Словарь поэтических цитат» реализует идею В.П. Григорьева о словаре сильных поэтических контекстов. В словарь включаются, по определенным критериям, строки, выделяющиеся среди других актуальностью, образной яркостью, эстетической значимостью и т. п. Например: *Акционеры / сидят увлечены, / делят миллиарды* (Маяковский); *В бурю родились, плывем на авось, Смотрим загадочно, грозно и чудно* (Хлебников); *Быть может – вздох от нас останется, А может – Бог на нас оглянется...* (Цветаева).

Представленная ИПС может быть использована для лексикографических, исследовательских, образовательных и иных целей как источник информации о составе и структуре лексикона поэзии Серебряного века, сведений о семантике и особенностях функционирования отдельного слова, как материал для изучения языковых черт каждого из описываемых поэтов и групп поэтов и т. д.

Р.В. Шириаков

*Пензенский государственный педагогический
университет им. В.Г. Белинского
Россия, г. Пенза*

О некоторых фонетических особенностях говора села Поим Белинского района Пензенской области

Экспедиция в село Поим с целью изучить современное состояние его говора состоялась в 2010-м году. Интересным представляется то, что многие черты, отмеченные А.М. Пашковским еще в 40-х годах XX в., сохраняются в говоре Поима до наших дней.

Носителем традиционного, местного говора остается старшее поколение, в особенности пожилые женщины.

Остановим внимание на некоторых фонетических явлениях, характеризующих современный поимский говор.

Звук *О* под ударением произносится всегда четко: *ро'дина, до'рок, го'рот*. В первом предударном слоге *О* произносится менее резко, ослабленно: *домо'й, моё, столо'м, хромо'й, излома'лась*. В абсолютном начале слова безударный звук *О* произносится как *О* или *У* (во втором предударном): *отопри', одда'й, одново', но: угурцы', угоро'т, убыза'тельно, убману'ла, убрасцо'вый, убращча'тца*. «Угурцы' тоска'ла на боза'р. Большая угорче'ния от сы'на. У... укая'нный...».

В частушках слышим: «Ничаво', што мил хромо'й, лишь верну'лся бы домо'й, я встре'чу ра'досна иво', ми'ла дру'га свойово'». Наблюдается явление гиперкоррекции (на месте этимологического *А* в предударном слоге в некоторых словах произносится *О*): *корма'н, посо'дим, онба'р, Ондре'й, колинда'рь, торе'лка*.

Звук *О* во втором и третьем предударном (но не в абсолютном начале слова) или в заударных слогах чаще редуцируется: *похълода'ло, по'тпльм, свыйово', ра'дъсна*.

В окружающих Поим селах: Студёнка, Нежежино, Чернышово и других – акающее произношение (*Гля'нь-ка, чя'о*

ляти'т та. Атниси' малако'. Пади', я рабо'таю. Ма'йка, пади'-кась, атгани' каро'ву, бу'дит теб'е пытяша'тца).

Резко выделяется произношение слов в традиционном говоре, усвоенных в литературной форме: *калхо'с, село' Пои'м, патре'т.*

Между мягкими согласными безударное *А* произносится как *И*: *ичме'нь, риби'на, приди'.*

Перед твердыми с предшествующим мягким произносится: *пятно', рядно', прямо'й,* как и под ударением всегда: *грязь, зять.*

Переход *Э* в *О* в ударном положении после мягких и шипящих перед твердыми прослеживается последовательно: *нёс, привёс, далёко, бильё, бирёза, липёшка, висёлай; дешо'вой, тижо'лай, ушо'л.* «Улите'ла б туды лё'том, где залё'тка с пулимё'том...».

Ёканье отмечено в следующих словах: *бёру', нёсу', три вёрсты', тёкла', рёбро', дёржы'; пчёла', жолто'к, жона'.*

Относительно произношения согласных нужно отметить, что звонкие перед глухими и в конце слова оглушаются: *го'лупь, сыпь, рупь, любо'фь, клёф, ла'фка, столо'ф, домо'ф.* «Подру'женька дорога'я / Мой милё'ночек в бою' / Прожива'ет крофь горя'чую / За Ро'дину свою'».

Как и в севернорусских говорах, звук *Г* взрывной: *горо'т, голова', дуга', сапоги', гла'ткий».*

В конце слова *Г* оглушается без перехода в *Х*: *сапо'к, друк, снec, сток.* «Мал золотни'к, да до'рок».

Звук *Р* соответствует литературному произношению: *говору', грязно', бери'те, тире'рь, кра'снай, стара'цца.*

Фонемы *Ц* и *Ч* в говоре различаются (обычно *Ч* – немягкий, *Ц* – твёрдый): *цолу'ю, це'лай, цолко'вай; ча'шка, чысаво'й, пе'чка».*

Наблюдения над фонетикой традиционного поимского говора подтверждают севернорусское происхождение русских перепоселенцев Поима, сохранивших до наших дней основные особенности фонетики говора коренных северян, в частности: ясное оканье, ёканье, произношение г-взрывного.

С.Г. Шулежкова

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г.И. Носова

Россия, г. Магнитогорск

Позиция А.А. Шахматова в извечном споре о языковой принадлежности Остромирова евангелия

Большинство исследователей склонны были считать Остромирово евангелие древнерусским памятником, учитывая место его написания и восточнославянский характер Послеловия, выполненного дьяком Григорием. Высказывалась и противоположная точка зрения, по которой Остромирово евангелие признавалось рукописью, наиболее близкой к первопереводам солунских братьев. А.Х. Востоков, первый издатель памятника (1845), сопроводив его текст научным комментарием и «Словом-указателем», назвал Остромирово евангелие «ближайшим к началу славянской письменности памятником церковнославянского языка».

В том, что Остромирово евангелие написано общелитературным языком славян Средневековья, не сомневались ни Ф. Ф. Фортунатов, читавший курс старославянского языка; ни Г. А. Ильинский, издатель старославянских рукописей, ни Н. Н. Дурново. Не мог обойти вниманием Остромирово евангелие и А.А. Шахматов, занимавшийся широким кругом проблем, связанных с историей славянских языков. Когда в Веймаре в 1886 г. вышло 2-е издание книги А. Лескина “Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache: Grammatik. Texte. Glossar”, А.А. Шахматов обнаружил, что Лескин изменил свой взгляд на Остромирово евангелие. В 1-м издании (1871) грамматика старославянского языка «выводилась» Лескином полностью из Остромирова евангелия. Во 2-м же издании автор пришёл к выводу, что старославянский язык дошёл до нас в чистом виде лишь в Зографском евангелии и родственных ему глаголических и кириллических памятниках. Потому Лескин «совсем исключил русский, сербский и так называемый среднеболгарский изводы и пользовался как источниками грамматики ис-

ключительно памятниками, которые только в собственном и самом тесном смысле слова могут быть названы древнеболгарскими (древнесловенскими)».

Шахматов отреагировал своеобразно. Вместе с Вяч. Н. Щепкиным он перевёл «Граматику» А. Лескина, в 1890 г. издал её на русском языке и сопроводил дополнением под названием «Особенности языка Остромирова евангелия», где убедительно доказал: «оригинал, с которого Григорий списал <...> евангелие-апракос <...> был рукописью югославянского происхождения, занесённую в Новгород; <...> Если бы югославянский оригинал Остромирова евангелия сохранился, то смело можно сказать, что он бы занял первое место среди известных старославянских памятников». О том, насколько прав был А.А. Шахматов, поддержавший точку зрения А.Х. Востокова, свидетельствуют фундаментальные исследования Е.М. Верещагина 2002, 2007 и 2012 гг., посвящённые Остромирову евангелию. Принадлежность этого памятника к старославянским подтверждает также «Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий», опубликованный И. Люсен в 1995 г. Наряду с данными Зографского, Мариинского, Ассеманиева евангелий исследовательница использовала и данные Остромирова евангелия как одного из наиболее надёжных старославянских источников. Правоту Шахматова подтверждают и материалы «Индекса устойчивых словесных комплексов Остромирова евангелия», опубликованного сотрудниками Магнитогорской словарной лаборатории в 2014 г.

Назвав язык грамматики Лескина не *древнецерковнославянским*, не *древнеболгарским*, а *старославянским*, А.А. Шахматов положил начало победному шествию термина *старославянский язык* применительно к общелитературному языку славян Средневековья в отечественной славистике.

В.П. Шульгач

Институт украинского языка НАН Украины

Украина, г. Киев

**Русское диалектное *ва'рзать* и этимологическое гнездо
с корнем **vъrz-***

1. Описывая рефлексы сочетаний редуцированный + плавный под ударением (русс. диал. *ва́рзать* и др.), А.А. Шахматов писал, что качество корневого гласного зависело от гласного последующего слога, т. е. -ъ- изменялся в -а-, когда в соседнем слоге было -а-; в -у-, когда в соседнем слоге было -у-; в -и- перед -и- и т. д. (*Шахматов А.А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. С. 69.*)

Лексический материал восточнославянских языков (особенно диалектный) свидетельствует о том, что тембровая неопределенность вокального элемента -ъ- в сочетании с плавным -r- (имеется в виду ударный вокализм) могла развиваться в “определенность”, равную пятифонемному ряду (-ъr- > -ар-, -ор-, -ур-, -ыр- > -ир-, -эр- > -'ер-), т. е. не всегда зависела от качества гласного следующего слога. Полагают, что причины этого явления, не объяснимые только лишь ассимиляционными процессами, следует искать в артикуляционных и акустических характеристиках -ъ- в бинарной группе -ъr-, см. (Козлова Р.М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997. С. 29).

2. Сказанное можно проиллюстрировать на примере лексико-словообразовательной микросистемы с корнем **vъrz-*. Ср., например, русск. диал. *ва́рзать* ‘пачкаться, становиться грязным’, *ве́рзать* ‘ёрзать’, *во́рзать* ‘торопливо хлебать’, *во́рза* ‘проказник, шалун (о ребенке)’, *ву́рза* ‘грязнуля; измазанный чем-либо ребенок’, *заву́рзать* ‘запачкать, загрязнить’, *ковы́рзать* ‘небрежно ломать печеный хлеб’, *кавы́рза* ‘шалун, капостник’, *ви́рзать* ‘говорить неправду, лгать, врать’, блр. диал. *ву́рзаць* ‘хлебать’, *ву́рзнуць* ‘ударить’, ‘бросить; ответить со злостью’ и

др. Генезис лексем с *-er-* вокализмом неоднозначен: в их числе могут быть и континуанты псл. **vьrz-*.

3. Собранный нами апеллятивный и проприальный материал славянских языков (с ударным и безударным корневым вокализмом) позволяет восстановить ряд потенциальных пралексем, среди которых:

а) субстантивы: **vьrza*, **vьrzь* / **Vьrza*, **Vьrzь*, **Vьrzьсь*, **Vьrzika*, **Vьzickь*, **Vьzicь*, **Vьrzobь*, **Vьrzaxa*, **Vьzoxa*, **vьrzuxa* / **Vьrzuxa*, **Vьrzyxa*, **Vьrzajь*, **vьrzějь* / **Vьrzějь*, **Vьrzegь*, **Vьrziga*, **Vьrzuga*, **Vьrzaka*, **Vьrzakь*, **vьrzuka* / **Vьrzukь*, **Vьrzelь*, **Vьzelь*, **vьrzьlb* / **Vьrzьlb*, **Vьzotь*, **vьrzula* / **Vьrzulь*, **Vьzidlo*, **Vьzadlo*, **Vьzantь*, **Vьzantь*, **Vьzona*, **Vьzon'a*, **Vьzontь*, **vьrzuntь*, **Vьzarь*, **Vьzarь*, **Vьzortь*. Ср. также префиксальные производные: **kavьrza* / **Kavьrza*, **kovьrza* / **Kovьrza*, **Kovьrzь*, **Navьrza*, **pavьrza*, **Provьrza*, **zavьrza* / **Zavьrza*, **zavьrzajь* / **Zavьrzajь*, **Zavьrzuntь*.

б) адъективы: **Vьrzimь*, **Vьzomь*, **Vьzinь*, **Vьrzьnьjь*, **Vьzitiь*, **VьzQtь*, **Vьzontь(jь)*, **Vьzantь(jь)*.

Иллюстративный материал, на основе которого восстанавливаются указанные архетипы, в докладе паспортизован.

Е.А. Щеглова

*Институт лингвистических исследований РАН
Россия, г. Санкт-Петербург*

**Идея А.А. Шахматова о словаре тезаурусного типа
и авторская лексикография (на примере лексического
материала очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат
“Паллада”»)**

Традицию авторской лексикографии невозможно рассматривать в отрыве от общей лексикографической традиции, в особенности – от истории составления академических толковых словарей.

Русская академическая традиция составления нормативных словарей литературного языка была нарушена лишь однажды, когда работу по составлению «Словаря русского языка» (1891–1916), начатую Я.К. Гротом, после его смерти продолжил А.А. Шахматов, который, изменив основную концепцию издания, намеревался создать тезаурус русского языка. Эта попытка, незавершённая и не имевшая исторического продолжения, поразному оценивалась, но если бы идея словаря тезаурусного типа возобладала в русской академической традиции, это повлекло за собой целый ряд изменений в других лексикографических направлениях, в том числе и в авторской лексикографии. Это можно продемонстрировать на примере анализа лексического материала очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1856–1858). Произведение представляется с этой точки зрения весьма показательным, поскольку, существуя на стыке двух стилистических стихий (публицистической и художественной), оно оказалась необычайно востребованным читателями того времени. В языковом плане очерки одновременно отражают речевой узус эпохи и демонстрируют своеобразие авторского художественного словоупотребления.

При условии существования словаря тезаурусного типа (в случае очерков Гончарова – достаточно близкого к ним по времени создания), задача лексикографической обработки лексики для авторского словаря могла бы быть сведена к выявлению осо-

бенностей авторского словоупотребления по отношению к узусу. Так, в очерках путешествия, например, следовало бы особое внимание уделить семантическим сдвигам в значении таких важных для автора слов, как *комфорт*, *удобство*, *роскошь*, *цивилизация* и т.д., а также таким стилистически маркированным примерам авторского словообразования, как некоторые сложные слова: *сколотлюбивый* (об англичанах), *химически-исторический* (о процессах, наблюдаемых автором в Сибири) и т.д.

Однако в ситуации существования только нормативных академических толковых словарей задача авторской лексикографии осложняется необходимостью решать и качественно иные проблемы, имеющие отношение к изучению истории развития лексического состава языка определённой эпохи в целом. При анализе лексического материала источника выявляются группы лексики, не вошедшие ни в толковые словари литературного языка, ни даже в исторические словари, однако являющиеся весьма показательными в перспективе исследования языковых процессов эпохи. Так, например, в очерках выделяется целая группа топонимических прилагательных с актуализированными коннотативными качественными значениями оценки (*австралийская шерсть* = *хорошая шерсть*).

А.С. Щекин

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Конструкции со значением цели в славянском переводе «Слова Иоанна Богослова об успении Богородицы»

Апокрифическое «Слово Иоанна Богослова об успении Богородицы» было переведено с греческого языка на церковно-славянский достаточно рано. Древнейший список его славянского перевода сохранился в отрывке XII века; известен также целый ряд его полных списков, датируемых XIV–XV вв. Среди них список, находящийся в Паисиевском сборнике начала XV в. (РНБ Кир.-Бел. собр. № 4/1081), который и был избран для анализа употребления в нем синтаксических конструкций со значением цели, а также с побудительным значением. При переводе подобных конструкций в церковнославянском языке допускалась определенная вариативность в выборе морфологических форм, например, использование после союза *да* форм настоящего (простого будущего) времени изъявительного наклонения или сослагательного наклонения. Сравнение синтаксических конструкций славянского текста с греческим оригиналом позволило установить ряд закономерностей.

1. Во всех случаях употребления в греческом тексте придаточных предложений цели или косвенно-побудительных (после глаголов со значением волеизъявления), вводимых союзом *ἵνα* и имеющих в качестве сказуемого личную форму глагола в конъюнктиве или оптативе, соответствием в славянском тексте выступает конструкция «*да* + личная форма глагола в настоящем (простом будущем) времени изъявительного наклонения». Когда же после глаголов со значением волеизъявления в греческом тексте употребляется инфинитив, в славянском тексте он также всегда переводится инфинитивом.

2. В одном случае употребления в греческом тексте в том же значении конструкции «*ὅστε* + инфинитив», она переводится конструкцией «*да* + личная форма глагола в сослагательном наклонении».

3. Когда в греческом тексте для выражения целевого значения используется предложно-падежная конструкция «*πρός* + винительный падеж субстантивированного инфинитива», то в славянском переводе преобладает конструкция «*да* + личная форма глагола в сослагательном наклонении», хотя зафиксирован и один случай употребления конструкции «*да* + личная форма глагола в настоящем (простом будущем) времени изъявительного наклонения».

Можно сделать вывод, что имевшиеся в церковнославянском языке возможности варьирования морфологических средств в наибольшей степени использовались, когда буквальный перевод синтаксических конструкций греческого оригинала оказывался невозможным (как во второй и третьей группах примеров). Тогда же, когда буквальный перевод греческих синтаксических конструкций не противоречил славянскому грамматическому строю, переводчик отдавал предпочтение морфологическим формам, наиболее близким языку оригинала.

В.В. Яковлев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

А.А. Шахматов глазами земляков

Среди воспоминаний об А.А. Шахматове, посвященных в основном его научной и педагогической деятельности, особое место занимают воспоминания близких ему людей. Они донесли до нас образ не столько Шахматова-ученого, сколько Шахматова-человека, со своими чертами характера, своим отношением к жизни, людям, его окружавшим, тем или иным событиям, современником которых он был и др. Зачастую только благодаря им мы можем узнать о бытовой стороне его жизни, отношениях в семье, частных мнениях коллег. Таких материалов сохранилось очень немного, опубликованы пока только воспоминания его сестры Евгении Александровны, повествующие о первых тридцати лет жизни Шахматова (до 1894 г.).

Большой интерес для изучения биографии Шахматова представляют документы, посвященные его контактам с земляками из Саратова. В этой губернии находилась родовая усадьба Шахматовых Губаревка, здесь прошли его детские годы, сюда он регулярно приезжал летом в течение всей жизни, именно это место он считал своей «малой родиной». Одна из его саратовских знакомых, близкая подруга сестры Елизавета Алексеевна Иванова в 1926 г. написала воспоминания о Шахматове (она посвятила их дочери академика С.А. Коплан-Шахматовой). Они были знакомы более тридцати лет – первая их встреча произошла в 1884 г. Просто и непритязательно написанные записки представляют Шахматова в первую очередь как хорошего знакомого, а не выдающегося ученого – академика («Научная величина в полном объеме стала мне известна лишь после его смерти», – писала Иванова). Только в них можно прочесть такие оценки, как: «Ну, точно прятанный в тени губаревского парка ландыш!» (в рассказе о том, что после избрания академиком Шахматов стал еще «более стыдливее и скромнее»), «Не академик – отшельник», «конфузится помогая», «был такой человек – лучезарный, “сын

Солнца”, я его видела и знала... получала от него свет и тепло, и накануне своей смерти, почти что из-под ножа, он меня вспомнил теплым словом. И, пользуясь словами поэта, «не говорю с тоской: “Его нет”, а с благодарностью: “Он был”» и мн. др. Редкий коллега, просто знакомый смог бы так оценить и охарактеризовать его те или иные поступки, черты характера.

Благодаря воспоминаниям можно узнать частное мнение Шахматова о Л.Н. Толстом, обсуждении его романа «Воскресение» и отлучении, С.Ю. Витте, отношении к наградам и почестям и др. Особо отмечается любовь и интерес Шахматова к русским летописям и истории («Я работаю как раз над летописью, и для меня лучшей книги нет...»). Отдельное место занимает частная, семейная жизнь академика – его женитьба на Н.А. Градовской, рождение детей, трагедия, связанная с болезнью и ранней смертью сына, описание вечеров в квартире Шахматовых и даже официальных мероприятий в Академии наук и университете, его преподавательской деятельности и др. Большой интерес представляют подробные рассказы о пребывании Шахматова в Саратове и Губаревке, его работе в местном земстве, о том, как воспринимали достижения академика на родине и пр.

Помимо воспоминаний частично сохранилась переписка Шахматова и Ивановой, а также другие материалы, в частности, в Государственном архиве Саратовской области (Ф. 660).

Автором доклада воспоминания Ивановой и другие документы, посвященные жизни Шахматова, подготовлены к изданию и будут опубликованы в юбилейный год.